

ПЕРМСКИЕ АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

сборник материалов
научно-практической конференции
«Родина. Государство. Человек»

ПЕРМЬ-ЧУСОВОЙ
13–14 ноября 2015 г.

ПЕРМСКИЕ АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

сборник материалов
научно-практической конференции
«Родина. Государство. Человек»

Пермь–Чусовой
13–14 ноября 2015 г.

УДК 82-5
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
П 275

*Издание сборника «Пермские Астафьевские чтения»
по материалам научно-практической конференции
«Родина. Государство. Человек» и подготовка
его электронной версии осуществлены при поддержке
Министерства культуры, молодёжной политики и массовых
коммуникаций Пермского края (www.mk.permkrai.ru)
и при содействии Пермской краевой общественной
(профессиональной) организации Союза писателей России.*

П 275 Пермские Астафьевские чтения: сб. статей по материалам научно-практической конференции «Родина. Государство. Человек» Пермских Астафьевских чтений. //Пермь—Чусовой, 13–14 ноября 2015 г. — Пермь: Пермский писатель, 2015. — 192 с.

Сборник содержит материалы научно-практической конференции «Родина. Государство. Человек», которая проходила в Перми и Чусовом 13–14 ноября 2015 года. Не все представленные здесь статьи были озвучены в качестве докладов в ходе «Пермских Астафьевских чтений».

В сборник вошли сообщения, исследовательские работы, методические разработки, заметки максимально возможного количества участников, расширивших, в сравнении с прошедшей конференцией, список авторов. Материалы рассчитаны, в первую очередь, на литературоведов, библиотекарей, преподавателей, педагогов, студентов и старшеклассников. В данном издании есть сюжеты, производящие на читателя очень сильное, почти художественное впечатление.

Год 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, Год литературы в России, стоящее за правду имя Астафьева — не из этого ли совпадения времени и действия вылилась широкая, волнующая тематика выступлений? Сосредоточенное внимание к «народному», к личному началу, к физическому и — больше — нравственному самочувствию общества. Попытки прояснить судьбу России, сложности современного воспитания национального самосознания, любви к Родине — в немалой степени все эти разнородные материалы сопрягает между собой сама личность и творчество великого писателя России XX века, что и позволяет рекомендовать сборник широкому кругу читателей старше 16 лет.

*Кураев М. Н.
писатель, кинодраматург, публицист
(г. Санкт-Петербург)*

Астафьев и война

Судя по программе нынешних «Пермских Астафьевских чтений», конференция вырастает в достаточно широкое, разнообразное по тематике собрание, освещённое не только именем вашего великого земляка, и не только ему посвящённое. Девиз конференции: «Родина. Государство. Человек» и нынешний год 70-летия Победы, совпавший с Годом литературы в России, позволяет сосредоточить наше внимание на актуальных проблемах, как творчества Астафьева, так и осмысления нашей истории и места литературы в этом процессе.

Тему своего сообщения я обозначу как «Астафьев и война», специально не разделяя даже условно писателя и солдата. Не разделяю именно потому, что жаркие, подчас обжигающие споры вокруг, прежде всего, эпопеи «Прокляты и убиты», как мне кажется, происходят от того, что оппоненты Виктора Петровича свято убеждены в том, что писатель и солдат должности разные, и то, что может себе позволить солдат, не должен позволять писатель. Убеждённые в том, что «присяга» солдатская это одно, а писательская — другое, они строят на этом убеждении жёсткие обвинения писателя, ни много ни мало, в искажении правды о войне.

«Всю правду о войне знает только народ», — сказал военный корреспондент и один из самых ярких советских писателей Константин Симонов. Фраза замечательная, но вроде бенгальского огня — красиво, а ясности-то не добавляет. Разумеется, народ знает свой пройденный путь. А как он выразит это своё знание? Народ и захватские военные песни пел, и свято патриотические, и матерные частушки про то, как Машка орден на фронте заслужила. Народ и гордился своими полководцами, и нёс по кочкам всякое начальство от мала до велика. Стало быть, «вся правда» очень многоликая. Она и у Астафьева многоликая. По сути же, мы имеем рецидив давнего спора про «окопную правду» и «масштабную правду».

Когда в 1995 году журнал «Вопросы литературы» провёл анкету, где спрашивали, какие книги последнего времени показались наиболее примечательными, я назвал вышедшие как раз к 50-летию Победы роман Владимова «Генерал и его армия» и эпопею Астафьева «Прокляты и убиты». По моему убеждению, роман Владимова как бы завершает советскую литературную традицию в сочинениях о войне. А вот эпопея Астафьева как раз открывает новую страницу в рассказах о войне, и в осмыслении, и, самое главное, в ощущении войны главным её действующим лицом — солдатом. Мне могут возразить, дескать, роман у Владимова совсем не советский, и генерал у него чуть ли ни жертва, и Хрущев у него на фронте прямо фельетонный, да и такого смершевца, как Синеглазов, в советской литературе не было и быть не могло... Но «советская» литература наиворот, всё равно в эстетике и ощущении жизни та же. «Генерал и его армия» роман программный, все замыслы наружу, написан умелым, одарённым литератором, но этой программной музыки в прозе мы накопили и наслушались немало. Вот и «Жизнь и судьба» В. Гроссмана, поднятая в своё время чуть не выше «Войны и мира», тоже — программная музыка, где тенденциозные мотивы заглушают, звучат сильнее, чем голос подлинной жизни.

В рамках неизбежно краткого сообщения нет места для обстоятельного анализа этих произведений-антиподов. Приведу по памяти только два описания ранения у Владимирова и у Астафьева. У Владимирова: «Семь пуль вошло в живот генерала, не задев жизненно важных органов». У Астафьева: «Лёшка Шестаков оттянул простроченный офицерский пояс. На животе вздувался и опадал кровавый пузырь. “Рана-то плохая”, — подумал Лешка». Чувствуете разницу? Семь пуль в живот и никакие органы не задеты. А здесь — кровавый пузырёк, и видишь, как жизнь уходит. Помните, тогда же в журнале я сказал, что роман Астафьева ещё не прочитан. Мы на другой пище взращены, по-другому глаза смотрят, нам подавай правду, к которой мы привыкли, а другой будто и нет. Россия, как говорится, всю жизнь воевала. У нас и литература началась со «Слова о полку». А где роман, написанный солдатом-окопником? Наконец-то, нам, русским читателям, невероятно повезло. Да не повезло автору. Как не вспомнить Лермонтова, отбивавшегося от критиков, считавших в свое время Печорина клеветой на общество, на современников, обвинявших автора вместе с героем в безнравственности. Помните его ответ: «Довольно людей кормили сластями; у них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины». Симонов, человек и талантливый, и совестливый, немало написавший о войне, сам же и сетовал, что большинство книг написаны о войне журналистами, что породило «перекос» в нашей литературе о Великой Отечественной войне. От этого перекоса и читательское косоглазие. Астафьева готовы обвинять мало что в не патриотизме, так ещё готовы и в клевете обвинять. Читая про «семь пуль» в животе генерала сомнений в патриотичности и правдивости не возникало. Правда о войне, разумеется, в нашей литературе, горькая, тяжкая правда. Вспомним описание фронтового лазарета в «Войне и мире». Николай Ростов ищет раненого Денисова, видит гниющих солдат, уложенных на полу, головами к стене, живых вперемишку с мёртвыми и умирающими... Один лекарь на четырёхста человек. Толстой был на войне, надо думать, писал то, что видел в Севастополе. У Астафьева госпиталь по сравнению с толстовским лазаретом — санаторий! Да, не на пустом месте выросла эпопея Астафьева, это традиция Лермонтова, традиция Толстого. Честно и удивительно скромно говорил Астафьев: «Дать буквальные ответы на главные вопросы: что я видел и знаю о войне? То, что я там пережил». Такое нельзя сочинить, так о контузии может писать только человек, в которого влетел, «зафурчав рябчиком на излёте», осколок мины: «Боль оглушительная, тупая, такой при ранении не бывает. При ранении сквозняком вроде бы прошьёт всё тело, в голове звенит, и сразу горячо и тошновато делается — потекла кровушка». Ну, и где здесь — солдат, а где художник, писатель?

Большой художник не бывает простым, серьёзный роман непременно многомерен, и в «Проклятых и убитых» я вижу неравноценные страницы. Слышны мотивы и публицистической «программной музыки». Но и в непревзойдённом «Тихом Доне» мы видим страницы, к счастью, их немного, словно вырезанные из газеты. Но будем благодарны художнику за ту высоту, за те обжигающие душу свидетельства нашей горькой истории, каких до него в нашей литературе не было.

Профессиональные критики, литературоведы, скорее всего назовут мой взгляд на литературу о Великой Отечественной войне дилетантским, но так уж я устроен мой глаз. Я вижу — вот это проза генералов от журналистики, она добротна, она воспитывает читателя, правильно ориентирует в идеологическом и патриотическом направлении: К. Симонов «Живые и мертвые». Э. Казакевич «Весна на Одере». Есть проза «офицерская»: «В окопах Сталинграда» В. Некрасова, «Горячий снег»,

«Последние залпы» Ю. Бондарева, при том, что сам он был на фронте сержантом, а писал уже офицер. Это качественная литература, здесь нет никакого потаённого уничижения. Помним и «лейтенантскую» прозу, была даже мода и на Г. Бакланова, на В. Богомолова, В. Курочкина, Вяч. Кондратьева, К. Воробьёва, достойнейшая литература. Особняком, с его по сути философскими притчами, стоит друг Астафьева, дорогой его сердцу Василь Быков. А вот Астафьев так на всю жизнь и остался солдатом. И, вобрав опыт, накопленный нашей литературой, пройдя своей дорогой от первого рассказа «Гражданский человек» до «Пастуха и пастушки», вызрев в большого мастера русской прозы, дал слово солдатскому сердцу, не оглядываясь на давние споры про «окопную правду» и «масштабную правду». Войны в масштабе одного солдата, войны, увиденной с такой пристальностью, и выписанной искалеченной рукой, так ярко, так талантливо, с горькой памятью обо всех «проклятых и убитых» наша литература ещё не знала.

Будем благодарны судьбе, сохранившей для нас честного свидетеля самого тяжкого испытания, выпавшего на долю поколения, где уцелел едва ли один из десяти.

Виктору Петровичу, как он считал, повезло, но повезло в таком случае и нам, и большой и честной русской литературе.

*Кардапольцева А. М.,
директор МБУК «Чусовская районная центральная библиотека
имени А.С. Пушкина» (г. Чусовой, Пермский край)*

Литературное наследие В. П. Астафьева и сохранение региональной идентичности территории

Каждая территория имеет свою богатую и многообразную историю, которая неразрывно связана с судьбой России. Важнейшей чертой любого города являются известные исторические фигуры, от которых тянутся нити к другим людям, которые прославляют свою малую родину. И в тоже время каждый регион, территория имеет свое лицо, свое «Я», то, что отличает от других. Так же как человек воспринимает свое «Я», так и у территории есть свое «Я».

Чусовская земля всегда рождала и притягивала великих людей, творческих, сильных духом, свободных, лучших.

Чусовой небольшой по площади и населению город, но по числу выдающихся писателей и спортсменов на душу населения — крупнейший в стране. Много феноменов в Чусовом, но самый удивительный — литературный, именно он определяет наш смысл, своеобразие, нашу суть, историческую общность и то, что отличает нас от других территорий.

Я расскажу, как уважительное отношение и понимание роли литературного наследия помогает сохранить идентичность нашей территории, помогает нам оставаться самими собой в изменяющихся обстоятельствах.

ЧУСОВОЙ — «ГОРОД ГЕНИЕВ»

Интересно, что более 400 лет тому назад с наших уральских мест легендарный атаман Ермак пошел покорять Сибирь, увеличив тем самым силу и мощь Российского государства, а через четыре века из Сибири на Урал пришел другой воин,

борец — писатель Виктор Астафьев для сохранения и развития культурных ценностей, духовности, нравственности. Именно он стал во главе литературного движения. Неслучайно Виктор Астафьев назвал Чусовой «городом гениев», ведь одних только литераторов в Чусовом за пятьдесят человек...

Понимая это, в нашем городе созданы учреждения, основная цель которых состоит именно в том, чтобы сохранять, развивать литературное краеведение.

Литературная жизнь края, страны, её история собраны в уникальном чусовском этнографическом парке истории реки Чусовой, основанным в 1981 году легендарным Леонардом Дмитриевичем Постниковым. Здесь функционирует Музей писательских судеб, установлены памятники А. Грину (единственный в России в полный рост), поэту В. В. Каменскому, писателю-фронтовику О. К. Селянкину и др. Писатели и журналисты, артисты и государственные деятели, зарубежные гости постоянно приезжают в эти места.

Исторический сквер, открытый в 1998 году ещё одним подвижником Владимиром Николаевичем Маслянской. Памятные знаки, установленные в сквере, объединяют важные события в культурной, исторической, в т. ч. и литературной жизни чусовской земли

Конечно, главным источником всей нашей работы является тот факт, что Чусовой является литературной родиной всемирно известного писателя Виктора Петровича Астафьева. В. П. Астафьев целых 25 лет жил и творил в нашем крае: в Чусовом — 17 лет и в Перми — около 8 лет!

А начинал Астафьев, как писатель, именно в Чусовом, в городе, который нашел сокровенный уголок в его сердце, и с которым он не прерывал связи до последних своих дней. Уральский город Чусовой является литературной родиной великого писателя. Именно здесь он написал свои первые произведения. Чусовской период связан с выходом в свет его первых сборников, первых книг (22 книги). Живя в Чусовом, В. П. Астафьев стал членом Союза писателей (1958), окончил Высшие литературные курсы в Москве (1959–1961). Это был период и первых успехов, и трудностей, связанных с отсутствием профессиональных навыков, период мучительного поиска самого себя, истинного творческого пути, период самообразования и неустанный труд. В Чусовом Виктор Петрович построил свой дом, здесь родились его дети. В повести «Весёлый солдат» В. П. Астафьев пишет о нашем городе: «... Много я тут горя переживу, много испытаю бед и несчастий, но место это уральское, городишко это, открытый бесхитрым рабочим ликом всем непогодам и невзгодам, всем грозам, градам и ливням, прирастет к сердцу». До последних своих дней не прерывали Астафьевы связи с чусовской землёй.

В Чусовом есть краевой Литературный музей В. П. Астафьева, экспозиции которого находятся в Доме-музее семьи Астафьевых (открыт в 2002 году) и в помещениях бывшего колбасного цеха, где был написан будущим писателем во время ночного дежурства первый его рассказ «Гражданский человек», что явилось отправной точкой писательского творчества. В городе установлены памятные знаки, мемориальные доски, посвященные чусовскому периоду жизни и творчества Астафьева.

В нашем городе металлургов, железнодорожников, строителей, творческих людей центром культурной жизни является Центральная библиотека имени А. С. Пушкина.

Вот уже 78 лет имя великого поэта является путеводной звездой, определяющей библиотечную деятельность. Девизом нашей работы стали слова В. Астафьева: «За

Пушкиным путь наш!..» Являясь членом российской ассоциации библиотек, носящих имя великого поэта, мы — активные участники творческих пушкинских ассамблей в Москве, Санкт Петербурге, Нижнем Новгороде, Болдино, Михайловское, Саратове, на которых главным и важным является разговор о литературе, чтении.

АСТАФЬЕВСКИМИ МЕТАМИ

Благодаря работе по творчеству Астафьева, литературному краеведению, сотрудничеству с учреждениями культуры и образования, общественными организациями, библиотека совместно с литературным музеем смогла буквально за десять последних лет внести изменения в облик города, в его культурную жизнь, сделать свою территорию привлекательной для туристов, для деятелей культуры. Город Чусовой стали называть литературным городом Пермского края, местом встреч писателей, журналистов, краеведов, юных и взрослых астафьеведов из разных регионов страны.

В книжном фонде чусовской библиотеки хранятся книги Виктора Петровича и Марии Семеновны с автографами, письма, фотографии. «Большому, верному и милому другу — Чусовской библиотеке им. А. С. Пушкина от преданного читателя и автора в знак вечной памяти» — так подписала М. С. Корякина свою первую книгу «Отец» (1969). Вторым домом называет она нашу библиотеку, домом, который «скрасил и осветлил трудное и бедное, но все равно золотое детство». А вот как Виктор Петрович Астафьев подписал свое 15-томное собрание сочинений: «В Чусовскую библиотеку, где просвещался я, учился читать и, вообще, обогрет был и обласкан» (апрель 1997 год). Это были два великих человека России, два писателя, чье творчество поистине является достоянием русской культуры. Конечно, такое отношение к библиотеке, к библиотекарям двух русских художников слова, встречи с ними, с их книгами помогает нам в работе по популяризации их творчества. Можно говорить о множестве разнообразных форм в такой деятельности, но самым действенным являются открытые Малые (детские) Астафьевские чтения (МАЧ), которые проходят ежегодно с 2004 года. И слово «малые» никак не определяет, не принижает ни форму, ни содержание данного действия, а, наоборот, указывает на то, что героями и участниками его являются главные, самые важные люди — дети. Важным является, что это творческое движение объединяет детей и взрослых, учителей и учеников, писателей и читателей.

Основные организаторы — Чусовская центральная библиотека имени А. С. Пушкина и краевой Литературный музей В. П. Астафьева при поддержке администрации Чусовского муниципального района приглашает в свои стены юных астафьеведов. С 2009 года изменился их статус: из районного масштаба они выросли сперва до краевого, а потом — до открытого общероссийского мероприятия. В Чтениях теперь участвуют не только наши юные земляки, но и ребята из других регионов России. С каждым годом их число увеличивается.

География за эти годы более чем 5 тыс. участников такова: 60 территорий 15 регионов страны: Пермский край (города Пермь, Чусовой, Губаха, Березники, Горнозаводск, Соликамск, Кунгур, Нытва, Чернушка, Чердынь, Лысьва, Добрянка, Карагайский, Кишертский, Ординский, Октябрьский, Уинский, Добрянский, Ильинский, Чусовской району); Красноярский край (города Красноярск, Железнодорожск, Игарка, Дивногорск, Норильск, Подтесово, Ирша, Усть-Мана, Енисейский и Рыбинский районы); Кемеровская область (г. Ленинск-Кузнецкий); Алтайский край; Омская, Курская, Нижегородская, Владимирская, Липецкая, Тюменская, Ростовская области, Республика Хакасия, города Санкт-Петербург, Киров, Саратов.

За 12 лет у Малых Астафьевских чтений появились свои традиции, особенности, атрибутика, символика.

В рамках Малых (детских) Астафьевских чтений традиционно проходят 6 творческих конкурсов: конкурс исследовательских работ и рефератов «О времени, о жизни, о себе», конкурс сочинений и эссе «Заветное», конкурс чтецов прозы В. П. Астафьева «Живое слово правды и любви», конкурс литературного творчества «Капля», конкурс рисунков к произведениям «Удивительный мир Астафьева», конкурс видеороликов и презентаций «Наш Астафьев».

Почётными гостями являются сын писателя Андрей Викторович Астафьев (г. Вологда), родственники, друзья семьи Астафьевых, писатели Сибири, Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, Кирова

Традиционно членами жюри являются известные писатели и журналисты Перми: В. А. Богомолов, Ф. С. Востриков, И. П. Гурин, Ю. И. Асланыян, В. В. Якушев, Р. А. Мамонтов, С. А. Тупицын, М. В. Левин, Г. В. Вершинин, Л. В. Грибель, Г. В. Костарева, ведущие специалисты, руководители отделов краевых библиотек.

Чтения — это не только выступления ребят. Это ещё и замечательная возможность побывать в городе, ставшей литературной колыбелью Астафьева, встретиться с людьми, посвятившим себя изучению творчества писателя, знавшим его. Для участников и гостей проводятся экскурсии по астафьевским местам, которые бережно хранятся в нашем городе: Дом, который построил сам писатель, Литературный музей В. П. Астафьева, Железнодорожный вокзал, в котором работал когда-то дежурным по станции, Исторический сквер, где в памятных знаках собрана история Чусовского района.

Именно в рамках МАЧ устанавливаются в этих местах памятные знаки, в торжественном открытии которых принимают участие юные победители вместе со старшими друзьями — писателями, учителями. Так в рамках I Малых Астафьевских чтений (2004) открыли в Чусовском Историческом сквере памятный знак «Начало» в честь В. П. Астафьева на том месте, где раньше находилось здание школы рабочей молодёжи (ШРМ), в которой он учился. Этот знак прост по форме и отражает мысль Астафьева о том, что для того, чтобы стать писателем нужны чистый лист бумаги, ручка и умение подбирать, расставлять слова.

Программа II Малых Астафьевских чтений (2005) завершилась открытием мемориальной доски на железнодорожном вокзале ст. Чусовская, где работал в 1945–1946 году дежурным по вокзалу будущий писатель. В 2008 году участники пятых встреч стали свидетелями установки знака «Царь-рыба» у Дома-музея В. П. Астафьева.

В рамках VI Чтений (2009) были открыты новые помещения литературного музея В. П. Астафьева в здании бывшего колбасного цеха, где был написан первый рассказ писателя «Гражданский человек» (ул. Фрунзе, 38). На здании Литературного музея появился знак, посвященный 1-му тому из полного 15-томного собрания В. П. Астафьева. Именно в этом сборнике собраны произведения чусовского периода писателя.

Уже в рамках IX Малых Астафьевских чтений (2012) «Свеча, зажжённая с двух концов» в основном экспозиционном зале литературного музея торжественно открыли трехметровую скульптурную композицию «Царь-рыба» (пермский скульптор Н. Н. Хромов). Инициатор, организатор установки этих памятных знаков — литературный музей В. П. Астафьева в г. Чусовом (автор — директор В. М. Маслянка).

В ноябре 2013 года в Старом городе на площади у Культурно- делового центра (Дворец металлургов) — появился сквер литературных героев Астафьева «Васюткино озеро», открытый при поддержке Министерства культуры Пермского края и администрации г. Чусового. В октябре 2015 года появился новый туристический маршрут «Линия Астафьева», объединяющий 12 объектов, связанных с чусовским периодом жизни и творчества писателя.

У творческого движения «Малые (детские) Астафьевские чтения» есть своя символика, атрибутика- эмблема, узнаваемая в стране, общее название «Астафьевскими метами», ежегодный художественный альманах. А в 2014 году, в год 90-летия со дня рождения В. П. Астафьева у творческого астафьевского движения появился свой флаг, который предложили сами участники. Именно с выноса флага мы начинаем сейчас Астафьевские чтения. Это высокая оценка значимости нашего дела самими главными участниками — юными гражданами страны.

Победители и организаторы МАЧ являются активными участниками краевых мероприятий: «Книжная площадь», «Пермский край читает Астафьева», «Литературный экспресс», организаторами которых является Пермская краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького. Ребята читают Астафьева для всех жителей и гостей Перми на большой сцене перед главной библиотекой края, выступают на площадках перед старшеклассниками, учителями, библиотекарями в разных населенных пунктах Пермского края (Кунгурский, Берёзовский, Очёрский районы, г. Кунгур).

Библиотека имени А. С. Пушкина, Литературный музей В. П. Астафьева издают ежегодно с 2006 года сборники научных и творческих работ победителей «Астафьевскими метами», посвященные определенным темам Чтений (вышло уже девять номеров альманаха). Благодаря Чтениям впервые в истории чусовской культурной жизни вышло в свет солидное издание — книга юных чусовских поэтов и живописцев «Всё о тебе, мой Чусовой...» (изд-во Маматов, СПб), литературно- художественное издание «Чусовой литературный» (Изд-во Маматов, СПб, 1000 экз.) — признанный лучшим пермским изданием за 2013 год, детская книга «Васюткино озеро» (1000 экз.), которую получили в подарок 1 сентября 800 чусовских первоклассников.

Такая работа позволяет специалистам библиотеки участвовать в российских научных чтениях, творческих встречах в Красноярске (с 2006 года), Вологде, Перми.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МОСТ МЕЖДУ УРАЛОМ И СИБИРЬЮ

В 2007 году глава Чусовского муниципального района и глава администрации г. Дивногогорска Красноярского края подписали Соглашение между городами в сфере социального и культурного развития, сохранения творческого наследия В. П. Астафьева, что дало возможность поощрять победителей Малых Астафьевских чтений поездкой на родину Виктора Петровича в Красноярский край. Каждый год лучшие участники вместе со своими руководителями в мае едут в Красноярск и принимают участие в творческом фестивале

«Астафьевская весна», который проводит администрация Дивногогорска, библиотека-музей В. А. Астафьева в родном селе писателя Овсянка. Уже 27 победителей Малых Астафьевских чтений посетили астафьевские места в далекой Сибири и переполненные впечатлениями и новыми знаниями о жизни и творчестве писателя вновь окунаются в творческий процесс.

И Чусовой принимает у себя юных астафьеведов из Сибири не только в дни Чтений, но и во время летних и осенних каникул. Так изучать чусовской период

в жизни и творчестве писателя, собирать материал к будущим исследовательским работам приезжают со своими учителями ребята из Красноярского края — активные участники Астафьевских Чтений из школы № 46 им. В. П. Астафьева из п. Подтёсово Енисейского района, из гимназии № 10 г. Красноярска, из гимназии № 96 г. Железногорск. Итогом таких встреч на чусовской земле становятся интересные исследовательские работы, эссе, видеоролики, презентации. Вот так творчество великого писателя, гражданина своего Отечества, бесстрашного солдата литературы связало Урал и Сибирь. А организаторы МАЧ тоже постоянно принимают участие в научных чтениях, конференциях, творческих встречах, проводимых на Красноярской земле. Малые Астафьевские чтения в Чусовом вышли за свои привычные конкурсные рамки. Без героев Чтений не обходится ни одна встреча с писателями — гостями города. Работы юных исследователей и литераторов попали на страницы красноярского литературного журнала для семейного чтения «День и ночь», лучшие работы напечатаны в известном литературно — публицистическом журнале русской культуры «Москва», образовательный журнал «Путеводная звезда. Школьное чтение» представил своим читателям стихи лауреата Чтений, краевой журнал «Мы — земляки» посвящает нашему творческому движению интересные материалы.

У Виктора Петровича и Марии Семёновны был великий дар объединять — соединять людей.

Благодаря их творчеству, Малым Астафьевским чтениям, у «Пушкинки» появилось много друзей, единомышленников. 70 учреждений, организаций являются нашими партнерами: школы, музеи, носящие имя писателя, библиотеки разных регионов, учреждения культуры, союзы писателей и журналистов России, книжные издательства, краевые СМИ, российские журналы.

Благодаря такой работе город Чусовой стал узнаваемым в нашей стране.

В дни проведения XII Малых Астафьевских чтений «Не умолкает во мне война...» мы получили правительственную телеграмму от советника президента по культуре Российской Федерации Владимира Ильича Толстого, в которой он обратился ко всем участникам Чтений со словами напутствия, говоря о значении русской литературы для каждого человека:

«120 лет назад Лев Николаевич Толстой обратился с напутствием к таким, как вы “верьте себе, выходящие из детства юноши и девушки, когда впервые поднимаются в душе вопросы, кто я такой, зачем живу и зачем живут все окружающие меня люди. Верьте себе и тогда, когда те ответы, которые были внушены вам в детстве, будут не согласны и с той жизнью, в которой вы найдете себя живущими вместе со всеми людьми, окружающими вас. Не бойтесь этого разочарования, напротив, знайте, что в этом разногласии вашем со всем окружающим выразилось самое лучшее, что есть в вас, — то божественное начало, проявление которого в жизни составляет не только главный, но единственный смысл вашего существования”».

Этот совет обращен к нам сегодняшним, как обращена вся лучшая русская литература, как чеховская “Степь”, как тургеневский “Бежин луг”, как астафьевский “Последний поклон”. Вчитайтесь в этот текст, и вы с удивлением увидите, что сразу лучше станете понимать и Толстого, и Достоевского, и Маяковского. А главное — увидите новыми глазами себя, своих сверстников, свою жизнь.

Вы встречаетесь на земле юности Виктора Петровича, когда он, как и вы, только учился видеть правду и понимать человека. Так в добрый путь с лучшим, не знающим усталости и зла спутником — русской литературой.

С глубоким уважением, советник президента Российской Федерации В. Толстой. 24 апреля 2015 г.»

В ГОД ЛИТЕРАТУРЫ

2015 год — Год литературы стал особенным для нашего литературного города.

- открытие Года литературы началось с литературных встреч с известными писателями из Москвы, Красноярска, Кирова, Екатеринбурга, Перми (Чусовская районная центральная библиотека имени А. С. Пушкина — ЧРЦБ им. А. С. Пушкина);
- прошли презентации новых книг известных российских писателей (администрация Чайковского муниципального района, ЧРЦБ им. А. С. Пушкина);
- открытые XII Малые Астафьевские чтения (МАЧ) «Не умолкает во мне война» (725 участников из 88 учреждений 57 территорий 10 регионов страны) — (ЧРЦБ им. А. С. Пушкина, Литературный музей В. П. Астафьева);
- участие в краевой акции «Читаем Астафьева» — творческая площадка с выступлением чусовлян — победителей XII МАЧ — 1 мая в краевом музее-диараме (Министерство культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края, ЧРЦБ им. А. С. Пушкина, Литературный музей В. П. Астафьева);
- в ходе реализации проекта «Чусовой — культурный центр Пермского края» прошёл Литературный бал, открылся литературный Green-центр для чусовских молодых начинающих литераторов в детской библиотеке (администрация городского поселения, городская библиотека);
- появилась «Тропа Грина» в день рождения писателя — романтика Александра Грина (Этнографический парк истории реки Чусовой);
- вышла в свет книга чусовских поэтов (ОАО «Чусовской металлургический завод»);
- реализован проект-победитель конкурса Министерства культуры «Литературный десант “ВООК-лето” («Книжное лето»)) с обслуживанием жителей отдаленных территорий всего Чусовского района (ЧРЦБ им. А. С. Пушкина);
- выпуск анимационного фильма «Гражданский человек» (ЧРЦБ им. А. С. Пушкина);
- открытие нового туристического маршрута «Линии Астафьева» с установкой 12 знаков в местах, связанных с чусовским периодом жизни и творчества Астафьева;
- в ноябре: Пермские Астафьевские чтения «Родина. Государство. Человек», участники — ученые, писатели, литературоведы, преподаватели, специалисты библиотек, музеев. (Министерство культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края, Пермское отделение Союза писателей России, Пермская государственная краевая библиотека им. А. М. Горького, ЧРЦБ им. А. С. Пушкина, Литературный музей В. П. Астафьева)
- в ноябре: открытие Астафьевского центра в ЧРЦБ им. А. С. Пушкина, где будет собрана вся летопись Малых Астафьевских чтений, представлен весь фонд литературного краеведения, оформлены фотовыставки, экспозиции. Это будет место для встреч, научных конференций.

Чусовская центральная библиотека им. А. С. Пушкина с помощью творчества Астафьева стремится вырастить современного человека, образованного, творческого, с добрым сердцем, чуткой совестью и одновременно активного, смелого, умеющего постоять за себя и других, патриота своей страны.

Помним слова Валентина Яковлевича Курбатова, известного литературоведа, литературного критика, писателя, публициста, нашего земляка, с которыми он обратился к участникам Малых Астафьевских чтений:

«Раз вы собрались здесь, вы уже знаете счастливую потребность слышать СЛОВО и понимать его красоту и тайну. Это понятно. В Чусовом у вас прекрасные предшественники и учителя, каждый из которых доверчиво открыт перед вами... Жизнь и красота ждут вас, чтобы вы увидели их свет и глубину. Всякое время трудно, и всякое время прекрасно. И во всяком времени хватает зла, жестокости и печали. Надо только иметь чистое сердце и ясное зрение, чтобы видеть правду и говорить о ней с мужеством и любовью. Правильно названная жизнь и живется потом правильно — это главное, чему учит служить наша великая литература».

Так, благодаря Литературному наследию, Малым Астафьевским чтениям, популяризации творчества великого писателя — нашего земляка, меняется инфраструктура целого города, преобразуется пространство, появляются достопримечательности, разработаны туристические маршруты «Астафьевскими метами», «Чусовой Астафьева», «Линия Астафьева», выходят в свет новые книги, создаются произведения искусства. Сохраняется память, формируется гордость за свою малую родину. Воспитывается патриотизм. Поддерживается чтение хороших, серьёзных книг. Развиваются творческие способности. Укрепляются партнерские связи с разными регионами страны. Всё это сохраняет идентичность нашей территории, которая невозможна без важного, одного из самого благородного чувства — Любви и уважения к Родине

*Зебзеева А. Г.,
редактор Пермского книжного издательства*

Случайность и судьба. В. П. Астафьев и М. С. Корякина в моей жизни

Заранее прошу простить, если нечаянно процитирую какие-то комплиментарные слова в свой адрес — никакой саморекламы! Просто спустя почти сорок лет с тех пор, как они были написаны, уже можно их и вслух прочитать. Первый раз. Я считаю, что общение с Астафьевыми для меня — незаслуженный и даже вовремя не оценённый подарок судьбы, везение, счастливый случай, по воле которого мы оказываемся в нужном месте в нужный час.

Его Величество Случай — несомненный вершитель наших судеб.

В конце концов, и то, что сам Виктор Петрович уцелел на войне, и то, что встретился с Марией Семёновной, и его появление потом в Чусовом, и «заводной» мотив для написания первого рассказа, и встреча с Клавдией Васильевной Рождественской или Людмилой Сергеевной Римской, которые так действительно поверили в него, и так далее и так далее — не цепь ли это судьбоносных случайностей? Однако если это цепь, а не единичные проявления той самой закономерности, не значит ли, что это сама закономерность и есть? Случайности ведут и направляют человека, который им открыт, а здесь всё было впору и в строку, здесь прорастало каждое семечко. У любого, особенно значимого, случая есть точное время и место. И есть имя.

Имя одному из моих судьбоносных случаев — Александр Моисеевич Граевский. Это главный редактор Пермского книжного издательства с 1958-го по 1969-й годы. Это он привёл меня в издательство и фактически подарил профессию, а значит — и судьбу, за что, пока жива, буду безмерно благодарна (кстати, нынче Граевскому исполнилось бы 95, а прожил он всего 53 года).

Астафьев и Граевский оба были фронтовики, хотя довоенная их жизнь различалась разительно. У Виктора Петровича за плечами сиротство, детдом, ремеслуха, у Александра Моисеевича — интеллигентная семья, полная средняя школа, первые курсы химфака университета.

Граевский был старше на четыре года и звал Астафьева Витькой. В принципе строго блюдя систему деловых отношений, он вообще выражаться любил и так, по-пацански. Например, жену его, замечательно хлебосольную, всех стремящуюся обогреть и накормить Ольгу Евгеньевну (он привез её с фронта, как Виктор Петрович — свою Марию), все знали исключительно как Лёльку.

Об Александре Моисеевиче стоит помнить и вспоминать потому, что был он из мальчиков, старлеями окончивших кровавую войну, и в чем-то всегда оставался мальчишкой-лейтенантом с обострённым чувством справедливости и неудовлетворенным честолюбием. Отчаянный патриот Перми и Урала, историк по послевоенному университетскому образованию, приняв портфель главного редактора из рук журналиста, учёного, краеведа Бориса Никандровича Назаровского (за глаза называл его «дядя Боря»), он и сам краеведческую тему ставил во главу угла и неистощимо изобретал идеи её воплощения. Не случайно в его серии «Библиотека путешествий и приключений» (а это около полусотни названий!) вышли первые книги многих пермских литераторов.

Однако здесь, на Астафьевских чтениях, о Граевском необходимо напомнить уже потому, что фактически в пору его главредства складывалась издательская судьба писателя Виктора Астафьева. Перечислю только пермские названия этих лет: «Тают снега» (1958, 1962), «Сибиряк» (1959), «Стародуб» (1960), «Зорькина песня» (1960), «Дикий лук» (1961), «Рассказ о любви» (1961), «Гуси в полынье» (1963), «Помню тебя, любовь» (1963), «Весенний остров» (1964), «Последний поклон» (1968). «Дядя Кузя — куриный начальник» (1969)... Больше 10 книг! Здесь и первый роман, и повести, и книги для детей, и издания отдельных рассказов в многочисленных сериях, предпринимаемых издательством («Наше издательство наконец засерилось», — так однажды сказал сам Виктор Петрович). В эти годы увидели свет прообразы всех его будущих книг. Редакторами пермских изданий были С. М. Гинц, В. В. Воловинский, Р. П. Белов. А последний «Дядя Кузя...» — это уже мой! Я занималась тогда детской литературой.

А Астафьевы только что уехали в Вологду. Вот его письмо оттуда:

«Вчера получил “Дядю Кузю” и перевод денежный за него. Спасибо и за то, и за другое. Но Софья Александровна (это наш главбух. — А. З.)... видимо, не знает моего нового адреса и денежки перевела на Союз, так скажи ей адрес-то. И ещё, впредь не посылайте в издательских конвертах книжки: бандероль пришла — сплошное рванье, только на верёвочках и держались книжки.

Мы устроились, живём. И такая уж, видно, скотина, человек-то, что быстро привыкает ко всему. У меня уже такое ощущение, будто я здесь век прожил. Правда, способствовало тому, видимо, многое — спокойный город, какое-то добродушно-простецкое население его и... хорошая погода, которая стоит с тех самых пор, как мы приехали... Голова моя болит уже меньше, ещё, наверное, и потому, что вдруг схлынула

на время суета, мелкие дела и низменные страсти, быстро восстановился сон и наступило более или менее относительное душевное равновесие. (Надо помнить, как трудны были последние годы пермской жизни Астафьева: не ладились отношения с собратьями по местному Союзу писателей, гнобил обком партии. — А. З.) Несколько раз я ездил на рыбалку. Вот позавчера ездил на реку Суду и привёз килограмма четыре окуней и сороги, а также насморк сильнейший (говорят, он по письму не передаётся, если не сингапурский, но сингапурскому неоткуда здесь быть, река — Суду!)

Был за это время в Киеве и Москве. Обстановка литературная в Москве худая, и поэтому я скорее оттуда смылся, чтобы не лишиться сна, так трудно восстановленного. Закончил за это время работу над сценарием по «Звездопаду» и возился с «Пастушкой», а больше ничего пока не делал. Как-то сейчас меня больше тянет рыбалить, а не писать. Видимо, приближаются пенсионные настроения...»

Пенсионные настроения? Люди дорогие, это 1969 год! Впереди «Царь-рыба», половина «Поклона», «Печальный детектив», «Затеси», «Прокляты и убиты», «Весёлый солдат»!..

В то время я делала детский сборник «Оляпка» и старалась в каждый выпуск непременно включить рассказ Виктора Петровича (там напечатаны «Капалуха», «Зорькина песня», «И я есть вместе с ними», «В огороде чудеса...»). По поводу одного рассказа как-то возмутилась чья-то бабушка: что, мол, за слова такие — марь, латают, кышкэл, шастали и т. п. Пришлось объясняться.

Благодарная память о Перми всё-таки в нём жила всегда. Очень трогательны надписи на книгах, которые он дарил.

Вот наш, пермский, первый «Последний поклон», с гравюрами Мотовиловых:

«...мою самую дорогую книгу о самом дорогом и вечном, в память о Перми, Урале и совместной работе над всевозможной литературой».

На книге повестей, изданной в Красноярске (1974), но присланной из Вологды («Перевал. Последний поклон. Кража. Пастух и пастушка») такая надпись:

«... на добрую память мою юбилейную книжку и с благодарностью за то, что она (то есть я. — А. З.) и ещё несколько ей подобных пермяков помогали и помогают хоть в какой-то мере сохранять эту добрую память о суровом Урале».

И ещё одно письмо, того же 1974 года. Осень. Оно дорого горьким и значимым переживанием Виктора Петровича:

«...Сию я в глухой вологодской деревушке, ровно бы на краю света, и пытаюсь работать. Пока попытки попытками и остаются — выезжал я на два дня в столицу, и там меня прихватила весть о смерти Василия Макаровича. Назавтра зачался съезд книголюбов — ходят светленькие, довольные собой люди, никто ничего не знает, а больше делают вид, что не знают о смерти человека, после которого в убогом помещении культуры остается дыра, огромная, и её заткнуть нечем. Не везёт русским самородкам, не везёт! Всё-то их смерть уворовывает.

Кто-то недавно мне сказал, когда я пожаловался на смерть ещё одного хорошего человека: «Хорошие Богу самому нужны». Ещё кто-то мне говорил, что смерть и похороны ставят в Москве всё на свои места — так вот к Макарычу стояла очередь на несколько вёрст, 2,5 часа шёл непрерывный поток, а я вспоминаю писака-начальника... который в страхе держал всю московскую писательскую организацию — в почётный караул не могли набрать народу!

Наша местная пресса довольно бойкая, и вот, молодцы, раздобыли последнее интервью Шукшина и напечатали его, а Мария Семёновна привезла мне газету и укатила домой — так в газете почти все есть ответы на мои вопросы.

А ещё в последних рассказах, писанных наспех и напечатанных в «Н[ашем] современнике», вдруг появилось: «Зачем живём?» «Что такое смерть?» и т. д. Дан был большой талант Василию Макаровичу, много Богом отвалено было, коли и смерть он сумел свою почувствовать! И умер он во время съёмок, на Дону, от сердечной недостаточности. Сниматься он в этой роли не хотел, но многое от Бондарчука и Герасимова зависело в постановке «Разина», и Шукшин зарабатывал себе право на внимание со стороны этих могучих людей. Не долечившись, поехал сниматься (он шибко болел после «Калины»), и вот теперь нет его, и «Разина» его уж никто не поставит. И не успел он сделать главного в кино и написать ничего капитально не успел, все обрывки, наброски, приближения к чему-то главному...

Один радист у нас во взводе на фронте все говорил: «Живёшь — колотишься, грешишь — торопишься, кушаешь — давишься, хрен когда преставишься!..» Так, видно, и есть. Радиста-то немцы убили, а теперь вон наш премьер лобызается с ними!..

Я работаю над «Царь-рыбой». Залез в какие-то дебри, и как вылезать? Пока не соображу.

Наде кланяюсь. Ваш Виктор Петрович».

Наде — это редактору Надежде Николаевне Гашевой, мы 30 лет сидели рядом и работали вместе. А приветы Виктор Петрович передавал всегда подробные, всем, уважительно перечисляя работников бухгалтерии и планового отдела, художников и корректоров, и в этом — и крестьянская обстоятельность, и всё та же его, такого времени-материала ершистого, внимательная доброта, душевная щедрость, интеллигентность.

С книгой повестей «Мальчик в белой рубашке» (М.: Мол. гв., 1977) такое письмо:

«Давно должен был я выслать книги пермякам, но так тут меня крутило, что до пермяков руки не доходили — я заканчивал, и закончил! «Последний поклон», сдал уже в производство (изд-во «Современник») в 78-м должны выйти обе книги вместе, да тут ещё с кино связался... называется картина «Сюда не залетают чайки», и в феврале-марте выйдет на экраны. Картина очень милая получилась, красивая. Вот эти основные дела да тысячи поменьше и не давали мне времени, а сейчас «перекур», но я все ещё не отдышался, все ещё нездоровится... А про огород, если хочешь, возьми все-таки из книги, здесь текст более более отделанный и чистый. (Это ответ на просьбу дать в «Оляпку» отрывок из «Оды русскому огороду». — А. З.) Нового пока ничего нет, и не скоро возьмусь за что-то большое. Устал. Выдохся. Порох подмок. Всем поклоны. Все мне близкие пермяки скоро получают от меня книги, тебе посылаю первой, открываю ворота пермячкие!..»

Сегодня, с высоты своих лет, с огромного временного расстояния, я расцениваю эти письма и книги, эту откровенность и доверительную сердечность, этот разговор на равных как выпавший мне в жизни счастливый билет. Ведь только теперь можешь по-настоящему осознать масштаб личности, с которой довелось общаться, и пожалеть, что это общение было редким и не таким уж долгим.

А несколько лет назад позвонил Семён Ваксман: «В томе писем полного собрания Астафьева есть строчки про тебя». Открываю 14-й том из красноярского 15-томного издания. Письмо 1982 года в город Чусовой, вдове поэта Попова.

Сначала очень нестандартные слова сочувствия по поводу ухода её мужа, хорошие слова утешения с абсолютным пониманием, что никакие слова не помогут.

Заканчивает так: «...Всякому своё горе самое горькое. Мужайтесь! Вот и всё, что я могу сказать. — И вдруг дальше: — Что же касается издания книжки Виктора Михайловича, я сегодня же напишу... Зебзеевой — редактору детской литературы Пермского издательства. Человек она исключительно добрый и умный, думаю, что-то предпримет и вставит издание книги В. М. в план издательства, хотя бы перспективный».

Скромный сборничек стихов Виктора Попова мы выпустили.

Несколько слов о тёплых отношениях с Марией Семёновой.

Мне повезло — опять смотрю отсюда в те давние года — работать над её самой первой книгой. Помню, как поначалу было непросто, страшно даже приниматься, открывать первую страницу. Во-первых, мы уже были достаточно близки, даже Новый 1968-й год встречали вместе в их квартире на Ленина, чрезвычайно она мне мила была своей открытостью и простотой — и вдруг бы пришлось говорить какие-то неприятные слова! Во-вторых, даже вообразить себе невозможно: как же должна писать Мария Семёновна, чтобы это было что-то иное, чем у Виктора Петровича? Она же перепечатывала все его писания: как при этом не «заразиться» его стилистикой, не заговорить в его интонации! Слава Богу, Мария Семёновна оказалась совершенно самобытным рассказчиком — с некоторой избыточностью в деталях, некоторой излишней сентиментальностью, но с таким точным и богатым, таким естественным словом, такой замечательной предметной памятью, с таким упоительным погружением в материал! Это была память девочки, выросшей в большой семье рабочего-железнодорожника, жизнью своей преподававшего детям уроки нравственности. И это была, как написал потом Валентин Курбатов, «чистота любящей памяти». Все страхи отлетели, и от сердца отлегло! Но дальше — детектив. Посылаем, как положено, план редакционно-издательской подготовки в Роскомиздат. Главная редакция, как всегда, выбрала какие-то издания и затребовала рукописи на контрольное рецензирование. Доцент Литературного института, контрольный рецензент, повесть М. Корякиной предлагает из плана выбросить как слабое произведение с сомнительным сюжетом и непрописанными характерами. Это значит, что в план выпуска повесть не попадает. Мы сменили название (не помню первого, но название «Отец» родилось в работе) и — надо отдать должное уже другому главреду Б. Д. Гринблату — повесть напечатали. Родился новый писатель — Мария Корякина. После этого повесть почти тут же переиздали в столичном «Детлите», и не один раз, а потом в Вологде, а потом в Красноярске... И в последнюю её книгу она вошла неотъемлемо и по праву.

Голодным летом 1989 года на шикарном теплоходе мы плыли по шикарному Енисею и в Красноярске побывали в Академгородке. Виктор Петрович был в отъезде. Мы вручили Марии Семёновне пермские книги, были ею, как всегда, обласканы, получили в подарок изысканный двухтомник «молодогвардейского» «Последнего клона». А виделись тогда последний раз.

На присланном ею юбилейном томе 2000 года «Сколько лет, сколько зим...» было написано характерным, чуть опрокинутым почерком: «...с давней и нежной симпатией». Письма Марии Семёновны, такие же замечательно искренние и, я бы сказала, литературно законченные, как письма Виктора Петровича, её книги, её «нежная симпатия» — это тоже бесценная случайность, ставшая для меня подарком судьбы.

*Лебедева Н. В., доцент,
Кудря Е. Е., магистрант,
(Кафедра мировой литературы и методики её преподавания,
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический
университет им. В. П. Астафьева»)*

Освоение школьниками этико-эстетической категории «Семейные ценности» (на примере биографии и творчества В. П. Астафьева)

На сегодняшний день большинство специалистов отмечают снижение воспитательного потенциала семьи и престижа семейных ценностей, увеличение числа разводов и снижение рождаемости, рост преступности в семейно-бытовых отношениях и повышение риска развития неврозов у детей из-за неблагоприятного психологического климата в семье. В связи с этим демографическая политика в России ориентирована на пропаганду семейных ценностей и социально-психологическую поддержку семьи в кризисных ситуациях. Однако система образования пока не достаточно включена в данную деятельность, что определяется как объективными сложностями в решении совокупности обозначенных проблем, так и традициями отечественной педагогики.

К числу первых закономерностей относится тот факт, что семейные ценности формируются преимущественно семейным воспитанием, а не социальным, осуществляемым образовательными организациями. Кроме того, в российской культуре семья является институтом, закрытым от внешних влияний: психолого-педагогическая помощь нередко воспринимается как вторжение в личную жизнь и потому отвергается семьей. Для разрешения таких противоречий нужна не только педагогическая поддержка, которая зачастую ограничивается разработкой различных форм взаимодействия с семьей для решения в первую очередь учебных задач и проблем с дисциплиной, но и комплексный психолого-педагогический подход, основанный на истолковании понятия «ценность».

В современной науке существует достаточное разнообразие определений понятия ценностей. Например, один из авторов современного фундаментального учебного пособия по культурологии А. С. Кармин дает следующее определение и развернутую характеристику понятию ценности: «Ценность — это фиксированная в сознании человека характеристика его отношения к объекту. Строго говоря, ценностью является не объект как таковой, а усмотренная в нем человеком способность удовлетворять потребности и быть источником положительных эмоций. Объект есть лишь носитель ценности в глазах человека. Однако на практике ценностью называют не только указанную способность объекта, но и сам этот объект. Вместо того чтобы сказать: «объект имеет ценность», говорят: «объект является ценностью». Так нередко говорят о материальных и духовных ценностях. К первым относят «материальные блага» (жилище, одежду, продукты питания и т. п.), а ко вторым — «духовные блага» (известные триады «истина, добро, красота» и «вера, надежда, любовь», а также художественные, научные, философские, религиозные идеи и т.д.). Следует, однако, иметь в виду, что все ценности имеют духовную природу, поскольку представляют собой ряд смыслов; «материальными» и «духовными» называют здесь в действительности не сами ценности, а объекты («блага»), которые служат их носителями» [Культурология, 2007, с.135].

М. А. Гулина, характеризуя на основе анализа ряда российских и зарубежных источников категорию ценности в психологическом контексте, отмечает, что «ценность — это убеждение, которое было свободно выбрано из ряда альтернатив после взвешивания последствий каждой альтернативы; человек оберегает, поддерживает её и делится ею с общественностью, поведение человека строится в соответствии с его ценностью и носит последовательный и настойчивый характер ценности как ядро любых личностных изменений определяют то, ради чего субъект осознает, формулирует, и формирует цели... Отсутствие или неосознание собственных ценностей ведет к фиктивному, иллюзорному, а, возможно, и к патологическому развитию личности...» [Гулина, 2010, с.47].

Приведённые определения и характеристики понятия «ценности» показывают исключительную по своей важности роль этой категории в духовной и психической структуре личности, ценности выступают ядром личности и регулятором её поведения. Процесс воспитания и социализации — это, прежде всего процесс формирования ценностей. Важной группой в структуре ценностей личности выступают её социальные ценности, среди которых особое место по своей значимости занимают семейные ценности. Как уже было отмечено, проблемы, связанные с методикой преподавания литературы, порождают проблемы с формированием ценностей у школьников на уроках литературы. «Искусство, а не наука играет особую роль в воспитании как специфической социальной деятельности, поэтому только в преподавании искусства, а не науки или её основ возможно формирование ценностных ориентаций личности, в числе которых потребность занимает очень существенное место» [Романичева, 2012, с.7].

Возможности семьи как института социализации определяются теми ценностями, которые формируются и поддерживаются в ней сначала родителями, а потом, в случае, если «родительские ценности» принимаются детьми, воспроизводятся ими в следующих семейных поколениях.

В описанной социальной ситуации, когда современная российская семья находится под влиянием кризисных и переходных тенденций, её возможности выступать фактором успешной социализации ребенка пока ограничены, она сама и институт современного родительства нуждаются в дифференцированной социально-экономической и психолого-педагогической поддержке. Поэтому необходимость оказания психолого-педагогической поддержки современной семье и институту родительства, сотрудничества и партнерства с ними в интересах ребенка отражены в содержании современных федеральных государственных стандартов.

В рамках содержания Федерального Закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об образовании в Российской Федерации» понимания стандартов второго поколения как общественного договора между семьей, обществом и государством в области образования в содержании стандартов дошкольного, начального и основного общего образования предусмотрены следующие формы и направления воспитания семейной культуры, семейных ценностей, социализации в рамках основных семейных ролей, сотрудничества и партнерства образовательной организации с родителями и семьей:

1) сопровождение процесса воспитания и социализации обучающихся в области формирования социальной культуры: формирование российской гражданской идентичности, включающей в себя идентичность члена семьи;

2) сопровождение процесса воспитания и социализации обучающихся в области формирования семейной культуры:

- укрепление отношения к семье как основе российского общества;
- формирование семейных ценностей у обучающихся; формирование представлений о значении семьи для устойчивого и успешного развития человека;
- укрепление у обучающегося уважительного отношения к родителям, осознанного, заботливого отношения к старшим и младшим;
- усвоение нравственных ценностей семейной жизни: любовь, забота о любимом человеке, продолжение рода, духовная и эмоциональная близость членов семьи, взаимопомощь и др.;
- формирование начального опыта заботы о социально-психологическом благополучии своей семьи;
- знание традиций своей семьи, культурно-исторических и этнических;
- воспитание нравственных чувств, убеждений, этического сознания обучающихся предполагает получение системных представлений о нравственных взаимоотношениях в семье, расширение опыта позитивного взаимодействия в семье (в процессе проведения бесед о семье, о родителях и прародителях, открытых семейных праздников, выполнения и презентации совместно с родителями творческих проектов, проведения других мероприятий, раскрывающих историю семьи, воспитывающих уважение к старшему поколению, укрепляющих преемственность между поколениями).

Однако состояние современной семьи, отражённое в статистических данных и исследованиях специалистов, позволяет говорить о необходимости серьезных изменений в отношении современного человека к семье и браку. Несмотря на принимаемые меры, на присутствие в литературных программах школ и других образовательных учреждений положительных примеров утверждения традиционных русских ценностей семьи, мы можем наблюдать такую негативную статистику. Это является показателем неэффективности технологии работы с имеющимся и утвержденным литературным материалом. Современная работа с художественным произведением на уроках и внеклассных занятиях по литературе, основанная на анализе, не влияет на чувства, внутренний мир ученика-читателя, не воспринимается им как личное переживание, не перерастает в его личный опыт, т.е. не способствует воспитательной составляющей образования. Произведение дистанцировано от современного ученика-читателя.

Идея эмоционального и нравственного становления читателя возвращает нас к проблеме воспитания и образования современного ребенка. Чтобы разобраться в этих вопросах, необходимо посмотреть на самого ребенка — на его личностные, потаенные пристрастия и на его ценности, претендующие на общественное признание в наше время. Что нужно, чтобы именно нравственные, духовные, творческие силы стали перспективой для образования личности.

Автор методического пособия И. И. Тихомирова «Школа творческого чтения» предлагает специалистам простой, но подчас незаслуженно «забытый» в профессиональной среде путь — обращение к эмоционально-творческому началу детства, к тому, что для ребенка свойственно думать именно сердцем. Отсутствие подобного начала в современной педагогике очевидно. Уже сегодня тревожит готовность многих молодых людей пользоваться готовыми мнениями, чужими мыслями.

На этом фоне автор предлагает художественную литературу, её эмоционально-творческую энергию как универсальный инструмент для зажигания сердца, для естественного соединения интеллекта и эстетического, нравственного начала личности.

Предлагаемое пособие, адресованное школьным учителям, библиотекарям, воспитателям, педагогам центров художественного воспитания детей, во главу угла решения этой проблемы ставит развитие творческого начала в ребенке на материале художественной литературы как вида искусства.

В основу концепции Школы творческого чтения лежит:

1) понимание природы чтения как особого вида эмоционально-творческой жизни, базирующейся на великих душевных силах человека;

2) детский способ постижения мира и искусства — наглядно-образное и эмоционально-непосредственное восприятие, естественную потребность ребенка в жизненном опыте, в познании себя и других;

3) сущность литературы как творчества писателя, требующего ответного творчества читателя, единство природы этого творчества, его импульсов;

4) убеждение, что интерес к чтению у ребенка напрямую зависит от развития способности резонировать на творчество писателя ответным творчеством, от включенности книги в контекст его жизни.

Таким образом, для успешного формирования представлений о семейных ценностях у школьников важно не только что прочитано об этом в художественной литературе, но и как организовано чтение и размышление о семейных ценностях.

Важную роль в реализации названного широкого спектра форм психолого-педагогической поддержки современной семье, решения важнейшей задачи формирования у детей и юношества семейных ценностей, опирающихся на российские исторические и культурные традиции, принадлежит сегодня системе дополнительного образования.

В данной социокультурной ситуации возрастает роль библиотек как школьных, так и городских, в формировании ценностных ориентаций ученика. Современная библиотека — это не только учреждение, где читатель может выбрать и взять книгу, но и центр дополнительного образования. В библиотеке разрабатываются разнообразные образовательные программы для дошкольников и школьников, направленные на всестороннее развитие ребёнка.

Библиотека, как структурное подразделение общеобразовательного учреждения, является центром культуры и чтения, информационно-ресурсной базой школы, представляющей библиотечно-информационные ресурсы учителям, учащимся и родителям в целях обеспечения учебного процесса и воспитательной работы, поддержки и расширения учебной деятельности школьников, развития у учителей и учащихся потребностей в чтении и непрерывном образовании, развития способностей, умений и навыков эффективного поиска, переработки и использования информации различного характера.

В библиотеках читатель может обратиться за помощью уже не просто к библиотекарю, а к педагогу-библиотекарю и получить знания на библиотечных уроках.

Главная задача библиотечных уроков — сделать так, чтобы у детей были знания, опыт и познание работы информационной деятельности. Современная библиотека помимо информационной функции выполняет образовательную и воспитательную.

На базе Центральной детской библиотеки (г. Лесосибирска) нами была проведена локальная работа по выявлению уровня понимания школьниками что такое «ценность».

В эксперименте участвовали 50 учащихся (4-й и 5-й классы) школы № 1 города Лесосибирска. Ребятам были предложены анкеты, в которых было три вопроса:

1) Что является ценностью в жизни человека?

2) Есть ли у вас какое-нибудь любимое занятие, которым вы занимаетесь с родителями?

3) Назовите членов своей семьи.

28% школьников ответили, что ценностью в жизни человека является дружба, любовь, семья и здоровье близких людей. Только у 25% детей есть занятие, которым они занимаются вместе со своей семьей. Среди членов своей семьи 49% школьников назвали маму, папу, брата и/или сестру, бабушку и/или дедушку, 41% назвали только маму или папу, брата и/или сестру, 8% — маму или папу, 2% — бабушку.

Таким образом, дети не имеют четкого представления что является ценностью в жизни человека, называя при этом материальные вещи. У них утрачено понятие ценности семьи и её значение как для человека, так и для общества. Лишь с немногими детьми родители имеют общие интересы, общее дело, которое крепче связывало их друг с другом.

Семейные отношения всё больше приобретают формальное значение. Меньше половины опрошенных назвали три поколения в своей семье, т. е. родителей, братьев или сестер бабушку с дедушкой.

Утрачивается связь поколений в семье, в роде. Назревает необходимость возрождения значения семейных ценностей у школьников.

Исходя из полученных результатов анкетирования, было решено провести несколько занятий, приуроченных к 90-летию со дня рождения В. П. Астафьева, с учениками 5-х классов (май 2014 г.).

На этих занятиях проводилось чтение фрагментов из рассказов В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой» и «Монах в новых штанах», где анализировался образ бабушки писателя Катерины Петровны. Также был прослушан фрагмент из повести «Перевал» о матери писателя.

Реакция учеников была неожиданной. Ребята задавали много вопросов о семье писателя, чтение некоторых отрывков из произведений вызывало эмоциональный отзыв. Школьники проявили интерес к услышанному. Поэтому возникла необходимость более детального и углубленного изучения биографии и творчества Виктора Петровича.

В связи с этим в рамках мы предлагаем в качестве методических рекомендаций по формированию семейных ценностей примерную психолого-педагогическую программу внеклассных и библиотечных занятий на основе биографии и творчества красноярского писателя В. П. Астафьева.

Выбор этого автора не случаен.

Сибиряк, наш соотечественник, талантливый писатель, человек с непростой судьбой, который был обеспокоен назревающим кризисом русской семьи.

Программа по формированию семейных ценностей у подростков на основе биографии и творчества В. П. Астафьева «Два мира В. П. Астафьева» (для подростков 10–12 лет)

Цель программы — создание условий для приобретения жизненного опыта, необходимого для формирования семейных ценностей.

Для реализации программы необходимо выполнение следующих задач:

- получение и расширение знаний о семейных ценностях и гендерных ролях;
- знакомство с биографией и творчеством В. П. Астафьева;

- формирование позитивного образа семьи у школьников посредством знакомства с семьей писателя и её традициями;
- воспитание чуткости, эмоциональной отзывчивости школьников, способностью к сопереживанию, бережному отношению к семейным ценностям;
- содействие процессам саморазвития и самореализации школьников.

*Тематическое планирование программы
«Два мира В. П. Астафьева» (для подростков 10–12 лет)*

Название	Форма
«Семья моей мечты» Подготовка к восприятию комплекса занятий, направленных на формирование семейных ценностей. Рисунок, рассказ о своей семье мечты.	Беседа, создание творческих работ по теме «Семья моей мечты»
«Ты явился гостем на сей свет с назначением творить в меру сил» Знакомство с биографией писателя. Витя Астафьев – внук и сын. Виктор Петрович Астафьев – глава семьи, отец, дед. О чём я хотел бы спросить В. П. Астафьева.	Просмотр фрагментов документальных фильмов М. Литвякова, посвящённых В. П. Астафьеву.
«Кто же он – глава семьи?» Чтение рассказа «Захарка». Осмысление позиции члена семьи, ответственного за мать, братишек и сестёр.	Пересказ сюжета от лица Захарки (монолог маленького кормильца семьи).
«Душистый запах детства» Рассказ «Запах сена». Сообщность семейного дела, единение старых и малых в совместном труде. Размышление над значимостью роли каждого члена семьи.	Коллективное сочинение своей истории общесемейного дела.
«Моя семья – мои дела» Осмысление фактов «семейной биографии» В. П. Астафьева, итоговые мысли-думы о значении семьи в прочтенных рассказах.	Монолог-повествование каждого читателя: «Я – помощник и опора в своей семье».
«Святое слово “Мама”» Глубинный смысл Праздника международного дня матери. Художественное чтение фрагмента о маме из повести «Перевал».	Написание сценария Праздника, распределение ролей. Работа ребят: фотохудожников, декораторов, экспозиционеров и др.
«Пряник конём» Рассказ «Конь с розовой гривой». Дарение бабушкой пряника внуку – символ нравственного устройства семьи.	Мастер-класс (мамы, бабушки) по изготовлению пряников (песочное тесто, солёное тесто, различные поделочные материалы).
«Семья и род» Рассказ «Конь с розовой гривой». Первоначальное представление о родословии (дедушка, бабушка, внуки, тетка Августа; семья дяди Левонтия).	Начатки составления родословия каждого читателя: я и моя семья, мы и наш род. Устное словесное рисование, фотолетопись, составленные читателями-подростками.

Название	Форма
«Помоги нам, ангел-хранитель» Рассказ «Ангел-хранитель». Углубление понятия «родословие» Потылицыных: Катерина Петровна, дедушка, Кольча-младший, его жена, брат Лёшка, тетка Августа. Родственность — спасительный ковчег в лихие времена.	Мастер-класс по изготовлению фигурки ангела-хранителя. Составление генеалогического древа семьи Потылицыных. Определение ключевого образа ангела-хранителя этой семьи.
«Спешу я к бабушке на праздник» Рассказ «Бабушкин праздник», чтение фрагментов.	Игра-викторина «Семейства рода Потылицыных». Маршрут-открытие «Семейства моего рода».
«Спешу я к бабушке на праздник» Традиции семейства Потылицыных. Понятие соборности празднования Матери рода (Катерины Петровны).	Просмотр фрагментов спектакля М. Брунникой «Бабушкин праздник». Написание читателями сценария праздника своей семьи.
«Мои корни — моя семья» Чтение фрагментов-описаний родословий села Овсянка (Фокины, Шахматовы, Верехтины).	Составление генеалогического древа родословия каждого читателя произведений В. П. Астафьева. Выявление «непроясненных» линий этого древа.
«Перевал на жизненном пути» Чтение фрагментов повести «Перевал». Образы отца, мачехи, Ильки. Мотив душевного сиротства в повести.	Пересказ эпизодов повести от первого лица. Устное словесное рисование (образ мачехи, Ильки). Обсуждение проблемы конфликтов между старшими и младшими в семье.
«Ох, головушка твоя забубённая» Чтение фрагмента повествования «Бойё» об отце героя-повествователя. Тема греха и трагических проступков в повествовании.	Выразительное чтение эпизода гибели Бойё. Конкурс на лучшую иллюстрацию эпизода. Диспут с участием читателей: «Возможно ли прощение отца?» (авторская позиция).
«Отдаю тебе «последний поклон» Рассказ «Последний поклон». Мотив покояния в повествовании. Корневая память героя произведения.	Коллективная подготовка к постановке спектакля в формате «Театр одного актёра». Театральная версия рассказа. Работа музыкальных оформителей, декораторов, сценографов. Конкурс на лучшего исполнителя роли героя-рассказчика.
«Семья моей мечты» Возвращение к теме первого занятия на новом уровне, основанном на приобретенном опыте чтения. «Панорамный» взгляд на семью как основу родового существования.	Корректирование ранее созданных творческих работ «Семья моей мечты». Определение тематических циклов для последующей работы. Обсуждение с читателями реализации проекта «Семья — источник творчества и добра».

Примечание: цикл внеклассных/библиотечных занятий рассчитан на один учебный год по два занятия в месяц. Один раз в три месяца проводится психологический тренинг.

На современном этапе государство особое внимание уделяет проблеме семьи. И не последнюю роль в решении этого вопроса играет школа. На сегодняшний день к ней активно присоединяется библиотечная система, которая постепенно изменяется

функционально и структурно, выполняя не только информационную, но и образовательную и воспитательную функцию.

Биография и творчество Виктора Петровича, известного сибирского писателя, дают возможность для изучения и формирования семейных ценностей у школьников.

Разработанная авторская программа для внеклассных и библиотечных занятий на данном материале опирается на сотрудничество семейных сообществ с библиотекой, а также развитие универсальных учебных действий, позволяющих нравственно адаптировать учащихся в современном социуме.

Список используемой литературы:

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 1 /В. П. Астафьев. — Красноярск: «Офсет», 1997. — 608 с.
2. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 2 /В. П. Астафьев. — Красноярск: «Офсет», 1997. — 352 с.
3. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 4 /В. П. Астафьев. — Красноярск: «Офсет», 1997. — 448 с.
4. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 5 /В. П. Астафьев. — Красноярск: «Офсет», 1997. — 432 с.
5. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6 /В. П. Астафьев. — Красноярск: «Офсет», 1997. — 432 с.
6. Гулина М. А. Словарь-справочник по социальной работе /М. А. Гулина. — СПб.: Питер, 2008. — 400 с.
7. Кармин А. С. Культурология: учебное пособие /А. С. Кармин, Е. С. Новикова. — СПб.: Питер, 2006. — 464 с.
8. КонсультантПлюс — надёжная правовая поддержка [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс», 2015. — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=110255>.
9. Модель формирования семейных ценностей у детей и подростков: Учебно-методическое пособие /С. С. Федоренко, Н. Н. Кислова, М. В. Мартынова, Е. В. Тихонова [и др.]; под ред. Е. В. Вергизиной, Т. С. Воробейкиной, О. В. Эрлиха. — СПб.: Своё издательство, 2014. — 403 с.
10. Река жизни Виктора Астафьева /Сост. В. Г. Швецова. — Красноярск: ИПЦ «КАСС», 2010. — 528 с.
11. Романичева Е. С. Введение в методику обучения литературе: учебное пособие /Е. С. Романичева, И. В. Сосновская. — М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. — 208 с.
11. Сечина Н. Б. Возможности литературного образования в разрешении актуальной социальной проблемы семьи /Н. Б. Сечина //Сибирский учитель. — 2010. — №3. — с. 39-41.
12. Тихомирова И. И. Школа творческого чтения: методическое пособие /И. И. Тихомирова //Я вхожу в мир искусств. — 2003. — № 6.

*Ермолаева О. Ю.,
заведующая отделом поэзии
(Литературно-художественный журнал «Знамя», г. Москва)*

Школа имени Астафьева

Жизнь без Астафьева стала скучной и плоской. Как чалдонские дети кидались на свежую черемшу, на шанги с молотой черёмухой, на кедровые орехи, как обожали жевать эту так называемую серу — шоколадные, глянцевые брусочки отваренной в молоке живичной смолы лиственницы, — так я, как волчонок на материнскую добычу, бросалась на каждую новую прозу Астафьева, понимая: это самый мощный из современных мне писателей, самый полнокровный, по-царски непредсказуемый, то яростный, то нежный, и при этом не изменяющий ни вкусу, ни такту, ни природной скромности и достоинству...

Мне повезло: долгие годы мы были знакомы, при первой встрече он сказал: «Как же, знаю тебя, читал! (ОН ЧИТАЛ!) Только не становись похожей на эту...» (тут он назвал фамилию, которую я, разумеется, не назову)...

Мы переписывались, я всегда берегла его открыточки, календарики, письма, написанные от руки. При случае — переговаривались, случаев было немного: один раз я прилетала в Читу на «Забайкальскую осень», а то Виктор Петрович прилетал в Москву на писательский съезд или пленум, мы с мужем подходили к нему, всегда окружённому толпой, восхищённо и почтительно здоровались и скорей отходили, чтобы лишний раз не лезть ему в глаза... Он когда-то сказал мне: «Эх ты, салага! Ты в школу там бегала в своём Подтёсове, а я когда-то мимо Подтёсова по Енисею на судах матросом ходил... туда, на Игарку».

И то сказать. В посёлке Подтёсово уже того времени, когда я там училась аж до четвёртого класса, нищета была привычным и необременительным сопровождением нашей жизни. Первое время у нашей семьи не было даже колодца, и мы набирали на огороде снег, топили его на печке в кастрюлях и эту снежную талую воду пили, на ней варили, ею мылись. У нас все силы тогда были брошены на постройку насыпной землянки, чтобы перезимовать жестокую зиму на Енисее... И домик наш, со стенами, набитыми землёй, где щели были уконопачены болотным мхом — оказался на редкость тёплым, уютным, с желанными для меня вечерними чтениями вслух — у нас всегда вечерами читали вслух книги — иной раз, когда не было света, при двух керосиновых лампах. Тепло, блаженно, моя бабушка молодая (она когда-то училась в гимназии в Чите), правильно и точно читает книгу «Овод», а я начинаю вдруг неумеренно бурно рыдать от жалости к герою, ждущему казни, и бабушка смотрит неодобрительно: она всегда была очень красивой, стройной, хорошо воспитанной (у нас говорили «культурной!») — с волнистыми волосами, прекрасным и в поздние годы лицом, и я иной раз, наглядевшись на неё, налюбовавшись, замечала: «Баба, какая ты красивая!» «Ой, Оля, не смеши ты меня!» — говорила она своим чистым, нежным голосом и смеялась сама...

Мы были раскулаченные, нас гоняло и носило то в Среднюю Азию, то в Сибирь, то на Дальний Восток... В Подтёсово мы приплыли тогда по большому знакомству на шикарном пароходе «Валерий Брюсов» с красным бархатом и множеством зеркал в белой каюте (но моя любовь к этому поэту Серебряного века в течение дальнейшей жизни никак не усилилась).

Я была довольно неловкая от страшной стеснительности девочка, росла, как звёрёк, мама-учительница вечно в школе, замотанная проверкой тетрадей, всегда усталая, не очень счастливая... и я, предоставленная себе, даже не знаю, какой бы стала, если б не мои дед с бабушкой молодой. Помню, как я, бестолковая, отстояв длинную очередь, громко спросила у продавщицы в тёмном, похожем на склад-сарай магазине, куда принесла большую авоську пустых бутылок — сдавать! — «Вы бутылки СДАЁТЕ?»... Очередь захохотала.

На вырученные деньги я в ту же самую авоську купила несколько килограммов карамели «Пуншевая» — в таких пёстрых обёртках, с жёлтыми, красными и зелёными волнистыми полосками фантики, а внутри жевательной и сосательной карамели что-то типа джема. Несу я домой эту полную авоську «Пуншевой», заправляя вылезающие из ячеек конфетки — обратно, и встречается мне по дороге ещё более бедная, чем я, девочка, с которой мы играли-не играли, так, слонялись да ротозейничали, и девочка просит: «Дай мне конфетку!»... Я дала. Девочка говорит: «Дай ещё, для моего братика!», и тут я сухо отвечаю: «Мы не миллионеры!»... Эту фразу я помню всю свою жизнь.

Рассеяннo-наглый лайка Кучум, вечно стоящий на своей будке и кого-то высматривающий, деревня Чермянка в 12 километрах от Подтёсова, куда мы зачем-то ходили смотреть старую школу, походы в барак, где жила другая девочка, с ней мы опять ротозейничали и шалались по улкам, по тротуарам... Игрушек у меня не было, к самодельной кукле с чувочным лицом, сшитой для меня моей бабушкой молодой, превосходной портнихой, я не испытывала никаких чувств, предпочитая играть деревянными плотничьими инструментами: рубанком, фуганком, уровнем, коловоротом, угольником... В этом гигантском девочкином бараке, вероятно, когда-то служившим каторжникам, затем ссыльнопоселенцам — (Подтёсово на Енисее стояло уж триста с лишним лет!) — всё пространство было разграничено цветастыми засаленными занавесками, и за каждой обитала семья. В этих деревянных, повидавших неведь какие виды стенах, вечно витали запахи жареной картошки, варёной капусты, горящих керосинок, там стояло много помойных вёдер под разнокалиберными ручкомойниками, но барак не был для меня ни противным, ни дурно пахнущим, — он был очень притягательным со своими фотокарточками в рамках, зеркальцами, тюбиками жирной красной помады на вязаных из грубых дешёвых ниток — салфетках, покрывающих тумбочки и этажерки... Ссыльнопоселенцев тут поджидало не то, так другое: не лютовавший здесь всю туберкулёз, так страшные зимы с бешеным морозякой, который только мне, дикошарой дурочке, казался нарядным и радостным.

Помню, меня перевязали крест-накрест белой, в алых розанах шалью поверх мальчуковой шапки на моей вечно стриженной под машинку (причёска под мальчика!) голове... Я вышла из дверей в очень глубокую, синюю от теней траншею, так отрывали вход в дом, после того, как нас заваливал каждый прошедший буран. Стенки снежной траншеи были в два моих роста высотой. Я изумлённо взглядывала на сверкающий, резкий и острый мир, ликуя невесть отчего, по своему обыкновению... В деревянной школе нашей было пусто, солнечно, непривычно тихо, и техничка сказала с улыбкой, оглядев меня, завязанную гарусной шалью: «Девочка, что ты пришла? Сорок градусов мороз. В сорок градусов дети не учатся!».

Эта школа потом была перестроена, она сделалась в более поздние годы кирпичной, и вот какие виражи закладывает судьба (нашла заметку в Интернете про нашу школу!):

«Подтёсовская средняя школа № 46 имени В. П. Астафьева

27 февраля 1998 года в школу приезжал известный сибирский писатель В. П. Астафьев. Это было большое событие не только в жизни школы, её учителей и учеников, но и для всех жителей посёлка, встреча с писателем проходила в очень тёплой обстановке.

Поначалу ученики стеснялись задавать вопросы, но через некоторое время обстановка стала настолько естественной, что ученики задавали самые обычные вопросы: как он понимает слово “счастье”, что бы он загадал, если бы у него была волшебная палочка? На что писатель ответил: “Первое — здоровья побольше для моей жены, второе — чтобы дети рано не умирали, третье — чтобы все сидящие в этом зале были счастливы!” Наша школа тогда находилась в стадии строительства, и неизвестно, когда бы её закончили, если бы не В. П. Астафьев. С ходатайством о завершении стройки он выходил к губернатору А. И. Лебедю, в Законодательное Собрание края.

При встрече с писателем у него попросили разрешения назвать школу его именем, на что Виктор Петрович категорически не согласился, считая, что при жизни делать себе памятник — неэтично. Когда Виктор Петрович умер, вдова писателя, Мария Семёновна, дала разрешение. Так школе присвоили имя Виктора Петровича Астафьева. В 2002 году был открыт Литературный музей В. П. Астафьева».

А рядом со школой был розовый, с колоннами, Дом культуры, где меня буквально грозно заставили быть Снежинкой на школьной новогодней ёлке; у всех других девочек были нарядные марлевые накрахмаленные пышные платья с блёстками, а у меня было ничем не украшенное простое бедняцкое платьишко из коленкора, совсем без складок, и руками я не могла от печали и стеснения правильно двигать — в то время, как остальные девочки изображали руками плавные лебединые взмахи — я мёрзла, и тупо делала руками что-то похожее на школьную зарядку... Видать, не было у меня никакой возможности отвернуться от этой глупой роли, а ведь я больше всего всегда любила просто сидеть и просто смотреть во все глаза, запоминая на долгие годы...

Да, ещё вспомнила, за каким-то шутком мы вечно с девочкой заходили после школы в аптеку: ага, там продавались бруски гематогена, он был нам вместо шоколадок...

С другой стороны, жили в Подтёсове и люди богатые, это были речные и морские капитаны, (например, капитан Лобадзе!) у них в домах даже стояли пианины, на которых никто никогда не играл, но сам факт...

Была ведь и поездка с дедом и бабушкой молодой на пароме через Енисей, — на остров, сплошь заросшей рясной и крупной, смоляной черёмухой — она нужна была нам для шанег, потому что ни творога, ни сметаны, ни молока у нас не было — вследствие того, что нас всегда тайно обуревали идеи насчёт вечной смены жительства, мы не могли завести корову, во-первых, не скопить было на неё денег, а во-вторых, она бы нас прочно закрепила на месте... Чего никто в нашем семействе раскулаченных, вечно гонимых ветром по свету, особенно и не жаждал.... На острове с черёмухой какие-то лесные дружинники вдруг привязались к деду: что да что у тебя в мешке? А у деда был завернутый в тряпицу скальпельно-острый плотницкий топор. Долго лесные молодцы приставали к деду... Господи, пожалели бедняку бросовой ягоды! Но дед мой был не бедняк, а унтер-офицер царской армии, он воевал, мой красавец, певун, всё на свете умеющий делать, на Халхин-Голе, бывал в Харбине... Хотя, правда, у нас тогда на многое не было средств, говорю же — бедно, как все кругом, жили....

Виктора Петровича я любила за многое: за широту натуры, за тонкое чутьё и понимание поэзии, за неколебимую внутреннюю суровую мужицкую справедливость...

Виктора Петровича — я его величала именно так! — окружающее его немалое кольцо молодёжи не называло ни «Шеф», ни «Наш-то», ни «Старик» — он не был ни шефом, ни нашим-то, ни стариком... Его называли ласково «Витя»... Ох, вспомнила, как мы с ним пели в притихшем большом застолье в каком-то таёжном посёлке — в домике над рекой песню «Под окном черемуха колышется», причём, он не все куплеты помнил, а я помнила все куплеты... А он давай себе подливать в гранёную, грубого стекла, рюмку на ножке — из запотевшей бутылки, только Мария Семёновна всё больше и больше тревожно хмурилась... И голос хороший какой у него был...

Как же я любила и люблю его «Царь-рыбу», а там почему-то более всего «Уху на Боганиде» — дело доходило до того, что мы с дочкой, знающие эту вещь почти наизусть, даже называли друг дружку «пана»: «Ты спишь, пана?» «Нет, пана, я не сплю!»...

Наступает зима, в Подтёсове в мою школу имени Астафьева как прежде, идут дети, в библиотеке имени Астафьева пышут теплом батареи, пахнет глаженными шторами, стоят ряды стеллажей с затрёпанными книгами... А в затоне, потупясь, как мне представляется, вмёрз в лёд пароход «Виктор Астафьев», совсем не парадный, речной енисейский трудяга...

Виктор Петрович написал в «Завещании», когда уже сильно болел:

«Пожалуйста, не топчитесь на наших могилах и как можно реже беспокойте нас. Если читателям и почитателям захочется устраивать поминки, не пейте много вина и не говорите громких речей, а лучше молитесь. И не надо что-либо переименовывать, прежде всего — моё родное село... Желаю всем вам лучшей доли, ради этого жил, работал и страдал. Храни вас всех Господь!»

Вот так. Жил. Работал. Страдал.

* * *

*Товарка моя по судьбине и по ремеслу!
В Москве обитаю, как во глубине океана...
А ты-то, а ты-то, царевна моя Несмеяна,
Глядишь с Ангары через тысячеверстную мглу.*

*Я бабьего жалкого лепета страсть не люблю.
Царапаю краткие письма, как курица лапой.
Но ты-то ведь видишь меня, как и я тебя зрю —
Какой там к шутам вдохновенной! — свирепой, патлатой...*

*О, как многодетная мать при стирке белья,
И как санитарка, обьятая смертной отвагой,
И как гулеванка, спустившая всё до копыя, —
Такие мы есть по ночам пред честною бумагой!*

*У вас — нет! — у нас! — скоро выйдет в лугах черемша,
Пойдёт на покосах расти валерьяновый корень...*

*В единой-то боли душе отзовется душа.
Единым трудом деревенские руки неволим!*

*Товарка моя, это нам с тобой стыд и укор,
Что в наших гнездовьях доныне — где густо, где пусто...
Добро, что нас вынесло в бурей продутый простор,
И чувство народа затмило любовные чувства.*

*...Как поле картохи, возделывай времени пласт!
Даст бог, и напишем, и на ноги деток поставим.
И нам, словно в школе, сурово отметки раздаст
Высокий учитель наш, Виктор Петрович Астафьев...
(Из книги стихов «Товарняк», 1984)*

Тинигин В. А.,
инженер-металлург, фотограф
(г. Карпинск, Свердловская область)

«Следами, тропами, дорогами Виктора Астафьева» (презентация фотоальба в 2-х томах)

Что же самое хорошее было в моей жизни? Лес, тайга, бесчисленные хождения по ней. О тайга, о вечный русский лес и все времена года, на земле русской происходящие, что может быть и есть прекрасней вас? Спасибо Господу, что пылинкой высеял меня на эту землю, спасибо судьбе за то, что она сделала меня лесным бродягой и подарила мне столь чудес, которые краше всякой сказки.

В. Астафьев. На сон грядущий

В определении заслуг Виктора Петровича Астафьева при награждении его литературной премией имени А. И. Солженицына сказано: «Писателю мирового масштаба, бесстрашному солдату литературы, искавшему свет и добро в изувеченных судьбах природы и человека».

Я впервые прочитал «Царь-рыбу» в «Роман-газете» и был буквально потрясён прочитанным. Без всякого преувеличения, попал в плен его таланта. Стал читать всё, что уже было написано им ранее, или только что публикуемое. В «Комсомольской правде» прочёл очерк «Вечно живи, речка Виви!» Это было, как говорят, последней каплей в чаше моего восхищения. Я узнал адрес писателя и... послал ему оригинальную снасть для ловли хариуса. Ни на какой ответ, естественно, не рассчитывал. Но в ответ пришли книги с автографами автора и его письмом.

Сам я рыбак и охотник с ранних лет. Да еще очень давно увлекся тем, что фотографировал природу. Вот и послал Виктору Петровичу в следующей бандерольке вместе с лечебными травками, мной собранными, контрольные отпечатки нескольких своих фото и слайдов. Позже, при встречах с ним, из этих слайдов были отобраны фотоиллюстрации к его рассказам и повестям «Стародуб», «Ягоды для папы»,

«Разговор со старым ружьем», «Тихая птица», «Капля», «Худого слова и растение боится», «Затеси». А тогда последовал звонок из Красноярска, а затем и приглашение приехать в гости.

В мае 1991 года я провёл четыре незабываемых дня у Астафьевых в Овсянке и Академгородке. Потом был у них осенью 1994 года и в октябре 1995-го, на золотой свадьбе. Понимая занятость Виктора Петровича, я попросил его не писать письма в ответ на мои. Переписка наша шла через Марию Семёновну. С Виктором Петровичем разговаривал по телефону, если он работал не в Овсянке, а в Академгородке.

Затем были годы перестройки и один из её результатов — безденежье. Очень хотелось повидаться с этими удивительными людьми, но в Красноярск просто не на что было съездить, хотя приглашали меня и на 70-летний юбилей Виктора Петровича, и так. Потом были встречи уже только с одной Марией Семеновной... Последняя — на её 90-летнем юбилее.

Я не буду описывать свои восхищения и чувства от встреч с этой удивительной семьей. Осталась сердечная память о них. Остались их фотографии, письма, книги с автографами, в том числе и 15-томное собрание сочинений, рыболовные снасти, кинокамера, документальные фильмы, джемпер и пуловер «с плеча» Виктора Петровича, даренные им сувенирные пасхальные яйца из Иерусалима... А в квартире Астафьевых и в Овсянке остались их фотографии, сделанные мною, мои снимки зверьков, птиц, цветов, натюрморты и пейзажи, да подаренные сувениры — профиль головы лося, чучела птиц. А ещё остались книги, в которые вошли мои снимки: «Виктор Астафьев — зеркало XX век» с его портретом на форзаце; «Знаки жизни» Марии Семёновны с её портретом на обложке. Да две фотографии в книге Г. Сапронова «Нет мне ответа. Виктор Астафьев»... Вечная им память и царствие небесное. И благодарение Господу и судьбе за встречи с ними.

При жизни Виктора Петровича и после его ухода было издано несколько фотоальбомов. Но, на мой взгляд, это были просто традиционные фотоальбомы: иллюстрации отдельных эпизодов из жизни Виктора Петровича и Марии Семёновны. Мне же захотелось раскопать родники его творчества и в хронологической последовательности ПРОПЛЫТЬ РЕКОЙ ЕГО ЖИЗНИ, В КОТОРОЙ СЛИЛИСЬ БЫ В ЕДИННЫЙ ПОТОК ТЕКСТЫ ВИКТОРА ПЕТРОВИЧА И МОИ ФОТОГРАФИИ. Попробовать показать смысл и радость его жизни, выраженные в словах, которые потом стали эпиграфом к альбому:

«Что же самое хорошее было в моей жизни? Лес. Тайга. Бесчисленные хождения по ней... Большинство сюжетов и большинство всего, что я написал — они все родились в лесу! Сочинённое в лесу год-полтора назад восстанавливал до звука, когда дело доходило в писании именно до этого, где-то сочиненного места...»

Побывать там! Увидеть то, что видел, слышал и ощущал Астафьев, и попытаться показать и передать это всем.

Так родился замысел альбома — нет, скорее, фотокниги — «Следами, тропами, путями Виктора Астафьева».

При работе над ним пришлось не только пройти, проехать, проплыть и пролететь бесчисленные километры путями Великого Мастера слова, то есть совершить переход длиною в 77 его земных лет, но и заново многократно перечесть почти всё, что написано Виктором Петровичем и Марией Семёновной, их критиками и последователями. Отобрать бережно из их произведений и переписки самые сокровенные исповедуемые ими ценности, превратив эти цитаты в комментарии к фотографиям.

В начале альбома я счёл необходимым коротко напомнить об Астафьеве как о патриоте и гражданине России, солдате и писателе. О верной его спутнице по жизни Марии Семёновне.

Побывал вслед за Виктором Петровичем (много лет спустя!) в Михайловском, Ясной Поляне, Тарханах, чтобы, как и он, поклониться могилам гениев, а главное — «увидеть», какую определял он себе планку в творчестве. В апреле 1996 года Виктор Петрович был в Тарханах и оставил запись в книге отзывов. Я опубликовал её в альбоме рядом с письмом директора музея-заповедника Т. М. Мельниковой. Вот последние строки этого письма — об Астафьеве:

«...Не распространяясь много, могу сказать, что я за свою жизнь так и не встретила человека с таким талантом и столь чуткой душой, человека, который бы оставил столь неизгладимый след в моей памяти».

Во время поездки на реку Малый Абакан (по следам рассказа «Медвежья кровь») в городе Абакане мне посчастливилось встретиться с Николаем Устиновичем Журавлевым. Николай Устинович в 17 лет добровольцем ушёл на фронт. Участник боёв на Курской дуге, был тяжело ранен. Воевал на канонерке «Красное знамя», на катерах-охотниках и подводной лодке «Щука». Награждён орденами Отечественной войны I и II степени, многочисленными государственными наградами. Работал журналистом в газете «Красноярский рабочий», затем фотожурналистом. Автор нескольких книг и фотоальбомов. В свои 88 лет обладает незаурядным умом и ясной памятью. Печатается в газетах «Хакасия», «Абакан». Был близко знаком с Астафьевым. Ему, как фронтовику, Виктор Петрович давал — «для цензуры» — читать роман «Прокляты и убиты» в рукописном варианте. Я попросил Журавлева написать несколько слов об Астафьеве и тоже поместил их в альбом.

В Абакане произошла ещё одна удивительная встреча — с Альбертом Шапсовичем Урманом, журналистом, писателем, участником поездки Виктора Петровича на реку Малый Абакан в 1983 году. Он описал это путешествие в рассказе «Сибирский корифей. Страница жизни Виктора Астафьева», опубликованном в сборнике «В поисках земного чуда». Он самым первым из пишущей братии побывал у старообрядцев Лыковых. А спустя 30 лет мне и нам всем написал кратенькое предисловие к эссе «В поисках земного чуда»: «Я долго искал земное чудо. А оно оказалось рядом. Виктор Петрович был прост по-мужички, и в то же время это было настоящее чудо народного мудреца из повседневной жизни».

Путешествие по астафьевской «Реке жизни» начинается с Овсянки, малой родины писателя («Я пришел в мир добрый, родной и любил его безмерно»). С первой пойманной им рыбки, с Манской гривы. Затем Енисей, Васюткино озеро, Игарка («Игарка, Игарка, ты город полярный, на севере вырос, среди холодов...»).

После войны и фронта судьба привела вчерашнего солдата на Урал («На Урале... прожит кусок сложной, в том числе и творческой жизни в 24 года длиною; частица сердца, и немалая, оставлена на этой прекрасной и многострадальной русской земле»). Вы побываете вместе со мной у Леонарда Дмитриевича Постникова (основатель этно-парка истории реки Чусовой и спортивной школы олимпийского резерва «Огонек»), в музее похода Ермака. На хребте Кваркуш, из похода на который писатель «принёс» три рассказа: «На далёкой северной вершине», «Медведи идут следом», «Марьины корни». Увидите реку Чусовую, из сплава по которой появились «Ягоды для папы» и «Каменный город», пройдёте по «улицам» этого «города», разглядывая диких каменных птиц и рептилий.

Затем будет деревня Быковка — райское место для его творчества («А сейчас, когда я ходил по лесу, заснеженному, тихому и чистому, мне захотелось уйти работать егерем или лесником. Или черт его знает кем, но чтобы быть в лесу постоянно»). Увидите красавца снегиря, чудных снежных птиц и зверей, побродите по речке Быковке, чтобы обмануть харюзишку («Вкусен, собака, и ловок! Ловить его дело хитрое, но и наслаждение ж!»).

Простившись с Уралом («...Я позабыл все горечи, испытые на Урале. Помню только хорошее»), переберёмся вслед за Мастером в Вологду («Вот и выбрал я старинную Вологду, где есть друзья и ещё пахнет Русью, близкой моему сердцу»).

Побываем в деревушке Сибла, увидим его дом («...где было пустынно, тихо и хорошо работалось, — здесь закончена «Царь-рыба», напечатана вторая книга «Последнего поклона» и много чего понаделано... И счастье — такая здесь тишина, красота. Рыбалка, уединение, физический труд и хлопоты»).

Посетим святыни Руси: Кирилло-Белозерский монастырь, собор Рождества Богородицы (Ферапонтово), могилы поэтов Николая Рубцова и Александра Яшина.

Идейным вдохновителем проекта был выдающийся критик, писатель, литературовед, друг Астафьева Валентин Яковлевич Курбатов. Вот как он когда-то благословил меня на труд: «... Ну, за осуществление замысла! При таком замысле Вам года на одни поездки не хватит. Но зато альбом действительно может выйти редкий. Он может быть счастливо неподражаемым и к "речке Виви", и к "Царь-рыбе", к самым счастливым страницам судьбы Виктора Петровича, да и нам напоминанием о том, как прекрасна Земля, которую мы не видим за пустой беготней и победившим мир расчетом. Помогите Вам Бог!»

Валентин Яковлевич с супругой приютили меня у себя дома. Затем мы совершили вместе поездку в Михайловское, где он был моим гидом. Он же организовал мою работу в Вологде, где моим опекуном и верным помощником оказался Петр Григорьевич Каминный, координатор народного проекта «Калина красная». Это им спасибо, что теперь, открыв альбом, мы снова побываем на льняном поле, которое я увидел только в третью поездку на Вологодчину. Загрём в изумлении и восторге от «Голубого поля под голубыми небесами», прочтенного и увиденного наяву.

Попрощаемся с Вологодчиной («Низкий поклон вологжанам за то, что на десять лет приютили они меня и семью, сердечно обогрели, дали возможность плодотворно работать; награждали дружбой»).

Начало второго тома фотокниги возвращает нас на родину Астафьева, в Сибирь. В Овсянку и Красноярск:

«Все три десятилетия, что я прожил на Урале и на Вологодчине, меня тянуло в родные сибирские места. Вернувшись, обрёл какое-то успокоение, как будто прибыл домой из длительной командировки».

Здесь, в Овсянке, в день 10-летия памяти Виктора Петровича я впервые высказал вслух идею проекта, свою мечту о такой работе. Меня поддержал присутствовавший на встрече генеральный директор ОАО «Енисейское речное пароходство» Александр Борисович Иванов. Он пообещал (с весны 2012-го) всемерную поддержку и покровительство. Благодаря ему и Сергею Георгиевичу Преснову, руководителю службы эксплуатации флота, мне была открыта «зелёная дорога» по Енисею и многим его притокам. На каждой из рек находились единомышленники, которые сводили с другими добровольными проводниками, словно передавали с рук на руки для работы на других реках. Неоценимую помощь оказали капитан танкера

«Виктор Астафьев» Виктор Васильевич Попов, капитаны и экипажи всех судов, на которых я находился.

Мы отправимся на притоки Енисея («На многих речках и речушках, что рвутся из всех сил к родителю своему, довелось мне побывать, и всюду немел я от восторга, хватал спутников за рукава, просил смотреть, восхищаться»). Увидим реки Амыл, Мамриту, Абакан Малый и Большой, Сисим, Бирюсу, Ману, Сочур, Сым, Кию, Опариху, Сурниху, Нижнюю Тунгуску, Ерачимо, Виви, Нидым, Бахту, озеро Кетское...

В. А. Зеленов, художник, скульптор, друг и спутник во многих путешествиях Астафьева, рассказал мне: «Здесь, при впадении рек Северной и Летней в Нижнюю Тунгуску, во время рыбалки и созерцания этих гор у Виктора Петровича родился замысел написания главы "Сон о белых горах" из книги "Царь-рыба"».

Я и сам испытал там потрясение. Ещё несколько минут назад сияло солнце, снег на горах слепил глаза, и купол синего бездонного неба висел над нами. Но при подходе танкера «Виктор Астафьев» к этому месту с северо-запада внезапно стала наползать снежная туча и стали меркнуть краски. Начал, как говорил Астафьев, опускаться морок. Позже я понял, что это было Божье провидение и подсказка для меня «с того света»: ведь я же снимал «Сон о белых горах».

Затем сам Енисей-батюшка («В моём рабочем кабинете, за спиной у меня, висит карта Красноярского края, и я часто "путешествую" по Енисею — это помогает мне жить и работать... И вообще для меня нет красивее реки, чем Енисей»).

Увидим Осиновские пороги, Щёки Корабликовские, островки Кораблик и Барочка («По сей день перед глазами у меня стоят Осиновские пороги — ничего красивей я в своей жизни не видел и едва ли уже увижу»).

Вот так, как и он («дома, в городской квартире, у батареи парового отопления, мечтаешь: будет весна, лето, я убреду в лес и там увижу такое, переживу разetakое»), я пытался его глазами увидеть его Землю («И снова, и снова спрашиваешь себя с незнакомым чувством любви и недоумения, словно блудный сын, глядящий на родительский дом: "Да неужели это Она?! — и сам себя уверяешь: — Она, она, родная твоя Земля, единственная"...»).

Перед каждой поездкой я перечитывал все, что написано Астафьевым или где-либо упомянуто, о том или ином «исследуемом» мной месте. Брал в поездку эту литературу для уточнения объекта съемки. Выспрашивал, выискивал, выматривал и снимал. Иногда из-за непогоды, отсутствия нужного освещения, ракурса и т. д. к объекту съемки приходилось возвращаться несколько раз.

Я хотел исполнить его мечту: «...Кто-то неведомый, моей судьбы продолжатель, ещё и ещё пройдет моими тропами, моими глазами поглядит на лес, на горы, на речки, порадуетсЯ им так же, как я умел радоваться и восторгаться земной красотой, спастись от всех наваждений, от всех бед и напастей, будет так же, как и я — одинокий таёжный бродяга, сочинитель и мечтатель — благодарно напевать бессмертное: "Благословляю вас, леса, долины, горы, доли, и одинокую тропинку, и в небе каждую звезду"». Открыв последнюю страницу альбома, мы споём вместе с Виктором Петровичем великолепнейший романс на его стихи «Падают листья».

Господь Бог и мать Лидия Ильинична явили его на свет в ночь на 1 мая 1924 года в бане (в доме места не было), в день памяти воина-мученика Виктора. Пройдя сквозь огонь, воду и медные трубы — сиротство и бездомность, раны и кровь, ужасы и грязь страшной войны, послевоенные лишения и трудную творческую жизнь, — он покинул нас под утро 29 ноября 2001 года, в день памяти евангелиста Матфея.

Пройдя следами, тропами, путями Великого Мастера, могу с уверенностью сказать, что Господь за страдания даровал ему в награду побывать в земных райских кущах в стране Россия и поведать об этом нам.

Для себя же я заново открыл Родину, Россию, Русь — где родился, вырос и живу, но которую, оказывается, так мало знал. Повстречался с прекрасными и удивительными людьми, с которыми он общался или был знаком. Подружился с его родными и друзьями.

И я счастливый человек, потому, что судьба даровала мне соприкосновение с ним и Марией Семёновной, а потом и возможность попутешествовать вслед за Виктором Петровичем и посмотреть на мир его глазами. И если после просмотра и прочтения этого альбома вам захочется открыть одну из книг Виктора Астафьева и вместе с ним восхититься земной красотой, а может быть, с трепетом в душе и пройти какой-нибудь его заветной тропинкой, — значит, и я не зря потрудился.

Р. С. Видел, как в школе № 17 города Краснотурьинска дети листают страницы альбома в перчатках... Он и вправду выглядит как раритет, как подлинная, почти музейная ценность. И, конечно, не случилось бы этого великолепного двухтомного издания, если бы не всемерная поддержка генерального директора фирмы «Уралэнерго-гарант» Михаила Алексеевича Дворцова, не работа издателя Александра Сергеевича Барышева, искусного и чуткого дизайнера Георгия Смирнова, не искусство мастеров лучшей на Урале полиграфии в издательстве «Сити-принт». Им и многим иным, кто принял участие в судьбе фотокниги «Следами, тропами, путями Виктора Астафьева», — искренняя и глубокая благодарность.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Ягодинцева Н. А.,

*секретарь Союза писателей России, кандидат культурологии, доцент
(ФГБОУ ВПО «Челябинская государственная академия культуры и искусства»)*

Литература как инструмент социально культурного проектирования

В данной статье с культурологических позиций детально анализируется современная литературная ситуация. Прослеживается ряд противоречий внешнего характера — в осмыслении роли литературы в обществе и её современных социокультурных задач. Рассматриваются и внутренние противоречия — между активизацией литературного процесса и размытием литературных критериев, отнесением к литературе как широкого самостоятельного творчества, так и произведений прямой антикультурной направленности. Акцентируется внимание на фрагментарности современных литературных коммуникаций, затрудняющей проведение литературоведческого и культурологического анализа. Рассматривается спектр мнений относительно литературоцентричности современной российской культуры. Автор формулирует базовое противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, общество испытывает потребность в литературе как в регулятивно-проективном инструменте, действенность которого подкреплена исторически, а с другой стороны, как в общественном понимании, так и в рамках самого литературного процесса размыты основополагающие понятия, главная социокультурная задача литературы сместилась из области общественного служения в область самовыражения. Стёрты существенные признаки литературы, критерии оценки и разграничение собственно художественной литературы и самостоятельного литературного творчества. Автор отмечает, что анализ и разрешение противоречия существенно затруднены неполнотой картины, политизированной субъективностью критики и объективно слабым знанием о реальном состоянии литературного процесса в стране в целом по причине разрушения системы литературных коммуникаций. Решая противоречие с позиций культурологии, автор предлагает выделить из многообразия функций, выполняемых литературой в обществе, главную — целостное, образное, то есть наиболее полное и ёмкое решение нравственных задач и вопросов бытия современного человека.

В статье делается вывод о вторичности и соподчинённости остальных функций литературы главной функции самопознания человека — только при таком иерархическом подходе литература может выполнять задачи социокультурного проектирования. С этих позиций автор предлагает решение ряда как внутренних, так и внешних противоречий современного литературного процесса. В статье использованы документы, определяющие современную культурную политику и политику в области литературы.

Указ Президента Российской Федерации В. В. Путина «О проведении в Российской Федерации Года литературы» был подписан 13 июня 2014 года [6]. Зерно упало на благодатную почву. Начало 2015 года было ознаменовано целым рядом литературных праздников и событий. Год литературы торжественно открывается в городах и районах, библиотеках, вузах и школах. О значимости чтения, важности литературы, о логоцентричности и литературоцентричности нашей культуры в целом и об острой

необходимости сохранения культурного кода нации говорят все. Но при этом выступают с разных, зачастую диаметрально противоположных позиций.

В широком общественном мнении в максимум возведены строка Е. Евтушенко из поэмы «Братская ГЭС»: «Поэт в России больше, чем поэт» [3] и слова П. Палиевского из его книги «Русские классики»: «Русская классическая литература, по стечению разных обстоятельств, взяла на себя роль, которую в других европейских странах выполняли философия, социология, политика и иные формы общественного сознания... Художественный образ позволял говорить обо всех проблемах вместе, не расчлняя их, был наиболее близок к жизни в её неперебиваемых оттенках... наконец, он был понятен большинству» [8, с. 8]. Однако установка безоговорочного признания безусловной ценности всей литературы не дает возможности разобраться в современных нам коллизиях и конфликтах вокруг литературы, острота которых нарастает с начала 1990-х годов.

С одной стороны, к художественной литературе сегодня автоматически относится всё, что создано и издано, невзирая ни на какие иные критерии. С другой — современную русскую литературу периодически объявляют несуществующей, а классическую время от времени пытаются упразднить — в частности, под тем предлогом, что она якобы является имперской и уже поэтому не имеет права на существование [9]. Журналист А. Невзоров сообщил читающей публике другую печальную новость: у русской литературы вышел срок годности [5].

Кроме того, к художественной литературе относят и огромную массу самиздата. Сегодня при практическом отсутствии государственной поддержки подавляющее большинство художественных книг издается, что называется, за свой счет (или за счет спонсоров), и в этом книжном потоке самостоятельных авторов немногочисленные современные писатели просто теряются — тем более что в отсутствие систематической разносторонней критики отделять зерна от плевел элементарно некому. Об этом, в частности, шла речь на Круглом столе Совета по критике Союза писателей России [1].

Под предлогом «измельчания» литературу предлагается упразднить вообще: если все, что издается, — не литература, то что это?

А если литература — то зачем она нам — такая? В частности, на эту тему неоднократно высказывался в своих телевизионных программах писатель Виктор Ерофеев.

В этом же пункте нашего анализа следует упомянуть о явлении противоположного свойства: когда писатели, преимущественно постмодернисты или называющие себя таковыми, издают произведения антикультурного скандального толка, вызывающие негативный резонанс и бурное обсуждение. И здесь опять возникает вопрос: если это литература, то нужна ли она такая, а если не литература, то что же это? Её ведь создают профессиональные писатели!

Любая общественная или художественная проблема используется сегодня в качестве компромата по отношению не только к современной, но и ко всей русской литературе в целом, несмотря на то, что последняя уже давно является признанным мировым достоянием. Либеральная критика и журналистика пытаются под любым предлогом максимально снизить ценность литературы.

Усугубляет проблему ещё один фактор. На развитии литературы не могли не сказаться рыночные отношения, под влиянием которых в зону читательского внимания попадает только определенная обойма «раскрученных» имен. Ведь рынку важны не создание целостного художественного образа современности и нравственная оценка

событий, а количество продаж и сумма реальной прибыли. Поэтому то, что мы видим на книжных полках, не может являться репрезентацией литературного процесса в современной России в целом.

В первом десятилетии XXI века реальный литературный процесс более-менее отражали «толстые» региональные журналы, которые были замкнуты на читателей своих регионов, сегодня очень медленно эта ситуация начинает выправляться, возникают межрегиональные связи и проекты, одним из которых стала, в частности, созданная в Челябинске Южно-Уральская литературная премия. Однако рыночные регуляторы и региональная раздробленность по-прежнему затрудняют литературные коммуникации и отнюдь не способствуют снятию основных проблем. Даже такие полезные интернет-ресурсы, как, например, «Журнальный зал» [4], представляют только один сегмент литературного пространства по меньшей мере из трех: здесь нет журналов традиционно-патриотической направленности и большинства «толстых» региональных журналов.

Итак, в восприятии художественной литературы сегодня вполне отчетливо вырисовывается резкое противоречие. С одной стороны, в обществе ощущается насущная потребность в литературе и присутствует исторически подкрепленное понимание её значимости, культурная память о ценности литературы. А с другой — размыты основополагающие понятия, раскрывающие главную задачу, которую призвана выполнять художественная литература в жизни общества. Стерты её сущностные признаки, критерии оценки и разграничение собственно художественной литературы и самодеятельного литературного творчества, традиционно широко распространённого в России как в стране литературоцентричной. Анализ и разрешение противоречия существенно затруднены неполнотой картины, политизированной субъективностью критики и объективно слабым знанием о реальном состоянии литературного процесса в стране в целом.

Очевидно, что это противоречие не может быть решено средствами лингвистики. Строго лингвистический и литературоведческий подходы глубины такого явления, как литературно-художественный дискурс, в принципе не исчерпывают: его структура, содержание и направление определяются преимущественно экстралингвистическими факторами и требуют подхода интегративного.

Художественная литература многофункциональна и выполняет воспитательную, гедонистическую, коммуникативную, познавательную, эстетическую и даже политическую функции (этот ряд при желании можно продолжить). Но все они при внимательном рассмотрении оказываются соподчинены главной цели и являются по отношению к ней частными задачами той или иной степени значимости. Для формулирования этой магистральной цели мы обратимся к цитатам из работ двух известных советских ученых-гуманитариев, поскольку именно советская культура впервые, широкомасштабно и довольно успешно использовала эктропический (собирающий, структурирующий) потенциал и весь набор функций художественной литературы для решения социальных проблем критического характера. Не вспоминать сегодня об этом — значит утратить огромный опыт и начинать сначала безмерный труд.

Л. Тимофеев обращает внимание на то, что «в центре внимания художественной литературы стоит человек во всей полноте его деятельности и духовной жизни» [Цит. по: 10]. Г. Абрамович утверждает: «Художники, изображая явления жизни, соотносят их с идеалом прекрасной жизни. Этим и определяется воспитательная функция художественной литературы» [Цит. по: 2].

Итак, в центре внимания художественной литературы — человек в соотношении с неким проективным, идеальным представлением о нем. Это идеальное представление — не что иное как максимальное соответствие личности нравственному закону, определяющему саму возможность выживания человека, рода, народа и человечества в целом. Реальный человек, на которого воздействуют две основных силы — стихия внешних событий и стихия его собственных чувств и желаний, — обладает в этой ситуации свободой выбора и сознательным или интуитивным пониманием нравственного закона, совестью. В данных координатах каждое литературно-художественное произведение — глубокое целостное исследование мотивов, а главное — последствий нравственного выбора человека в конкретных сложных жизненных обстоятельствах. Это сопоставление изменчивой реальности и неизменного идеала, предполагаемого образца, который в разные исторические эпохи может изменяться по форме, но своим содержанием неизменно выражает накопленный опыт наиболее гармоничного существования человека в мире.

Таким образом, сюжет — это своеобразный виртуальный адронный коллайдер, в котором герои — элементарные частицы — разгоняются, сталкиваются, и в результате пристального, последовательного, объемного изучения становятся более или менее очевидны законы их взаимодействия. Кстати, одна из основных задач реального коллайдера — изучение четырех фундаментальных взаимодействий: сильного, слабого, электромагнитного и гравитационного. Обратите внимание, мы также говорим о четырех фундаментальных мотивах взаимодействий в пределах художественной реальности: сфера чувств и представлений личности, логика обстоятельств, свобода воли и нравственный закон.

Итак, если сфокусировать внимание на главной задаче литературы, становится понятно, что именно литература является наиболее точной, полной, целостной и как никогда актуальной сегодня наукой о жизни. Наукой, нужной каждому. Произведения художественной литературы — смысловые маяки, освещающие сложные жизненные ситуации во всей их полноте. Читатель получает эту информацию как некий дополнительный жизненный опыт, оставляющий ему свободу реального выбора, но дающий понимание (в том числе эмоциональное) определенных причинно-следственных связей и последствий личного выбора.

Обилие соподчиненных вторичных функций делает науку о жизни увлекательной, развивает эмоциональную сферу, учит сочувствию и переживанию, развлекает и т. д. Очень важно, чтобы литература в процессе развития и в свете требований общества к ней не выхолащивалась до голых схем и простейших идеологем. Но ещё важнее, чтобы второстепенные функции не замещали собой главного — сложнейшего, многомерного, целостного художественного исследования, выявляющего и концентрирующего нравственную основу выживания и гармоничного бытия человека в обществе, человечестве, мироздании.

Степень глубины, характер художественных экспериментов, ценностные основания и приоритеты, формы и способы разрешения противоречий обусловлены множеством факторов, среди которых особенности ландшафта и климата, исторический опыт и все, что в целом создает национально-культурную самобытность. Литература, аккумулируя нравственный опыт народа, излагает его в разнообразнейших формах — поэзии и прозы, реализма и фантастики, пафоса и сарказма... Особенности этого опыта складываются в уникальный культурный код, обеспечивающий взаимопонимание в обществе как по вертикали времени — из прошлого в настоящее и будущее, так и по

горизонтали, объединяя людей разных регионов большой страны в единый народ. Наличие общеизвестных героев, типичных характеров, коллизий и конфликтов, а также способов их разрешения существенно ускоряет и делает максимально информативными общественные коммуникации, обеспечивает эмоциональное взаимопонимание как основу любой социальной общности. Изменения тематической направленности, отражающие актуализацию тех или иных конкретных аспектов смыслообразования, словотворческий потенциал и выбор определенных средств художественной выразительности характеризуют в культурологическом плане состояние как смыслогенеза в культуре в целом, так и прямо связанные с ним изменения культурного кода и трансформации ментальной традиции.

Определившись с главной общественной задачей литературы, возможно проанализировать и разрешить противоречия, изложенные в начале данного сообщения.

Во-первых, у нас появились аргументы, чтобы заступиться за русскую классическую литературу. её достоинства определяются не живописностью изображения жизни давно прошедшего исторического периода, а масштабом постановки нравственных проблем и глубиной и точностью их решения. Прием, который использует А. Невзоров, говоря о «сроке годности» классики, называется подменной смысла, когда на первый план выводится второстепенное свойство или одна из рядовых функций и на этом основании явление отвергается целиком.

Во-вторых. Художественная литература может называться таковой только тогда, когда она обретает общественное значение. А литературная самодеятельность, интересная только автору и кругу его ближайших друзей и родственников, — это просто домашняя радость. Называть её литературой — профанация, а отвергать значимость собственно литературы на основании обилия самиздата — подмена смысла. С другой стороны, если произведение не ставит и не решает нравственную задачу любого масштаба — локальную или глобальную, но в качестве главной решает задачу второстепенную — например, только развлечение, и все подчиняет этой задаче, оно не может относиться к литературе. Это какое-то другое занятие, и называется оно литературой с откровенно спекулятивными целями.

Сегодня тотально модным в литературной среде, особенно среди молодежи, стало понятие самовыражения. Вместо художественного исследования, предполагающего ответственность писателя за качество эксперимента и интерпретацию результатов, творения создаются по принципу «я так вижу» или «я так чувствую», который из подчиненного главной цели превращается в базовый. Установка на самовыражение не предполагает никакой ответственности за результат, следовательно, подобные творения рассчитаны на праздное любопытство. Они не имеют общественной значимости и при всей внешней похожести с литературой таковой не являются, поскольку подменяют её магистральный смысл одной из второстепенных функций.

Откровенно безнравственные произведения не выполняют свою главную функцию — освещать пространство жизни человека, народа, человечества, а напротив, ещё более хаотизируют это пространство. Следовательно, они относятся к антилитературе. В этом случае автор, критик или культуртрегер по завышенной цене «продает» общественному вниманию пустышку или откровенный духовный яд как жизненно необходимый культурный продукт. Этот прием, как известно, называется спекуляцией.

И последний момент: чтобы литература объединяла и обеспечивала взаимопонимание, она должна быть не региональной, а общероссийской. Рыночные регуляторы литературного процесса работают только на его разрушение. Литература требует

возделывания, взращивания, как, собственно, искусство и культура в целом, как духовный опыт вообще. Иначе на литературном поле прорастают дремучий самиздат и роскошные ядовитые сорняки.

Общественную ценность, значимость литературы определяют два внешних регулятора: культура общества и государственная цензура. Если культура не справляется, включается цензурное регулирование. В «Основах государственной культурной политики», утверждённых Указом Президента РФ от 24 декабря 2014 года [7], в качестве одного из принципов государственной политики провозглашены «свобода творчества и невмешательство государства в творческую деятельность». Ставка сделана на первый — культурный — регулятор. Как он будет работать, зависит от нас — писателей, ученых-литературоведов, педагогов, библиотекарей.

Ни запретительство, ни безоглядная свобода в равной степени не дадут желаемого результата. Но, сохраняя все великолепное многообразие жанров, форм, стилей, интонаций, образов, лексики нашей литературной сокровищницы, нам нельзя допускать профанаций, спекуляций и подмен, иначе мы потеряем всю русскую литературу, в том числе и её золотой фонд — нашу классику, всемирно значимый опыт многомерного, глубокого и точного нравственного исследования жизни.

Рассматривая литературу как инструмент социально-культурного проектирования, в Год литературы логично задаться вопросом: какие смыслы, образы, сюжеты актуальны для нас сегодня? Какие из них мы возьмем с собой в завтра? Что будет светить нам в непроглядной пока ещё тьме грядущего — ломкие спички со вспышкой в полсекунды, зажигалка с небольшим запасом топлива, луч надежного фонарика или ясный свет высоких маяков? Что мы выберем, то и будет.

Список используемой литературы:

1. Бытийное зеркало русской жизни: круглый стол Совета по критике Союза писателей России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rospisatel.ru/ks-kritika4.htm>.
2. Воспитательная функция художественной литературы [Электронный ресурс] //Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. — Режим доступа: http://literaturologiya.academic.ru/91/воспитательная_функция_художественной_литературы.
3. Евтушенко Е. А. Братская ГЭС: поэма. [Электронный ресурс] /Е. А. Евтушенко. — Режим доступа: <http://lib.babr.ru/?book=6906>.
4. Журнальный зал [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/>.
5. Невзоров А. У русской литературы вышел срок годности. [Электронный ресурс] /А. Невзоров. — Режим доступа: <http://krupasb.ru/piterbook/author.html?nn=17&ord=5&sb=&np=1>.
6. О проведении в Российской Федерации Года литературы: Указ Президента от 13 июня 2014 года. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/45904>.
7. Основы государственной культурной политики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://news.kremlin.ru/media/events/files/41d526a877638a8730eb.pdf>.
8. Палиевский П. В. Русские классики /П. В. Палиевский. — Москва: Художественная литература, 1987. — С. 8.

9. Томпсон Э. Имперское знание: русская литература и колониализм /Э. Томпсон; пер. с англ. Т. Нядбай //Перекрестки: журнал исследований восточноевропейского пограничья. — Европейский гуманитарный университет. Центр перспективных научных исследований и образования (CASE), проект «Социальные трансформации в пограничье: Беларусь, Украина, Молдова». — 2007. — № 1–2. — С. 32–75.

10. Художественная литература [Электронный ресурс] //Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. — Режим доступа: http://literaturologiya.academic.ru/827/художественная_литература.

*Скиф В. П.,
председатель Иркутского отделения Союза писателей России,
(г. Иркутск)*

Глеб Пакулов и Виктор Астафьев

Глеб Пакулов не только мой собрат по перу, но ещё и товарищ по морскому братству.

— Вовка! Ты — парень флотский и мы с тобой одной крови, — часто твердил мне Глеб и пьяный, и трезвый. А ещё нас объединяло байкальское содружество, где мы называем себя гордым именем — байкальчане.

Глеб купил на Байкале дом одним из первых, кто обосновался в порту «Байкал» и привлекал всех, кто к нему приезжал в любое время дня и ночи, летом, осенью и даже зимой. Кто только у него не гостевал, кто только не заглядывал: писатели Виктор Петрович Астафьев со своей женой Марией Семёновной Корякиной, Евгений Иванович Носов, Николай Воронов, писатели-иркутяне Валентин Распутин, Александр Вампилов, Геннадий Машкин, Станислав Китайский, Евгений Суворов, Владимир Жемчужников, Валерий Хайрюзов, Борис Лапин, Анатолий Байбородин, Ростислав Филиппов, Сергей Иоффе, Пётр Реутский, московские поэты Владимир Соколов, Николай Котенко, Георгий Кольцов, автор пьес Владимир Удатов, директор Иркутского театрального училища Александра Даниловна Коновалова, художники из Красноярска и Перми — Николай Худенёв и Анатолий Тумбасов, священник Николай Евдокимов, польские книжники София Рустецка и Мария Рычковска и многие другие.

Жил Пакулов со стороны Ангара в Молчановской пади, как говорят местные — у Шаман-камня. Дом, который он приобрёл, вызывал у многих неподдельное восхищение и добрую, белую зависть. Дом был просторный, чистый, обихожанный, как большая четырёхкомнатная квартира. Да, наверно, лучше, чем квартира. Когда я впервые попал во двор дома и, пройдя через калитку, остановился у небольшой скамейки, на сиденье которой яркой голубой краской было написано: «Сядь, подумай, или уже не о чем?», то мне, действительно, захотелось на неё присесть, осмотреться вокруг и углубиться мыслями в себя, а осмотреться стоило.

Тишина, стоявшая в распадке, и эта возвышенность, на которой царствовал дом — всё располагало к блаженству души и размышлениям о смысле жизни. Внизу сверкала необыкновенным сиянием Ангара, к ней по правой стороне густо сбегали берёзы, ольха, рябина и вкрапленные в них стройные, позолоченные сосны. Левая сторона распадка, покрытая травой и мелким кустарником, привлекала местных жи-

телей хорошими покосами и там, к середине августа, вырастали духмяные зелёные копны.

Глеб с неизменным хлебосольством привлекал своих гостей — и великих, и мало известных, и пьяных, и драных — всех, кто не миновал этот гостеприимный дом. Его жена Тамара, которую он ласково звал Тусик, и тёща Ольга Евстафьевна не перечили ему в этом, а наоборот принимали друзей Глеба, как своих собственных. Ольга Евстафьевна славилась своими знаменитыми рыбными расстегаями, а Глеб был известен на всю округу, как отменный рыбак. Рыба к нему и, прежде всего, хариус, шла даже тогда, когда никто не мог поймать ни рыбины. Глеб самостоятельно готовил самые разные мушки. Из какой только шерсти, волос, перьев, начёсов он ни готовил мушки!

Однажды мы сидели в прежнем доме Союза писателей, который располагался на улице 5-й Армии, 36. Начинали выпивать, медленно разгонялись, хотя Вампилов не пил, ждал приезда Ольги. Они с Пакуловым собирались её встретить на железнодорожном вокзале. Саша сидел в сторонке от всех и тихо, мелодично играл на пианино. А Глеб, как всегда, говорил о рыбалке, о мушках:

— Представляешь, братан, — обращается он ко мне, — идём с Саней по барахолке и натыкаемся на бабюсю, которая продаёт небольшой мех. Мы останавливаемся, я спрашиваю: «Бабуля, из чего мех?» Она мне в ответ правдиво так, не мигая, выпаливает: «Из обезьяны!» Я говорю: «Как из обезьяны?» «А так, — говорит, — из макаки!» Я отщипнул клочок, намотал на палец. Шерсть так и вспыхнула. Золотая! — воскликнул Глеб, — я сделал муху, положил на ладонь — ползёт! С тех пор у меня самые лучшие мушки — из макаки.

Вампилов, уже не выдерживая, оборачивается в его сторону, громко смеётся:

— Глеба, хватит травить. Поехали на вокзал.

— Дай доскажу ребятам историю про макаку.

— По-моему, ты уже сам веришь в то, что сочиняешь, — Вампилов с восхищением глядит на друга.

— Так была макака или нет, — хохочу я.

— Была! — истоиво кричит Глеб, — бабка привезла её из Африки, когда была молодой, — её негры одарили макакой за то, что она спасла негритёнка от льва. Тут уж мы все, кто был в компании, не выдерживаем и почти валимся от хохота на пол.

Когда Глеб бывал в хорошем настроении и ещё только на самом взводе, он травил свои байки совершенно неподражаемо. Его несло, и он уже не мог остановиться. Импровизации хлестали из него, как из рога изобилия.

И вот Вампилов с Глебом уже на выходе. Глеб оборачивается и обещает:

— Кто не верит, приезжайте на Байкал. Я вам эту шкурку покажу, от макаки осталось всего ничего. Мужикам портовским почти всё раздал, — и они с Вампиловым уходят.

И таких историй немало. Их мог бы рассказать с десятков любой из нас, кто с ним дружил и общался, особенно в нашей ранней молодости. Мне опять же повезло в общении с Глебом. Ну, во-первых, Глеб Пакулов — блистательный русский поэт и первая его книжка была поэтической. Причём, уже в ней он проявился, как исторический писатель, сочинив ёмкую, яркую поэму «Царь-пушка», которую уже тогда читали студенты на приёмных экзаменах в Иркутском и Щукинском театральных училищах. Это уже потом он писал и издавал книги исторической прозы «Тиара скифского царя», «Варвары», «Гарь». Во-вторых, мы оба служили в Морфлоте. Я три с половиной года — в морской авиации, в 50-м отдельном Гвардейском дальнераз-

ведывательном авиационном полку, а Глеб служил четыре года на Тихом океане на бронекатерах. И, в-третьих, неразлучными нас сделал ещё и Байкал. Сколько было неповторимых споров и обсуждений в Союзе писателей, бильярдных баталий в подвальной писательского дома на улице 5-й Армии, разгульных посиделок, путешествий по Иркутску в поисках любовных приключений, поездок и выступлений в разных аудиториях. И, конечно же, незабываемых, искромётных встреч: то в нашем доме в порту «Байкал», то в доме у Глеба и Тамары в Молчановской пади.

Однажды, в начале семидесятых, по линии бюро пропаганды художественной литературы, мы вчетвером: поэты Пётр Реутский и на то время уже москвич Георгий Кольцов, Владимир Удатов и я оказались в порту «Байкал» в ожидании судна, на котором мы должны были отправиться в плавание по Байкалу с выступлениями перед речниками. Поскольку решение вопроса с теплоходом, кто нас повезёт, было ещё в стадии обсуждения, то нам дали отсрочку, которой мы тут же воспользовались и, купив энное число любимого нами зелья, просветлённые и счастливые, потекли в гости к Глебу. Тамара уехала в город и Глеб, почуяв желанную свободу, принял нас с распростёртыми объятиями.

Надо сказать, что в то приснопамятное советское время подобные командировки, как наша, по Байкалу и по Ангаре — были не редкость. Союз писателей имел договорённости с Восточно-Сибирским речным пароходством о целом цикле писательских встреч на всё время навигации. Нам обязательно предоставляли плавательное средство, а на Ангаре был для этих целей оборудован со сценой и зрительным залом специальный теплоход, который назывался «Пропагандист». Чиновники и партийные боссы понимали, что такое идеология и денег на работу с населением не жалели. Писателей бесплатно кормили, с комфортом везли и ещё за встречи с читателями платили деньги. Мы иногда горько шутим, что, оказывается, при коммунизме мы успели пожить. Нынче такие поездки даже в самом лучшем сне не привидятся.

Итак, мы у Глеба. Он показывает нам сегодняшний улов — четыре великолепных хариуса, среди которых два «марсовика». Это удивительной красоты рыба! «Марсовик» всегда большой, весь серебристый и не просто серебристый, а сине-жемчужный с чёрной спиной. Если поднять и раскрыть его верхний плавник, то он засияет всеми цветами радуги, чему всегда восхищаются японцы: они ахают, цокают языком и безостановочно вправо-влево качают головами. Глеб самых красивых рыбин называл ещё и королевскими, а по месту их добычи — привальными.

— Вот ухи вам сейчас наварю, какой вы больше никогда не увидите, — обещает Глеб и приступает к волхвованию над столом с распростёртой рыбой.

— Да как-то жалко их есть, — сетую я, — больно уж красивы.

— Но не смотреть же на них. Насмотрелись? — спрашивает нас Глеб, взрезает первого хариуса и говорит. — Вот, Вовка, смотри! Надо обязательно очистить и сварить желудок, а воздушный пузырь поджарить на живом огне. Потом собрать весь жирок и в кастрюлю. Головы мы очищаем от жабер и туда же. Голова — всегда моя. Голова — добытчику. Это рыбацкий закон. Уха будет божественная!

Наконец, хариус разделан, нарезан крупными кусками и брошен в огромную кастрюлю с небольшой порцией картошки, двумя мелко нарезанными морковками и репчатым луком, лавровым листом, перцем-горошком и двумя горсточками чёрного и красного перца.

— Ты на целую маланьину свадьбу готовишь, — говорит Пётр Иванович Реутский, — хотя нас, волков, не просто накормить.

— Съедите, — заключает Глеб, ещё мало будет, — а теперь наливай!

— Так уха ещё не готова, — вопит Гоша Кольцов.

— Ничего, надо разговеться, — сладостно бормочет Глеб и разливает по стаканам водку.

Выпили по первой, схватили по куску жирного, восхитительно вкусного хариуса, залопотали наперебой, хваля кто рыбу, кто Глеба, тут же накатили по второй и Глеб сел на своего любимого конька:

— А вы думаете, почему ко мне идут «марсовики»? — хитро́ обращается к нам удачливый рыбак.

— Наверно, ты им стихи читаешь, — выпаливает Кольцов.

— Как женщинам, объясняешься в любви, — вторит Кольцову Реутский.

— А я думаю, — суетится с ответом Удатов, — Глеб становится перед Ангарой на колени и читает молитву рыбака. Наверняка у него есть такая молитва.

— Нет, — перебиваю я Удатова, — Глеба ловит «марсовиков» на мушки из макаки. Им очень нравятся экзотические блюда и особенно африканские.

— Точно! — говорит Пакулов, приносит золотистые мушки и раскладывает их на столе.

— Да, ну! — кричит Реутский, — эти мушки из перьев петуха.

— Из макаки! Наливай! — голосит Глеб и начинает рассказывать уже известную мне историю.

Выпили мы в тот раз изрядно. Раза четыре ходили за новыми порциями водки и сидели до глубокой ночи. Свалились кто где, благо места хватало всем. Реутский устроился в маленькой комнате, в «мальчиковой», как он её окрестил:

— Я всё ношу маленькое, «мальчиковое», и эта комната по мне.

Утром проснулись тяжёлые, похмельные. Лежим, крихтим, охаем, мечтаем о «вчерашнем супчике». И вдруг из детской комнаты раздаётся звонкий мальчишеский голос Реутского:

— Чувствую себя хорошо!

— Ах, ты гад! — хрипит Пакулов, — вроде пил со всеми наравне, и ему хоть бы что, а я чуть живой.

Но, полежав, поохав, все мы поднимаемся. Пётр Иванович заваривает крепкий чай. Глеб достал заначку, опохмелились, попили чаю, оклемались и жизнь снова засверкала всеми гранями, как неутомимая, неугасимо-хрустальная Ангара.

В доперестроечное время на глебовской даче, как минимум, пять раз гостил великий русский писатель и такой же, как Пакулов, завзятый рыбак — Виктор Петрович Астафьев. Приезжал он и один, и со своей супругой Марией Семёновной Корякиной. В самом начале семидесятых он побывал у Глеба в первый раз, и с тех пор его тянуло на Байкал, как в родную деревню Овсянку. Виктор Петрович всякий раз мечтал хотя бы на недельку примчаться на великое наше озеро, порыбачить, потягаться с Глебом, посоперничать — кто кого? В этих поездках Астафьев встречался у Глеба на даче и в Иркутске не только с Распутиным, но и с другими иркутскими писателями: Машкиным, Суворовым, Жемчужниковым, Лапиным.

Обычно после чудных, незабываемых путешествий в Прибайкалье он писал Глебу письма, в которых искренне восхищался Байкалом и Ангарой, горами и тайгой, травами и цветами и непременно рассказывал о своих житейских делах, о родственниках, о планах на будущее, о поездках по стране и за границу, о радостных и трудных писательских буднях:

«15-го июля 1974 г. Вологда.

Дорогой Глебушек!

Кланяюсь тебе из далёкой милой Вологды, где ныне стоит прекрасная погода и, после двух лет бедствий, всё очень хорошо растёт и не может нарадоваться себе каждая травинка, каждый листик и цветок. Природа здесь бедная, по сравнению с Сибирью даже убогая, и оттого всякая Божья кара особенно обнажает её, делает совсем нищенской и неприкрытой. Нищеты-то в годы бедствий и на Байкале не меньше, но там её прикрывает буйноцветье, громады гор и девственно-чистая вода, в которой, наверное, создатель омывал новорожденных ангелов, прежде чем пустить их в небо, и оттого у них такие белые, нежные, лебединые крылья (а бабы зады — это уж от немецких харчей, от картошки, в частности).

У меня в глазах всё ещё колышутся склоны гор в голубых проблесках и волнах от забудок с жарко полыхающими полями жарков, с кострами багульника и белой пеной таволожника, и всё ещё ощущаю вкус воды, которую я хлебал из ладоней и, наверное, после меня Ангара убыла маленько.

Прекрасная поездка. Много осталось в памяти и для памяти и, главное, что все были нам с Женей (писатель Евгений Иванович Носов. — В. С.), как родные (иркутяне) и Гена (Машкин. — В. С.), и Валя (Распутин), и Боря (Лапин), и Володя Жемчужников — все, все. Спасибо за такое дело. Меня уже с истинными родичами больше разъединяет, чем объединяет — опять мирил тёток своих, опять увещевал их, ругал, стыдил. Пока было горе, нужда — жили дружно, а теперь наелись маленько (испились даже больше, чем наелись) и вот сводят какие-то счёты. Тяжело мне с Женей стало и как ни прискорбно себе это сказать, в родную деревню не поеду, сколь выдержу, во всяком случае, на будущий год — шашаш.

В дороге из Иркутска я подпростыл, в Красноярске и в селе добавил и свалился — (снова обострение пневмонии, которого я так боялся ещё на Байкале), полежал даже в больнице, но выпросился домой и вот уж более недели дома. Лечусь, но хожу ещё плохо, в лес и на речку нельзя, однако, думаю с 1-го августа всё же уехать на озеро, в деревню и поработать до сентября, а там предстоит поездка в Польшу.

Вчера перебирал своё “имущество” и подержал в руках коробочку Саши Вампилова — как-то светло и печально на душе стало. Все мы какие-то странные люди, общаться друг с другом не умеем, добрые слова, в которых нужда такая у всех — говорим припоздало, чаще вослед ушедшему, а надо бы?.. Как надо-то? А никак! Как есть, так и есть. Вот мы встретились, порывачили, поматерились маленько, поглядели друг на дружку и вроде бы праздник какой был, только, как и всякий праздник, пролетел он быстро и в угаре...

Глебушек! Я шлю тебе свою книжку, самую “толстую” и надеюсь, что ты всё же не всех хариусов выловишь и хоть одного оставишь на мою долю — мы с женой всё же собираемся поехать к бурятам на Байкал в будущем году — я подлечусь весной в Крыму, окрепну и двинем, а там, глядишь, на пароходике и к тебе завернём!.. Ну, не будем загадывать!!!

Я дочитываю книгу Володи Жемчужникова “Чистые кедрачи” — очень она мне понравилась, бесхитростная, добрая и с “голосом” только Володиным — мне даже захотелось о ней написать куда-нибудь доброе слово, что я и сделаю, если будет время и здоровье, а пока лишь отвечаю на письма, да написал два коротких предисловия к книгам моих иркутских семинаристов — Суворову и Суханову.

Глебушек! Письмо, сколь бы оно длинно ни было, всё равно ничего не передаст и

не расскажет!.. Просто поклонись от меня Байкалу, залови самого большого хариуса на мой “загад” — (когда будешь бросать, загадай — “на такого-то мудака!..”) и вот увидишь — выловишь большую рыбу..

Ребятам всем поклоны и поклоны! Будь здоров и счастлив. Я знаю, чем дальше в зиму, тем подробней и ярче я буду всё вспоминать, и Женя уехал домой размятённый, тихий и с обострённой язвой.

Ну, обнимаю и целую тебя — твой Виктор Петрович.

Поклон твоей супруге и теще».

Не все письма сохранились, но в тех, которые есть, Виктор Петрович с неподдельной любовью относится к Глебу Пакулову, да и к другим писателям-иркутянам. А Глеба, всё-таки, он любит больше всех. Как никак такой же, как и он сам — рыбак. А рыбак рыбака видит издалека. Да и не худший российский писатель — Глеб Пакулов. Конечно же, это чувствовал своим особенным чутьём Виктор Астафьев. Нюх на талантливых людей у него был обострённым.

И вот ещё одно письмо, написанное Астафьевым после его приезда из Курска, где он 15 января 1975 года праздновал 50-летие выдающегося русского писателя Евгения Ивановича Носова:

«Февраль 1975 года.

Дорогой Глеб!

Я только что вернулся из Курска от Евгения Ивановича, праздновали его юбилей, вспоминали чудесное лето, Байкал и порешили — ни к каким бурятам не ездить, что мы у них будем делать? А поехать к вам, тремя парами — я с женой, Женя с женой, и наш добрый друг, чудесный мужик — Миша Колосов с женой (он работает ныне замом в “Лит. России”). Бабы у всех неизбалованные, уживчивые и не вредные, точнее — в меру вредные. Нам очень хочется вас всех повидать, неторопливо порыбачить, а бабам Байкал посмотреть. Наметили мы август месяц — у Жени жена работает, Миша и жена его тоже люди трудовые и от отпуска зависимые.

Ежели эти пары распадутся из-за нездоровья иль ещё отчего, тогда мы приедем вдвоём с Марьей Семёновной. У меня одна лишь просьба к тебе — известить, когда изволит пребывать в краях ваших месье Воронов? Я терпеть его не могу, а моя жена и того больше, не терпят и все мои остальные друзья и нигде, а тем более в родной Сибири, мы не хотели бы его видеть и встречать.

Больше никаких особых условий нет — удочки привезём.

Лодка у тебя есть, водки и хлеба купим.

Я уютно сию в деревне и работаю. Над камином у меня висит карта Байкала, а слева от неё карта Вологодской области — путешествую. Добиваю “Царь-рыбу”, никак у меня не хватает куска времени докончить её. В феврале (в конце) еду в Белоруссию на совещание, и потом опять в село за работу. Хочу переделать все дела, чтоб со свободной душой, потом, поехать к вам в гости.

Получил от Вали Распутина большое и умное письмо — он тоже в деревне. Боре Лапину передай поклон и скажи, что рассказ я ему раньше марта не смогу прислать.

Написал большую новую главу (начерно) в “Последний поклон” — называется она “Те далёкие детские игры”, а то совсем уж все серьёзные стали и забыли писать об играх, да и сами игры забыли, а они, как изволил написать «аз грешный», и есть слепок жизни.

Всем широко кланяюсь! Всех обнимаю! В. Астафьев
Р. С. Черкни мне домой — почту жена привозит».

И хотя летом 1975 года поездки со своими друзьями, которую намечал Виктор Петрович, не получилось, он смог, всё-таки, приехать к Пакуловым вместе со своей женой, тоже писательницей — Марией Семёновной Корякиной. Это была его последняя, но самая весёлая поездка на Байкал.

У Пакуловых на даче всегда жили небольшие собачки — то Мультик, то Кешка, хотя одно время они держали огромного, умного пса, помесь волкодава с овчаркой по имени Ксар. Это имя скифского полководца из романа Глеба Пакулова «Варвары». С собаками тоже связано много историй. Мультик был самый преданный Глебу, а Кешка служил доносчиком. Его в своём письме к Глебу упоминает даже Виктор Астафьев.

Так вот, Глеб очень любил посидеть на берегу с деревенскими мужиками. Они его ценили за ловкость и умение ловить рыбу в любую погоду. Бывало, встретятся на берегу трое-четверо рыбаков, кто с водкой, кто с самогонкой и раскроют скатерть-самобранку. Выпивают, спорят, хвалятся уловом, рассказывают былички и анекдоты. Глеб седлает своего «конька» и вплоть до темноты его из этой компании не выкурить. Тамара ждёт, нервничает, уже ни зги не видно, а его всё нет и нет.

Застолье даже при малой видимости ещё не угасает, и сворачивать его никто не торопится. Вдруг из темноты выныривает Кешка, хватается пробку от бутылки и улепётывает на гору к Тамаре. Там он, покорно склонив голову, вручает вещественное доказательство хозяйке дома и Тамара в крайней разгневанности идёт за Кешкой туда, куда надо.

Над мужиками и Глебом разражается гроза с молниями, импровизированное застолье сворачивается. Все расходятся, благодаря Тамаре, по домам. Мужики извиняются, а Глеб шипит на Кешку:

— Предатель! Кагэбэшник! Иуда! Повешу на осине!

Кешка, не обращая внимания на рассерженного хозяина, бежит рядом с Тамарой, зная, что непременно получит от неё косточку или крылышко, или, на худой конец, кусочек пирога с рыбой. Тамара, подобревшая и спокойная, что муж жив-здоров, поднимается на гору и Кешку наградить не забывает.

Астафьев с великой радостью ждал встречи с Байкалом, с Ангарой, он вождедел этой встречи и, конечно же, готовился к ней, как истинный рыбак. Он так и рвался на Ангару, которая славится щукой, ленком, тайменем, хариусом. А что рыбаку надо? Чтобы у глаз колыхалась волна, вспыхивала тонкой молнией леска, вздрагивал поплавок и, отягощённый, уходил под воду. Не торопись, но и не медли, подсекай осторожную рыбину и вытаскивай её, блестящую, на берег.

На второй день после приезда Глеб повёл Астафьева на рыбалку, собрав перемётную суму и наполнив всем необходимым, что нужно рыбакам в желанные часы ловли и необходимые минуты перекуров.

— Тусик, ты за нас не волнуйся, мы перекусим на берегу, — успокоил он Тамару и похлопал по туго набитой брезентовой сумке.

— Виктор Петрович, вы не слушайте его, — сурово, но сдержанно, — сказала Тамара, — и приходите, как только захотите поесть.

— Спасибо, Тамара, разберёмся, — улыбнулся Астафьев.

Пошли под гору, за ними увязался Кешка. Глеб остановился, зыркнул на него глазами:

— Вот, Виктор Петрович, это — Кешка, мой лучший друг в кавычках.

И Глеб рассказал, кем служит Кешка и у кого работает на посылках. Астафьев удивился и засмеялся, глядя на Кешку:

— А он, вправду, умный пёс. По рылу видно.

Виктор Петрович с Глебом колдовали на берегу, а Кешка следил — скоро ли будет «накрываться стол». Что-то давно уже он не видел хозяина в большой компании. Кешка неотступно наблюдал за Виктором Петровичем, чуял, что его присутствие непременно станет причиной застолья и когда тот, наконец-то, выловил свою первую добычу, сверкающего ясной чешуёй хариуса весом, примерно, с килограмм, то Кешка вытянулся в струнку.

— Ура! — закричал Виктор Петрович. — Какой красавец!

— Ну вот, скоро начнут обмывать, — успокоившись, подумал Кешка, — этому, пузатому, везёт. Сейчас второго выдернет.

И точно. Виктор Петрович, буквально через пять минут вслед за первым, выловил второго, изогнувшегося дугой хариуса.

Вдали появился рыбак. Кешка знал его хорошо.

— Каскадёр появился. Эх, ещё бы Паша Жёлтый да Белянушкины подошли — стол точно будет! — радовался Кешка назревающей работе.

Берег Ангара и всех рыбаков в одночасье, как чайка, облетела весть, что рядом с ними удит рыбу сам Виктор Астафьев. Подошли и Паша Жёлтый, и Белянушкины, сначала Виктор, а за ним Виталька, Мишка Мулганеев и набежал Толя Толстоухов, хотя рыбаком особым не слыл, но жил в доме на Ангаре, который потом сгорел в самом начале перестройки в праздник Первого мая, а Толя долгое время оставался бездомным. Из усадьбы, расположенной на самом берегу Ангара, буквально выпрыгнул издатель Николай Есипёнок.

— Ну, вот и все в сборе, — радостно поскуливал Кешка, — начинайте!

Мужики, собрались в тесный кружок: кто-то знакомился с Петровичем, а кто-то здоровался с ним, как со старым другом. Все жали друг другу руки, хвалили Астафьева, поздравляли с первой удачей. Тут Глеб, заметив Кешкину радость, заорал:

— Мужики, идём к моему гаражу! Там сядем у лодки, как у стола, и обмоем улов Виктора Петровича.

Кешка завилял хвостом и преданно, с любовью посмотрел на хозяина. Он-то верил — хозяин не подведёт. Будет раскрыта первая бутылка и вторая, и третья. Но Кешка знал, ни от первой, ни от второй, ни от третьей бутылок пробки он таскать не будет. Во-первых, должно стемнеть, а во-вторых, у него была своя, давно отработанная тактика. Он необыкновенным чутьём всегда чуял последнюю бутылку. И полагал, что сегодня их будет четыре. Вот её-то он и ждал.

Глеб раскрыл бутылку, а пробку положил к себе в карман. Кешка задумался. Раскрыли вторую бутылку. И хозяин опять положил пробку в карман. Кешка опустил голову на лапы и стал ждать, что же будет дальше?

— Может быть, рвануть сейчас и утащить всю бутылку? — подумал он. — Нет, бутылку не унесу. Подожду.

Веселье было в самом разгаре. Виктор Петрович рассказывал свои байки, не менее интересные, чем у Глеба. Мужики хохотали. Глеб раскрыл третью бутылку,

медленно спрятал пробку теперь уже в нагрудный карман и показал Кешке фигу.

— Вот тебе. Больше бутылок нет! И пробок ты тоже не увидишь

Кешке этот жест был не по душе. Он не стал вилять хвостом, а, презрительно фыркнув, затрусил на гору.

Кто кого здесь перехитрил — я не знаю. В разгар пирушки Глеб достал и четвёртую бутылку, но распечатал её, только удостоверившись, что Кешка удалился. А, может, и вправду Кешка перестал работать доносчиком. Он чувствовал, что будет четвёртая бутылка, интуиция и обоняние никогда его не подводили. Но он ушёл в гордом одиночестве и на этот раз без пробки.

Тем не менее, Тамара тут же появилась у гаража.

— Всё, мужики, хватит. Мы Виктора Петровича заждались. А ты можешь оставаться в гараже, — обернулась она к Глебу, — и Кешку не ругай, он ничего мне не говорил.

Виктор Петрович радовался тому, что поездка на Байкал удалась. У себя дома он был полон веселья, памятных рассказов сельчан и шутливых быличек Глеба. Из Вологды он отправил ему новогоднюю открытку с исключительно жизнерадостным текстом, где не забыл упомянуть и байкальского народного героя Кешку:

«Дорогой Глебушек!

Пусть мчится твоя жизнь ближе к лету, как эта лихая тройка и чтобы прямо в Анггару, и харюза за зебры, да на строганину! Словом, клёв на удачу! Водка за губу! Книгу в печать! Бабу в роддом! Кешку-стучака на живодёрню! Тёщу на икону! Сам в лодку и на ту сторону... за хлебом!

Во! А ещё здоров будь и не кашляй! У нас теперь морозно — мы за вас станем кашлять и чихать. Я живу в трудах, зарабатываю “отгулы” на лето, бо купил избу в родной деревне со двором и буду в бане тренироваться ловить рыбу из шайки, а потом как поеду за Саяны, на Байкал, да ка-ак закину в реку уду, да как выну сапог, а в сапоге поллитра, а в поллитре водка, а в водке бутерброд, а в бутерброде золотой, а в золотом... не знаю чё... Словом, живу ожиданием лета и, как чудо, вспоминаю неделю в Иркутске и на Байкале. Ещё 10 дней в родном селе отдохнул и всё. Так и живу, едрёна мать, «свободный художник».

Лобызаю тебя в плешь. Твой Виктор Петрович».

Глеб не только умел ловить рыбу, но очень хорошо знал и умел собирать байкальские грибы. Когда мы только-только осваивали свой дачный дом и его окрестности, Глеб рассказал нам, какие на Байкале водятся грибы и какие стоит собирать для засолки или для жарёхи. В своё время я с великим удовольствием прочитал книгу Владимира Солоухина «Третья охота» и, конечно же, знал многие грибы и по виду и по вкусу, но некоторые из тех, о которых нам рассказал Глеб, в моём Куйтунском районе не водились.

Начинал свой разговор о грибах он, примерно, так:

— Гриб любит, чтоб его поискали, ну а если уж нашёл его, то бери и будь благодарен лесу. В лесу, не ругайся, не матерись, говори только хорошие слова — тихие и прозрачные. Глянем, какие грибы вы принесли? — и он начинал разбирать нашу корзину, когда мы прямо из леса заглянули к нему и были приглашены его тёщей Ольгой Евстафьевной и женой Тамарой на чай с рыбными расстегаями.

— Это что за гриб? — достал я тёмный, почти чёрный гриб, по виду напоминавший груздь.

— Ну, милый мой, — это по-местному чернушка, чёрный груздь. Очень хороший гриб, только его надо хорошо вымочить. В засоле он тёмно-вишнёвый, почти фиолетовый. А под водочку как идёт! Мухой! — А вот сыроежка. Их в лесу много — и по цвету они всякие — и жёлтые, и розовые, и красные, и оливковые. Слушайте, вот это просто чудный грибок! — и он достал из корзины валуй, — местные называют валуи бычками. И вправду они, особенно недавно народившиеся, такие округлые, крутолобые, как молодые бычки. Он в раннем возрасте упругий, скользкий, сопливенький, а потом, вырастая, становится сухим и плоским. Бычок хорош в засоле и тоже под неё же — родимую, незаменимую, — срифмовал он экспромтом.

— Вот рядовочка, — Глеб указал на гриб, похожий на сыроежку, но менее хрупкий, чем сыроежка. — Рядовка бывает только одного цвета, она сизая, сталистая — а это козляк! Есть гриб-моховик, близкий к маслятам, а козляк ближе к моховику. У того и другого подшляпник, как губка, только у козляка губка крупно-пористая, а у моховика — помельче.

— Лисичка, — Глеб достал единственный в нашем арсенале подобный гриб, похожий на маленький граммофон. — Лисичек у нас мало, но изредка встречаются. Встретишь, бери! А это мохнатенькая — подружка-волнушка.

— Волнушку мы знаем, — вступила в разговор моя жена, — жалко только, что белых груздей нет в нашем лесу и жёлтых, еловых мало.

— Да, Женечка, — ответил ей Глеб, — за груздями надо ехать к Вовке, в Куйтун или Тулун, — там их море. Подосиновик и подберёзовик — хорошие, ценные грибы. Их бери с уважением и благодарностью. Только старый подберёзовик плох, быстро пропадает, а подосиновик и большой хорош, — Глеб потрогал крупный, шляпистый подосиновик.

Я достал гриб с увесистой коричневой шляпкой и толстенной ножкой:

— Глеба, у дороги мы нашли вот этот странный гриб и сомневаемся — брать не брать. Решили тебе показать.

— О-о-о! — длинно пропел Глеб. — Ребята! Это же царь грибов, белый гриб! Он почти не бывает червивый.

— У нас в Куйтуне они не водятся, — заметил я.

— Ну, то Куйтун, а то Байкал! Разумеешь? — и Глеб горделиво засверкал глазами, — царский гриб обязательно должен быть при царе. А кто такой Байкал? Царь! — он поднял руку с поднятым в небо указательным пальцем, — теперь белые царские грибы и у нас на Байкале есть.

Когда-то, действительно, белых грибов на Байкале фактически не было. Но, видимо, меняется климат, видоизменяется что-то в нашей природе. Чёрных груздей раньше было видимо-невидимо. А сегодня их стало меньше. Зато появилось белые грибы. Пойдём с женой в лес и приносим за один раз по 50–70 отборных белых грибов, а нынче летом их особенно много. Позавчера мы принесли 103 красавца-гриба. Да все, как на подбор, ладные, упругие с яркими то оранжево, то красно-коричневыми шляпками и толстыми, широкими ножками.

Что только не делает с ними моя искусница-жена: крупные, холёные грибы режет на сушку, рассыпает в пустые коробки от конфет и сушит на солнце, а маленькие, крепенькие маринует да так, что не оторваться от банки, самые большие жарит. А совсем недавно средние по размеру грибы стала ещё и замораживать в небольших пластиковых контейнерах. Зимой вынешь такие грибы, а они, как будто только из лесу — целенькие, красивые, запашистые!

Моя жена Евгения Ивановна — грибница необыкновенная. Она собирает корзину грибов даже тогда, когда никто не собирает. Может пойти в лес вечером часов в девять, а в 10 выходит из него с полной корзиной. Причём она всегда повторяет свою неизменную присказку после того, как находит белый гриб: «Спасибо, лесок, что дал мне грибок!» И я, думаю, что и Байкал, и байкальский лес слышат её поговорочки и грибами никогда не обделяют. Иногда ищем грибы с ней вместе, я уже подустал, звоню или кричу, мол, давай, собирайся, уже домой бы надо. А она мне в ответ:

— Не могу! Как я их брошу? Я — от них, а они — за мной!

Видимо, с давних времён она что-то переняла от Глеба-грибника. Его грибные уроки мы запомнили на всю жизнь. А байкальский лес нас радует ежегодно. Храни, Господь, эту благодатную землю и великое наше море-озеро, бездонное космическое око, глазной хрусталик планеты, живую и трепетную душу Сибири, а может быть и всей Вселенной.

В 1989 году я посвятил Байкалу оду. Ведь, как говорил Глеб Пакулов, Байкал — это царь. А кому посвящали оды? Царям!

Ода Байкалу

*Живое зеркало Байкала
В оправе скал. Скала к скале.
Здесь совершенство отыскало
Себя в байкальском хрустале.*

*Здесь небо в море уместилось,
Рисунок гор — неотразим!
В распадах ветры угнездились:
Култук, сарма и баргузин.*

*Здесь быть и жить необходимо —
У этих вод, у этих скал.
От зла да будет оградимо
Твое вместилище, айкал!*

*Порою ты клокочешь гневно,
То пустишь рябь, то гонишь вал...
И мне охота каждодневно
Читать, как «Библию» — Байкал.*

*Оно почти невыразимо
То чувство древнее во мне,
Когда на крыльях баргузина
Душа несется по волне.*

*Но, чу! Глухая ночь упала...
Деревья спят и люди спят.
Лишь где-то рядом запоздало
Во тьме укючины скрипят.*

*Я, ощутив Байкала трепет,
В нём звёздную увидел взвесь.
Скажите, звёзды, а на небе
Подобное Байкалу есть?*

*Он вечный! Вещий! Драгоценный!
Он есто в космосе искал...
И если есть душа Вселенной,
То это, всё-таки, Байкал!*

Как-то в июле 1979 года Глеб заявился в наш двор с оригинальным, начищенным до яркого медного блеска, старинным чайником.

— Вот, ребята, достался мне в наследство чайник Александра Васильевича Колчака. Этот чайник он всегда брал с собой в навигацию и хранил в своей адмиральской каюте.

— А как он к тебе-то попал? — спрашиваю я.

— Так, мы же с ним — моряки! Адмирал завещал мне этот чайник через свою возлюбленную Анну Васильевну Тимирёву.

— Глеба, ты что? Её ведь давно в живых нет!

— Да, в живых её нет, но умерла-то она недавно, четыре года назад. И похоронена в Москве на Ваганьковском кладбище. Мне, дураку, уж сорок пять лет было, когда её не стало. Анна Васильевна мои книжки читала! «Царь-пушку» любила.

Глеб сочинял и рассказывал свои истории так убедительно и достоверно, что окружающие начинали ему верить. Как исторический писатель, он, действительно, многое знал и умел преподнести эмоционально, доходчиво, артистично. Более того, он сам начинал верить в то, о чём говорил.

— Перед смертью Анна Васильевна сказала друзьям, чтобы чайник передали мне, — продолжал Глеб, — и вот он, родимый, теперь у меня, — Глеб любовно погладил пылающую на солнце медь.

— А что ты хочешь с ним сделать?

— Жалко такой подарок, — Глеб сокрушённо качает головой, — но я хочу его продать. Купите! — и добавляет, — за десятку. Это предельно мало за такую ценную реликвию.

Мы с женой начинаем отказываться, понимая, что Глеб нас разыгрывает. Глеб разворачивается, идёт к Байкалу и на всём ходу зашвыривает чайник далеко в Байкал.

— Вот, получайте! Не хотели купить. Теперь захотите да не купите.

Потом, на другой день, видно, после разборок с Тamarой, Глеб появился на нашем берегу с двумя незнакомыми мне мужиками, которые долго ныряли, шарили в Байкале, но куда там! Байкал забрал чайник Колчака навсегда.

Глебу Пакулову я подарил много стихов, написанных с великой любовью к нему и к его произведениям. Наша жизнь вместила десятки, а то и сотни встреч и событий, о которых можно говорить вслух и вспоминать их бесконечно.

Моё знакомство с Виктором Петровичем Астафьевым случилось ещё в давние советские времена, в один из его приездов на декаду советской литературы в Иркутск. Какой же это был год? Кажется, 1985-й. Помню, тогда Виктор Петрович с Марией Семёновной жили в гостинице «Ангара». Меня пригласил к нему в гости

Распутин и я, стесняясь и благоговей перед автором знаменитой «Царь-рыбы», был рад этой личной встрече.

До сих пор я с великим наслаждением вспоминаю, какое впечатление произвели на меня многие новеллы из этого повествования. Некоторые из них, особенно «Капля» и «Уха на Боганиде», я готов перечитывать снова и снова. Какой невероятный, исторгнутый «живописцем» Астафьевым язык! Какие пронзительные, осенённые высшими переживаниями, чувства! Какая кристально-чистая, доступная абсолютному слуху, поэзия! А «Последний поклон», «Пастух и пастушка», «Ода русскому огороду»!

Отправились мы в гостиницу с Валентином Григорьевичем не слишком рано, чтобы не мешать в полную силу отдохнуть гостям, хотя Виктор Петрович накануне позвал Распутину к себе для деловой встречи.

Мы постучали в дверь, услышали: «Открыто!» и вошли в просторный номер. Меня сразу удивила домашняя его обстановка: Мария Семёновна сидела, как будто в деревенской избе, за вязаньем, а Виктор Петрович что-то черкал в записной книжке. Он поднялся к нам навстречу со словами, обращёнными к Вале: «Жду тебя с утра, есть разговор», и тут Валентин Григорьевич представил меня, как молодого, подающего надежды автора.

— Это очень кстати, — сказал Астафьев, пожимая мне руку, — мы тут с Ромкой Солнцевым задумали интересную книжку и уже делаем её. Я хочу собрать антологию одного стихотворения поэтов России. Москвичей не берём, пробьются. Они наших сильнейших поэтов, живущих в глубинке, тоже не печатают в своём ежегодном «Дне поэзии».

И тут же, обращаясь ко мне, произнёс: — Пришлите мне пяток самых лучших стихотворений, а я уж выберу то, что мне приглянется.

— А чего присылать? Стихи со мной, — и я вынул из портфеля пачку листов, покопался в них, отсчитал пять страниц и вручил Астафьеву. Виктор Петрович тут же сел, внимательно прочёл первую, вторую страницу и вдруг воскликнул:

— Ну, вот, берём твоего дурака! Молодец!

Эта черта характера Виктора Петровича мгновенно решать любые вопросы вообще была свойственна Астафьеву, он не любил долгих проволочек. Да и рубил всегда сплеча, по-военному. Мог и дров наломать, такой уж он был человек, стихийный, откровенный, прямой.

Задуманная Астафьевым книга, несомненно, требовала и времени, и усилий, потому что собрать нужно было стихи со всей России, перечитать их, отобрать у каждого автора лучшее произведение, написать вступительную статью, что и сделал Виктор Петрович, выпуская в свет этот уникальный сборник стихов неизмеримого русского пространства.*

Так, благодаря Виктору Петровичу Астафьеву мои стихи «Сказ о деревенском дураке» впервые в жизни были напечатаны в настоящей Антологии:

Сказ о деревенском дураке

*Лето. Деревня. Над крышами пар
После дождя устремляется в небо.*

* Час России: Антология одного стихотворения поэтов России / Сост. В. Астафьев и Р. Солнцев; Предисл. В. Астафьева; Худож. Е. Чёрная. — М.: Современник, 1988. — 541 с.

*Митя-дурак поднимается с нар,
Выглядит Митя довольно нелепо.*

*Пообносилаь рубаха на нет
Из довоенного чуда-сатина.
Старая стёганка, грубый жилет
И на лице — голубая щетина.*

*Полузапретным в деревне слывёт
Тихое, нищее Митино царство.
Мите по сорок. Он славно живёт:
Пенсию платит ему государство.*

*Митя не любит общественных мест:
Клуба, конторы, гулянок и свадеб.
Хлеб и картошку он поутру ест,
Митя-дурак с пацанами не ладит.*

*Знать, потому пропадает в тайге:
Ягоды, шишки, грибы собирает.
Птицу, жар-птицу ли держит в руке,
С белкой и соболем в прятки играет.*

*...Жаились, помню, отцу мужики,
Водку в кути разливая в стаканы,
Что пропадают в округе силки
И навсегда исчезают капканы.*

*Помню в тот день я пришёл к дураку:
— Дмитрий, тебя мужики скараулят.
Он оглянулся, согнулся в дугу,
Сидя на низком, расшатанном стуле.*

*Стал лепетать и махать на огонь
Так что меня пробирало до дрожи:
— Белку не надо! И зайку не тронь!
Митя не трогает. Митя — хороший.*

*...Долго в лесах исчезали силки.
Митя работал сторожко и тайно,
Но подстрелили его мужики,
Как говорят — совершенно случайно...*

1974

Другая моя встреча с Виктором Петровичем произошла в 1986 году, в Красноярске. Буквально перед поездкой в Красноярск, у себя на даче в порту «Байкал», я познакомился с двумя замечательными художниками, которые приехали в наш бай-

кальский «Дом творчества художников». Это был Анатолий Тумбасов из Перми и Николай Худенёв из Красноярска. Художники выезжали на пленэр и на теплоходе «Бабушкин» переправлялись в сторону порта «Байкал», где мы и разговорились, да так, что пермяк и красноярец оказались у меня в гостях. В эти осенние дни мы с братом Анатолием достраивали баню, и Худенёв с Тумбасовым помогли нам возвести стропила и покрыть шифером крышу.

Этой же осенью я поехал в творческую командировку в Красноярск, там отыскал Худенёва, который показал мне город, свозил на Красноярские столбы, на подвесную дорогу, а на другой день я позвонил Астафьеву и напросился к нему в гости вместе с Николаем. Днём, часов в двенадцать, мы уже были у Виктора Петровича и Марии Семёновны, которые радушно приветили нас у себя в городском доме. Худенёв привёз из дому одну из лучших своих картин и подарил Виктору Петровичу.

Были тут душевные разговоры о сельской жизни (Астафьевы осваивали дом в Овсянке), и острые разговоры по поводу астафьевского рассказа «Ловля пескарей в Грузии» и злополучного, провокационного письма некоего Натана Эйдельмана, которому Виктор Петрович ответил со всей прямоотой и яростной отповедью, были чай и пироги Марии Семёновны. Всё это впоследствии вошло в моё стихотворение, посвящённое Виктору Петровичу Астафьеву.

Три года назад оно было опубликовано в Красноярском литературно-художественном альманахе «Затесь», который издаёт Красноярский клуб почитателей В. П. Астафьева, главный редактор Валентина Андреевна Майстренко («Затесь», № 1, 2011, с. 26):

В доме Виктора Астафьева

*У Астафьева в доме, как в поле светло –
От российской души, от широкой улыбки.
Мне в гостях у Астафьева душу свело
От того, что мы все — совершаем ошибки.*

*Совершаем ошибки. Во имя чего?
Этот с жалом к нему, этот с тайным кинжалом.
Позволяем честнейшее имя его
Перепиской терзать и трепать по журналам.*

*Вот сидит он — приветливый русский мужик,
Столько вынесший зла и читательских пыток!
А в устах у него — наш народный язык,
А в глазах у него — доброты избыток!*

*И почти не видна — в глубине этих глаз
Затаилась печаль, что прихлынуть готова,
И тревога, что в сердце вошла не на час
За родимую землю, за русское слово.*

*Это горькое право великой судьбы
Быть российскою болью, её средоточьем...*

*Вот он снова в Овсянке – у той городьбы,
Где дочурка мелькала цветастым платочком.*

...
*И пускай этот дом ненавидят враги,
Будет он и приветлив, и чист, и уютен...
— Ну-ка, Марья Семёновна, ставь пироги!
Снова гости пришли, и приехал — Распутин.*

В тот день Астафьев подписал несколько книг иркутским писателям, которые я увёз с собой и с радостью вручил каждому из адресатов: Евгению Суворову, Володе Жемчужникову, Валерию Хайрюзову, Борису Лапину.

Ещё одним отзвуком той встречи явилось моё стихотворение, посвящённое дочери Астафьевых — Ирине, — потому что родители хоть и кратко, но с великой болью рассказывали нам с Худенёвым о ней, о её ранней смерти, а мы, не найдя слов утешения, молча, с сердечным сочувствием, слушали их.

— Теперь вот воспитываем внуков, — говорил Виктор Петрович, — Поля — тихая девочка, а Витка — сорванец, да ещё с характером.

Кстати, красноярский писатель Олег Пашенко в начале 1988 года передал мне через Валеру Хайрюзова газету «Красноярский комсомолец» (№ 138 от 17 ноября 1987 г.), которую редактировала бывшая иркутянка, выпускница отделения журналистики Иркутского госуниверситета Люда Батынская, где оказались опубликованными две строфы из моего стихотворения об Астафьеве рядом с фотографией Виктора Петровича, сидящего в обнимку с сорванцом, но очень любимым внуком Витей.

Двумя годами позже в моей иркутской книге «Живу печалью и надеждой» появилось стихотворение «Памяти Ирины Астафьевой», а книжку я отправил в Красноярск Виктору Петровичу и Марии Семёновне:

На смерть Ирины Астафьевой

*И жалко смотрит из одежды
Рука, пробитая гвоздём.*

Александр Блок

*И прах, и тлен, и мрак, и тени —
Всё это будет впереди...
О, высший разум, от рожденья
Ты жив — рыданьями в груди.*

*Жизнь коротка, порой незряча,
Полна жестоких мук и грёз:
От детского слепого плача
До молчаливых взрослых слёз.*

*О, высший разум! Ты устало
Идёшь трагическим путём.
Сей путь тебе предначертала
Рука, пробитая гвоздём.*

*Бессмертья не придумал гений,
 Миросозданием влеком...
 ...Твои потери, обретенья
 В могилу скатятся комком...*

*Из слёз прольётся дождь обильный,
 Когда над вечностью земли
 И над не вечностью могильной
 Застонут в небе журавли...*

В один из приездов Астафьева в Иркутск мы — несколько писателей: Евгений Суворов, Валерий Хайрюзов, Владимир Жемчужников и я — после встречи Виктора Петровича в аэропорту, оказались в его номере в гостинице «Ангара». Хотели мы уйти, чтобы Виктор Петрович отдохнул с дороги, но он заявил:

— Я что, с Северного полюса прилетел?! Тут час лёту до Иркутска. Я никого не отпускаю, прижмите хвосты. Эй, младшбй, за водкой!

Он дал мне денег, и я помчался в ближайший гастроном, купил выпить и закусить. Мы пили водку, бесконечно балагурили, но, в основном, слушали Виктора Петровича, его живую живопись рассказов, мастерски с изысканным артистизмом сыгранных анекдотов, прибауток, удивительных, искромётных историй, большая часть которых так и не вошла в его произведения. Какое это было всепоглощающее дружелюбное время! Сколько в нас было молодости и сил! Мы ведь могли сидеть ночь напролёт и, затаив дыхание, слушать великого мастера. Где всё это? Конечно же, в памяти нашей — ясной, как полдень, и с годами никуда не исчезающей! И ещё, как яркое напоминание о той встрече, у меня осталась, вставленная в паспорт фотографию Виктора Петровича, которую он подарил мне в тот вечер после прочитанных мною новых стихов.

И ещё помнится одна встреча с Астафьевым, которая случилась в самом начале перестройки и проходила в здании Иркутского театра музыкальной комедии (ныне ТЮЗ), где он ярко и убедительно отвечал на вопросы переполненной аудитории. Вопросы поступали и вживую, и записками. Многих иркутян волновало то, что произошло со страной, с правительством, с тем же Горбачёвым, и Виктор Петрович мощно, резко, по-астафьевски крушил демократов и перестройку, говорил очень верные, идущие от сердца слова о русской доле и русском народе, попавшем в очередное кровавое месиво.

И народ ему рукоплескал, радовался возможности услышать правду и поверить в то, что многое в жизни страны изменится к лучшему. Не изменилось. Через годы мы это поняли, но тогда очень уж верилось в то, что жизнь, скорее всего, наладится, пойдёт по правильному вектору.

Тогда и Виктор Петрович верил во всё лучшее, потому что не мог думать и жить иначе. Но дальнейшая жизнь круто изменила обстановку в стране, самих людей и даже географию страны, не говоря о той умопомрачительной, не представимой доселе перевёрнутости, которая произошла с властью и чиновниками на всех уровнях.

Эти изменения на сломе эпох не обошли и великого писателя Астафьева. Но это уже другая история, другое измерение, другие воспоминания, которые похожи на мистическую фантазмагорию, происшедшую с нашей страной и с нашим обществом.

Виктор Астафьев

*Всё ещё впереди! Как не вспомнить Белова,
Цепким взором смотрящего в тёмную даль.
И Астафьева, длившего радугу слова,
И Рубцова, дарившего миру печаль.*

*...Мы не знали, что будет сегодня и завтра.
Перестройка громила Советский Союз.
Это понял Белов! Это видел Астафьев,
Но оставил сомненья последнего груз,*

*Где тревожны желанья, печали разлиты,
Где в астафьевском слове иной разворот:
Воевавшие — прокляты или убиты,
Виноват перед Богом весь русский народ.*

*У народной души столько скорби и вмятин,
Не воспрянет душа, как в крови батальон.
Столько чёрных нашли мы у русского пятен —
Никогда от вины не оправится он.*

*Что ещё нам сказал на прощанье Астафьев?
Что ему посветило в последние дни?
Он ушёл одинок! Ни Белова, представьте,
Ни Распутина рядом. Ушли и они...*

*Был Астафьев не прост. Уходил, как на дыбу.
Стяги славы своей по земле разметал.
Но мы помним его «Звездопад» и «Царь-рыбу»,
Матерок-говорок и во взгляде металл.*

*...Тектонический взрыв русской доли и боли —
Раскатился по склонам любви и потерь.
Всё мы помним и все — наши сыграны роли.
Где мы? Кто мы на свете? — не знаем теперь.*

Загороднева К. В.,
к. филол. н., ст. преподаватель кафедры филологии
(ФГБОУ ВО «Пермский государственный институт культуры»)

**Исповедальная поэтика и современная литература:
Дж. Уинтерсон, Д. Рубина и О. Славникова**

Размышляя над мейнстримом современной литературы в контексте разноголо-
сицы нео-, пост- и -измов (неоклассицизм, неосентиментализм, постпостмодернизм и

др.) можно предположить, что одной из ведущих тенденций современной литературы становится исповедальная. Апеллируя к исследованиям М. П. Абашевой [Абашева 2012; Абашева, Катаев 2013], посвященным самоидентификации писателя, к размышлениям В. И. Новикова о современной женской прозе, которая обогащает и себя и литературу в целом, потому что способность понимать другого выше у женщин-писательниц в современном мире, они «гибче», «лучше держат повествование» и их творчество «несет драйв» [Новиков], можно предположить, что женская литература, с одной стороны, претендует на статус классики, а с другой – активно вступает в диалог с классикой.

Исследованные ранее неожиданные параллели между И. Тургеневым и современной писательницей Дж. Уинтерсон [Загороднева 2015] предполагали на новом витке диалог английской и русской литературы. Отталкиваясь от содержания повести английской писательницы Дж. Уинтерсон «Бремя» (Weight, 2005), я сопоставляла мифологического титана Атласа (Атланта) с фольклорным образом русского богатыря через реминисценции к произведению «Муму» И.С. Тургенева и обнаруживала параллель Геркулес (Геракл) – Герасим. Оживление Атланта в повести Уинтерсон было связано с любовью к собаке Лайке, ставшей для него единственной небезразличной ношей, в то время как окаменение Герасима обусловлено бессердечным обращением с Муму.

По мифу Атлант является древним доолимпийским божеством, его одиночество в повести «Бремя» подчеркивается реакцией на внезапно возникшее жужжание над головой. В пролетавшей мимо колбе, похожей на покалеченное насекомое («a lamed insect»), он обнаруживает собачку Лайку, «стянутую ремнями, неспособную двигаться, полумертвую от страха, утопавшую в поту и собственных экскрементах» [Уинтерсон 2005: 108]. Как обвинение в жестокости звучат слова Уинтерсон, адресованные русским: «Когда русские запускали Лайку в космос в 1957 году, они знали, что ей не суждено вернуться. Автоматическая подкожная инъекция должна была усыпить ее через семь дней <...> Когда они задраили люк, Лайка задрожала и во рту у нее пересохло <...> она хотела к хозяину, и чтобы ночь и тихо, и чтобы всего этого не было» [там же: 106–107]. Счастливый и одновременно сказочный финал повести, где спасенная Атласом крохотная Лайка находит место «в надключичной ямке» его «громадной руки», «надежно укрытой под тяжелыми волнами волос» [там же: 108], контрастирует с произведениями современных зарубежных авторов, в частности с романами Дж. М. Кутзее «Бесчестье» (2000) и М. Уэльбека «Карта и территория» (2010).

Повышенный интерес к произведениям английской писательницы среди отечественных читателей обуславливает возникновение соревновательной тенденции между переводчиками. На русский язык Уинтерсон переводят О. Варшавер, Н. Поваляева, А. Орлова, И. Замойская, Д. Оганова, Е. Кац, А. Осипов и др. Известен в двух переводах роман «Written on the Body» (1992) [Уинтерсон 2002; Уинтерсон 2002] и рассказ «The 24 Hour Dog» (1998) [Уинтерсон 2001; Уинтерсон 2010].

Переосмысляя образ человека с головой быка через обращение к статуе Микеланджело «Атлант», созданной для гробницы папы Юлия II, можно обнаружить сходство между «древним доолимпийским божеством, отличающимся мощной силой» и держащим на себе небесный свод [Тахо-Годи 1980: 121], и человекобыком. Огромная бесформенная голова в виде неотесанного камня, в которой вязнут обхватившие её руки Атланта, принуждает тело податься, согнувшись, вперед, чему настойчиво сопротивляются напряженные мышцы ног, мощный торс и растопыренные стопы.

Подчеркивая близость к Атланту («...у меня комплекс Атланта. Нет, серьезно: мне кажется, что я могу справиться с любой ношей, обязана взвалить на свои плечи мировое бремя, и так далее – в общем, ничего страшного» (цит. по: [Александров 2010: 313])), Уинтерсон уподобляется лирической героине Марины Цветаевой из «Поэмы Горы»: «Та гора была как горб /Атласа, титана стонущего <...> Та гора была – миры! /Боги мстят своим подобиям! /Горе началось с горы...» [Цветаева 1984: 376–377]. Дочь Деметры и жена Аида Персефона вынуждена месяцами жить в заточении в подземном царстве.

Объединяя Персефону и Атласа в современной интерпретации мифологических сюжетов, Уинтерсон признается в том, что ее любимый миф, это миф о Минотавре: «Вот его я очень люблю, это мой персональный любимый миф» (цит. по: [Александров 2010: 326]). В романе Пелевина «Шлем ужаса, или Креатифф о Тесее и Минотавре» (2004) лабиринтом послужила всемирная Сеть, а в качестве шлема ужаса была представлена крупнорогатая голова как «модель человеческого сознания», и Тесей, «чтобы победить Минотавра, должен надеть этот Шлем. Но, надев его, он сам становится минотавром» [Абашева, Катаев 2013: 131].

В повести русского писателя И. С. Тургенева «Муму» (1854) наиболее отчетливо проявилась драматургия отношений человека и собаки, возможно, повлиявшая на творчество Уинтерсон. Сопоставимый с титаном Атласом образ дворника Герасима, «сложенного богатырем и глухонемого от рождения», чье «постоянное безмолвие придавало торжественную важность его неистомной работе» [Тургенев 1980: 246], одновременно оказывается близок пушкинскому Геркулесу – Каменному гостю: «Каким он здесь представлен исполином! /Какие плечи! Что за Геркулес!..» [Пушкин 1986: 463–464]. «Демонический характер» статуи командора и «вариации мотива оживления», которые «играют важную роль в постановке и решении проблем жизни и смерти, смерти и бессмертия» [Бочкарева 2013: 140], с одной стороны, актуализируют судьбу Геракла, похожего на Дон Гуана в повести Уинтерсон, а с другой – тему взаимоотношения человека и собаки в повести «Муму». Образ русского богатыря Герасима, молчаливого и выносливого, подчеркивается в заключительных словах повести: «... “а собака – на что ему собака? к нему на двор вора бóслом не затащить!” Такова ходит молва о богатырской силе немого» [13: 272].

В рассказе Ольги Славниковой «Одинокий той-терьер» главным героем является фигурка тойчика, которая стоит на комодке среди «забавной бронзовой всячины» [11: 139]. Утрата статуэтки провоцирует появление «той-терьера настоящего», который «с отрывистым лаем шел в атаку на гораздо более крупных псов» [там же: 139]. Мотив оживления статуэтки провоцирует разговор о писательском творчестве как таковом: писатель – это «помесь собаки с бабочкой, помесь профессионала с бездельником» [там же: 141]. Апелляция к насекомому, с одной стороны, инициирует параллель Уинтерсон–Славникова, а с другой – отсылает к известному роману отечественной писательницы «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» (2000).

В рассказе Дины Рубиной «Любовь – штука деликатная» из книги «Окна» (2012) речь идет о щенке Шерлок, который становится полноправным членом семьи. Подробно описывается процесс дрессировки, сложности в воспитании, акцентируется стремление Шерлока стать живописцем: «По ступеням лестницы со второго этажа спускался некто, и лишь глаза поблескивали в лиловой чаше бороды и усов <...> и по всей лестнице за ним тянулись отпечатки лиловых лап. Это была красивая картина. Боря взвыл: – Кобальт фиолетовый!!!» [10: 143]. Лиловый

Шерлок уподобляется измазанному в саже Трезору, который кота оставил без хвоста, из одноименного стихотворения С. Михалкова.

Таким образом, исповедальность как одна из ведущих тенденций современной литературы предполагает: во-первых, разговор о женском почерке в литературе; во-вторых, диалог русской классики и английской литературы (Уинтерсон–Тургенев); очерченный круг современных женских авторов и неожиданные параллели между ними (Уинтерсон–Славникова–Рубина). Само упоминание о животном инициирует определенную авторскую исповедальность, что особенно характерно для поэтики Дж. Уинтерсон. Обусловленные образом летающей собаки, в частности собаки и насекомого: стрекозы, бабочки, неожиданные параллели возникают между Уинтерсон и Славниковой. Искомая порода собаки и проблемы, связанные с воспитанием щенка становятся лейтмотивом произведений Д. Рубиной «Любовь – штука деликатная» и Дж. Уинтерсон «The 24 Hour Dog».

Список используемой литературы:

1. Абашева М. П. В пространстве Сорокина //Новое литературное обозрение. 2012. № 114. С. 424–428
2. Абашева М. П., Катаев Ф. А. Русская проза в эпоху Интернета: трансформации в поэтике и авторская идентичность. — Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2013. — 168 с.
3. Александров Н. Д. Тет-а-тет. Беседы с европейскими писателями. — М.: Б.С.Г.-Пресс, 2010. — 416 с.
4. Бочкарёва Н. С. Экфрастический дискурс в романе М. Брэдбери «В Эрмитаж» //Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 1 (21). С. 140–145.
5. Уинтерсон Дж. Письмена на теле /Пер. с англ. Д. Оганова. <http://www.libros.am/book/read/id/59385/slug/> (дата обращения 24.10.2015)
6. Загороднева К. В. О двух переводах рассказа Дж. Уинтерсон «The 24 Hour Dog» //XXVII Пуришевские чтения. «Зарубежная литература XXI века: проблемы и тенденции / Отв. ред. М. А. Дремов. — М.: ООО «Сам полиграфист», 2015. — С. 39–40.
7. Загороднева К. В. Тургенев и Уинтерсон: к вопросу о неожиданных параллелях //Мировая литература в контексте культуры: научный журнал. Вып. 4. 2015. — С. 60–68.
8. Новиков В. И. Выступление на передаче «Пресс-клуб XXI: Женская литература не ровня мужской?». — [Электронный ресурс]: <http://www.tvkultura.ru>
9. Пушкин А. С. Сочинения. В 3-х т. — М.: Худож. лит., 1986. — Т. 2. 527 с.
10. Рубина Д. Окна. — М.: Эксмо, 2012. — 276 с.
11. Славникова О. Одинокий той-терьер //Знамя. 2015. № 4. — С. 139–141.
12. Тахо-Годи А. Атлант //Мифы народов мира. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 121.
13. Тургенев И. С. Муму //Сочинения 1844–1854. — М.: Наука, 1980. — Т. 4. С. 246–272.
14. Уинтерсон Дж. Бремя. Миф об Атласе и Геракле /Пер. с англ. А. Осипов. — М.: Открытый мир, 2005. — 128 с.
15. Уинтерсон Дж. Пес на 24 часа /Пер. с англ. А. Орловой //Иностранная литература. 2010. № 12. С. 86–93.
16. Уинтерсон Дж. Рождественские рассказы /Пер. с англ. Н. Поваляевой //Иностранная литература. 2009. № 12. С. 3–13.

17. Уинтерсон Д. Тайнопись плоти /Пер. с англ. И. Замойской. — М.: Эксмо, 2002. — 288 с.
18. Уинтерсон Дж. Щенок на сутки /Пер. с англ. О.Варшавер //Иностранная литература. 2001. № 11. С. 3–9.
19. Цветаева М. И. Избранные произведения. — Минск: Маст. лит., 1984. — 671 с.
20. Winterson J. Weight. The Myth of Atlas and Heracles. URL: <http://www.general-ebooks.com/read/177124685> (дата обращения 15.10.2015)
21. Winterson J. The 24 Hour Dog. <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/> (дата обращения 15.11.2014)

*Быков Л. П.,
заведующий кафедрой русской литературы XX и XXI веков
(Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург)*

Астафьев и Решетов: опыт сближения

Кому из русских литераторов, встретивших новое тысячелетие, уже поставлены памятники? Кажется, только героям моего сообщения: В. Астафеву в Красноярске и А. Решетову в Березниках. Но многие, к счастью, помнят этих служителей русского слова еще не монументами.

Сопоставлять, как известно, можно все со всем и каждого с каждым. Кажется, в 2010 году в Пушкинской библиотеке Перми состоялась лекция на тему «Решетов и Мамардашвили» (Но почему не Платон, не Аристотель? Не знаю, легко ли мог говорить поэт фамилию Мераба Константиновича, но я точно знаю, что вот имени Розанова он не знал — говорю об этом не в укор ему, а скорее, дивясь столь неожиданному сопряжению.)

Когда возникает сопоставительная пара, важно, чтобы в сравнении была своя логика, позволяющая, во-первых, выявить основания для сравнения, во-вторых, благодаря обозначенным общностям акцентировать творческую самобытность авторов, оказавшихся рядом, и, в-третьих, обнаружить в самой соотносительности закономерности и тенденции, значимые не только для героев разговора.

При тринадцатилетней разнице в возрасте Астафьева и Решетова сближает многое, очень многое. Начнем с биографического.

Того и другого воспитывали бабушки: один рано потерял мать, другой — отца. (И у обоих впоследствии были на попечении дети их ближайших родственников: Виктор Петрович воспитывал племянника своей жены Марии Семеновны Корякиной, а Алексей Леонидович заменил отца для дочери своего старшего брата Бетала — Оли.) Война отняла у одного детские годы, у другого юность. Оба обретали знания не в вузовских аудиториях, а в университете имени М. Горького — университете жизни. Оба были оторваны от мест, где родились: Астафьев — на четверть века, Решетов — навсегда. И оба о месте рождения тосковали: Астафьев — об Енисее, Решетов — об Амуре.

Жизнь крепко связала их с Уралом, где они очутились почти одновременно в памятном 1945-м — победном для фронтовика Астафьева и отрадном для ЧСИР Решетова, в девятилетнем возрасте воссоединившегося наконец с матерью. Литературное рождение того и другого происходило в уральской глубинке — в любительских объединениях при районных газетах Молотовской тогда области: в Чусовом (или, по

слову писателя, Чумовом), где в 1951 году Астафьев напечатал первый рассказ, и Березниках, где долго жил Решетов. Для обоих важнейшую роль в творческой практике сыграли местные литературные трибуны — Пермское книжное издательство, где у Астафьева после начального сборника рассказов «До будущей весны» (1953) вышло еще два десятка изданий, а у Решетова — десять книг, включая дебютный сборник «Нежность» (1960), а также журнал «Урал», где у Астафьева состоялось пять публикаций, в том числе и ранняя повесть «Стародуб» («Урал», 1960, № 6), а имя Решетова, начиная с 1961 года, фигурировало в содержании 29 номеров.

Оба продолжительное время жили в Перми: Астафьев с 1962 по 1969 год, а Решетов с 1982 по 1995 год, что засвидетельствовано мемориальными досками на доме по улице Ленина, 84, где обитал Виктор Петрович, и доме на улице 25-го Октября, где жил Алексей Леонидович, а также памятной доской на улице Сибирской, 30: «В этом здании в XX веке работали...», — и далее перечень из восьми имен, начинающийся фамилией Астафьева и заканчивающийся фамилией Решетова. Литературные самоучки, оба признательно вспоминали пермских литераторов и редакторов, способствовавших их творческому самораскрытию: Астафьев, полагавший, что «неблагодарность — самый тяжкий грех перед Богом», не упускал случая тепло отозваться о директоре местного издательства Людмиле Сергеевне Римской, редакторах Клавдии Васильевне Рождественской и Альмире Георгиевне Забзеевой и, особенно, главном там редакторе Борисе Никандровиче Назаровском, а Решетов сердечно говорил о Савватии Михайловиче Гинце, редакторе его первых книг, и Надежде Николаевне Гашевой, которая редактировала «Иную речь» (1994), а также Андрее Петровиче Ромашове, познакомившем поэта с лирикой Ду Фу.

Эти сравнения можно длить и длить. Оба, скажем, не вели дневников (Астафьеву их заменила его обширнейшая переписка, а дневником Решетова стала его лирика). Оба пробовали себя на соседних литературных деланках: поэт написал автобиографическую повесть «Зернышки спелых яблок» (1963), а у прозаика есть несколько стихотворных созданий. Наконец, в честь героев моего сообщения возникли региональные литературные премии: Астафьевская в Красноярске и Решетовская «Иная речь» в Перми.

Они были знакомы с начала 1960-х годов, что засвидетельствовано архивными и мемуарными источниками. Так, в декабре 1962 года решетовский товарищ Виктор Болотов вступил в переписку с Астафьевым и, среди прочего, в его письмах мелькают такие строки: «Тоскующий Решетов передает всем Вам приветы», «Алексей Решетов передает Вам большой привет. Недавно написал он чудесный стих «Журавлиное настроение». Очень тонкий и точный стих». В фонде В. П. Астафьева, что сформирован в Пермском государственном архиве, есть и два эпистолярные обращения к Астафьеву Льва Давыдычева: «Много лет меня грызет совесть за то, что я мало помог Леше Решетову — замечательному человеку и поэту. Ведь до сих пор ни одна строка его не напечатана в Москве. Это просто несправедливо. Куда только я не обращался?! И везде, в конечном счете, — нуль. Посылаю тебе кучу стихов. Если, конечно, что-то тебе понравится, помоги в «Нашем сов[ременни]ке». Жалко парня. Он оригинал. Мать и бабушка хворые, да и с деньгами у него не ахти...». А через какое-то время (письма, по свидетельству публикатора, не датированы) Л. Давыдычев вновь пишет Астафьеву: «Дорогой Витя, большое тебе спасибо за участие к Леше».

Есть и свидетельства самих героев этого сообщения. В позднем предисловии к книге «Не плачьте обо мне...» (Красноярск, 2000) Астафьев расскажет: «Стихи не

почитают? Ну и пусть! Он < Решетов — Л. Б.> взял и повесть о детстве написал под славным названием «Зёрнышки спелых яблок», и я её, как член редколлегии, в журнал «Уральский следопыт» предложил. После того, как повесть опубликовали в свердловском журнале, случился в Перми творческий прорыв, нас с Алексеем пригласили на местное телевидение, и мы с ним красовались на экране и представляли повесть аж целых двадцать минут. Более меня, на местную студию не приглашали — не тот кадр, идейно не выдержан, а вот Алексея не знаю, приглашали или нет, ибо из шибко заидеенного города я скоро уехал, но издавека следил за судьбой и работой Решетова. Крепко стоял на ногах талантливейший поэт, прочно занимал своё поэтическое место, его простая, волшебством отдающая словесность, которую по-прежнему не очень любят и приветствуют направители морали, но обожают читатели-пермяки, имеющие вкус к слову, набирает поэтическую культуру, совершенствуется звук и слог, обогащается душа поэта».

Но личные отношения между прозаиком и поэтом складывались далеко не бесконфликтно. Астафьев, всю жизнь проживший на периферии, был крайне внимателен к авторам провинциальным или «замолчанным» (слово Г. Прашкевича о М. Шкапской), что зачастую значило одно и то же. Он многим из них помог, стараясь сделать видимыми «поэтических невидимок России» (вспомним название посмертной книги Бориса Гашева «Невидимка»): ежели не называть других, кроме Алексея Леонидовича, имен, то достаточно вспомнить возникшие по инициативе Виктора Петровича на исходе XX века «Литературные встречи русской провинции», в обиходе называвшиеся Астафьевскими чтениями.

Но при этом его не мог не удручать провинциализм прописанных в российской глубинке литераторов, пусть порой по-человечески ему не безразличных. Писатель не упускал случая категорично выступить против «стихотворного назыма», «поэтической соломы», «четочной поэзии», «безмятежного мурлыканья», на что, увы, щедро печатная продукция отечественных регионов. И однажды от него досталось, среди прочих пермских стихотворцев, и Решетову. Откликаясь в 1968 году в областной газете «Звезда» (номер от 10 января) на выход коллективного сборника молодых пермских авторов «Современники», Астафьев обратил внимание на то, что в книге «есть стихи и старших, профессионально работающих поэтов. Однако Домнин, Решетов представлены здесь не лучшими стихами, и ничем они не выделяются среди остальных. Мало того, два стихотворения Алексея Решетова — «Пора замаливать стихи», и «Ах, Пушкин, Пушкин...» пожалуй, могут соперничать с произведениями тех авторов, что из кожи лезут, лишь бы выглядеть «оригинальными». Такое ощущение, будто оба эти стихотворения вынуты из пропыленного альбома прошлого столетия <...> со всем набором потускневших от времени поэтических атрибутов, начиная с «пунша» и кончая «гранитным плащом», «Италии и Натали», а также и «пепла златых черников».

И спустя десятилетие в письме Курбан-Гали Сулейманову (от 6 декабря 1979 года) он подтвердит свое отрицательное отношение к «литературе пермской, к которой я был тоже склонен и с кровью, с муками отдирал её с себя, как соскоблишь кровавые бинты на ране. Думаю, что основа моих творческих сил ушла на преодоление провинциализма, и не простого, а устойчивого, имеющего основы и позиции в лице не только умерших (Реутов — Сапиро — Андриевский и т. д.), но и здравствующих Селянкина, Давыдычева и т. д. Ими создан не просто «климат», а тонус упрощенчества, заниженности художественных критериев, потому что они так и не научились

работать профессионально, они так и остались любителями литературы, а проще сказать, дешёвого гонорара, который растлил таких высокоодарённых людей, как Крашенинников, Решетов, Болотов и даже Домнин».

Не исключено, что поэтому и возникло представление о том, будто «непомерный гнев» (Д. Ризов) старшего стал основанием продолжительной ссоры между ними. Спустя четверть века на страницах журнала «Юность» (1993, № 1) была воспроизведена резкая сентенция Виктора Петровича по адресу «поэтов Прикамья», среди которых, по его мнению, «не выросло ни одного сколько-нибудь заметного поэта и прозаика»:

«Они помешали развиваться и вырасти Алексею Решетову, и он, к сожалению, этого не понимает. Думает, того, что он есть великий поэт Перми, уже достаточно. Когда он написал “Зёрнышки спелых яблок”, свою первую прозу, я ему ещё тогда говорил: “Леша, уезжай из Березников, хотя бы для начала в Пермь...” — “А мама? А сестра?” Так при маме да при сестре, да при дружке своём Лёве Давыдычеве Лёша не реализовал себя, по-моему, даже на четверть».

«В помещениях, плохо проветриваемых, создается особый провинциальный климат» (наблюдение М. Осоргина). Вот с пребыванием в этой среде и не соглашался сам Астафьев, который в одном из писем в Пермь (Т. Ф. Соколовой от 3 сентября 1998 года) хвалил себя «за то, что уехал (1969) из этого в идейной затхлости задыхающегося города и края»).

Но, к счастью, в конце 1990-х отношение Астафьева к Решетову решительно переменялось. Писатель положительно упоминает его в интервью, беседах и письмах. Так, прочитав в январе 1998 года юбилейный номер газеты «Звезда», писатель особо выделил публикацию решетовского стихотворения «Не плачьте обо мне...», восхищённо заметив при этом, что оно «украсит любую хрестоматию». Решетов посвятит это стихотворение Виктору Петровичу:

*Не плачьте обо мне: я был счастливый малый.
Я тридцать лет копал подземную руду.
Обвалами друзей моих поубивало,
А я ещё живу, ещё чего-то жду.*

*Не плачьте обо мне. Меня любили девы.
Являлись по ночам, чаруя и пьяня
Не за мои рубли, не за мои напевы.
И ни одна из них не предала меня.*

*Не плачьте обо мне. Я сын «врагов народа»,
В тридцать седьмом году поставленных к стене.
В стране, где столько лет отсутствует Свобода,
Я всё ещё живу. Не плачьте обо мне.*

А годом позже в очередном письме к В. Я. Курбатову (от 14 августа 1998 года) Астафьев не без гордости сообщит: «Очень хорошую я книгу пробил Алексея Решетова, попрошу Маню тебе послать парочку. Сам зачитываюсь и открываю Алёшу по новой...» Речь здесь о книжечке, названной по первой строке так полюбившегося Виктору Петровичу стихотворения. Издательскую её историю приоткрывает

воспоминание бывавшей на Астафьевских чтениях Нины Бойко, литератора из Новой Губахи:

«...На “Встречах” была аура величайшей доброты и открытости. Перезнакомились, передружились люди из разных уголков огромной страны. Как-то вечером я зашла в гостиничный зал, а там уже большая группа писателей беседовала с Виктором Петровичем. Я встала так, чтобы видеть Астафьева и слышать, о чём он говорит. И в какой-то момент, решившись, тоже вступила в разговор.

— Так ты и есть Нина Бойко? — засмеялся и обрадовался Виктор Петрович, стал расспрашивать меня о моём творчестве, о Пермской писательской организации, о нашем замечательном поэте Алексее Леонидовиче Решетове.

— Не издают Решетова, — посетовала я. — Не нужна стала его лирика.

— Непременно нужно издать! — сказал Виктор Петрович. И попросил меня выслать какие есть публикации о Решетове, чтобы написать предисловие к книге.

Как же я рада была! Стихи Алексея Решетова ненавязчиво, но мощно противостояли тому шквалу извращенности, который уже десятилетие пытался одержать верх в русской литературе.<...>

Через некоторое время Виктор Петрович разыскал Алексея Леонидовича Решетова и попросил его выслать свои стихи. Я в свою очередь отправила Астафьеву то, что обещала. И книга стихов Решетова вышла в Красноярске в серии “Поэты свинцового века”. Предисловие написал Астафьев. “По-русски певучее слово”, — охарактеризовал он поэзию Решетова. Прислал мне экземпляр изданной книги, написав на титульном листе: “Нина! Вот что получилось из нашей затеи. Спасибо, что помогла”.

Радостно мне было и удивительно, потому что затея с изданием полностью принадлежала ему, Виктору Петровичу, но он знал, что мне будет приятно, и написал “нашей”» (http://www.krasrab.com/archive/2002/11/30/10/view_article).

И ещё одно воспоминание, связанное с этой книжицей — красноярского филолога Г. М. Шленской, которой он вскоре после выхода передал эту книжечку с надписью: «Галина Максимовна! В виде приветствия посылаю Вам эту книжку замечательного поэта. Виктор Астафьев»: «А в сентябре 2001 года, когда я была у него, уже тяжело больного (повидать его мне оставалось только еще один раз), Виктор Петрович вдруг спросил, понравились ли мне стихи Решетова. И я вспомнила (чтобы убедить: да, конечно, прочла, понравились) показавшиеся мне наиболее необычными строки <... > “Во-во...”, — сказал он» (Шленская Г. Взаболь: Отрывки воспоминаний // «Сибирские огни», 2006, № 2. С.185–186.)

Включив стихи своего младшего товарища в затеянную вместе с Романом Солнцевым серию «Поэты Свинцового века», писатель, сопроводивший этот выпуск развернутым и крайне отрядным для поэта вступительным словом, тем самым продемонстрировал изменение позиции по отношению к Решетову, который (вот отличие от Астафьева!) из-за того, что литературные амбиции никогда не ставил выше человеческих привязанностей и обязанностей, слишком долго не покидал сначала Березники, а потом и Пермь, оставаясь для многих «фигурой областного значения». Лестно характеризую поэта, автор предисловия не скрывал обиды на то, что редчайший дар совестливости и поэтической органичности читающей Россией долго был не востребован. Виктор Петрович споспешествовал выдвижению своего протеже на Государственную премию, даже обращался по этому поводу к тогдашнему президенту, но, как позднее сам разочарованно констатировал, «не подействовало, не верят прислужники царевы, что в провинции может существовать и творить замечательный поэт, да

еще тот, который о себе вестей не подает». К слову, примечательно, что переменной взгляда на Решетова скорректировалось и его отношение к писательской прописке «во глубине России», чему примером — строки из того же астафьевского предисловия: «И ещё провинция. Много в ней, в родимой, прелести, главная из них — помогает она избавляться от суеты и сохранять цельность характера, а в случае с Алексеем Решетовым — и самобытность натуры».

В последнем своем интервью (Дмитрию Шеварову, «Урал», 2002, № 12) поэт говорил об Астафьеве так: «Я ему очень благодарен... Вообще-то он был человек строгий. Я Витю знал еще до того, как был написан “Последний поклон”. Помню, прочитал рассказ “Конь с розовой гривой” и настолько очаровался, что ходил как помешанный.... А потом он уехал на Высшие литературные курсы и вернулся с них уже не Витя, а как мне один наш общий приятель написал: “Это уже не Витя, а какая-то глыба, человечество...” Что-то невероятное, непредсказуемое с ним случилось буквально в год-два — в смысле высоты, красоты его прозы. Последнее письмо получил от него прошлым летом, книжки свои прислал, еще сам подписал...».

Если же соотносить биографически-личное с литературно-эстетическим, выходя к объемному восприятию творческого поведения этих художников, то крайне тезисно можно сказать так.

Их близость друг другу видится в следующем:

- русскость без национального чванства, преклонение перед отечественной классикой (прежде всего Гоголь, Достоевский для Астафьева, Пушкин — для Решетова (говорят, в Перми кто-то назвал его «домашним Пушкиным», тогда как Астафьев однажды аттестовал его как «современного Баратынского»);

- искренность /автобиографизм, отсутствие самосочиненности, хотя при этом у Решетова случается, что лично-житейское подчас не трансформируется в собственнопотическое «Все мои стихотворения — из жизни, навеяны жизнью и в ней коренятся. Стихотворения, что называется, взятые с потолка, я ни в грош не ставлю»;

- органичная природность творческого дара — как в значении его естественности, так и в плане расположенности к миру, где человеческое связано с природным узами нерасторжимого родства: «природы ученик» — та светодобыча в пасмурном, плохо устроенном мире — и тот и другой «светлой силой создан»: «Из тихого света» (название астафьевской попытки исповеди) и решетовская книга стихов «Тёмные светы»;

- поэзия — прозой, стихами ли — была для обоих оправданием бытия: «Спасибо, Господи, что пылинкой высаял меня на эту землю» (Астафьев), «Я не был в счастливой рубашке рождён /И грёзы мои не сбылись, /Но вырву свой грешный язык, если он /Начнёт оговаривать жизнь. /Пускай я устал от немыслимых бед /От невыносимых тягот, /Я всё-таки верю, что этот наш свет /Гораздо светлее, чем тот» (Решетов);

- способность прозреть интересное в обычном, вечное в будничном;

- совестливость и самовзыскательность: «Не выдумывайте меня, не надо. Я очень заурядный мужик <...> Чем? Почему? Заслужил я такую милость» (Астафьев в письме А. Черновой). «Мы божки от поэзии», «Поздно для хорошего поэта /Я узрел под земную траву и потоки косвенного света...» (Решетов);

- внепартийность литературная : за какой лагерь? За себя! — «ни для каких союзов не гожусь, тем более для союзов, всё более принимающих форму банд или шайки шпаны, исходящих словесным поносом и брызжащих патриотической слюной», — это признание Виктора Петровича мог повторить и Алексей Леонидович.

Кажется, есть соблазн сказать, что если бы Решетов писал прозу, то, скорее всего,

такую, какую писал Астафьев, а когда бы Астафьев писал стихи, то, вероятно, такие, что выходили из-под пера Решетова. Но это было бы неверно. Есть между ними очевидные человеческие и творческие несовпадения. Хотя бы наметчу главные:

- контактность, жизнь на миру Астафьева (достаточно вспомнить «Уху на Бога-ниде») и жизнь в одиночку, мимо социальности — Решетова;
- гражданский человек Астафьев — частный Решетов;
- страстность первого, у которого сила возмущения уродствами национального быта соизмерима с силой восхищения чудом бытия, это был «человек без середины» весь нараспашку, и сдержанность, внеконфликтность второго;
- дар Астафьева масштабнее таланта Решетова, и Виктор Петрович раньше почувствовал необходимость не только спрашивать с себя по максимуму, но и мобилизовать все свои ресурсы на то, чтобы диалог с Родиной вести без обиняков, как право на то имеющий. Алексей Леонидович был в этом отношении зажатей — и житейскими обстоятельствами, и литературным бытом провинции, и суженностью культурного кругозора (Высших литературных курсов в его биографии, в отличие от астафьевской, не случилось). Решетов имел право на исповедь, а Астафьев, который был старше поэта «на Отечественную войну», имел право и на проповедь (о чём выразительно напомнил М. Кураев).

Им было присуще исповедание веры в то, что словом можно повлиять на состояние мира и, как результат угасания этих надежд, оба мучительно сознали тщету своих усилий по совершенствованию сущего. Вот строки прозаика: «Я уже много-много раз ловил себя на мысли: умереть бы...»; «...в вольную, опустевшую башку, наряду с другими “крамольными” мыслями, влезла и та, что дело наше не только бесполезное, а и греховное. Обман с помощью слова. Как в церкви, превратив ее в театр, блудными словами сотни лет обманывают, — это называется “утешают” мирян, так и мы на бумаге творим грех, изображая и навязывая людям свое представление, в большинстве своем убогое, о таких сложных материях, как жизнь, душа, мир, Бог, бесконечность, смерть, любовь, бессмертие. Но люди читают и все еще верят лукавому слову» (В. Курбатову, декабрь 1999).

А это — строфы поэта:

*Прости меня, читатель милый,
Что часто я тебя стращал
Неотвратимую могилой
И очень редко утешал
Господней милостью и силой,
Прости, что я в тоске унылой
Дурное действо совершал.*

Горечи, а то и отчаяния в строчках того и другого в последние годы их земной юдоли становилось все больше. И такая акцентировка была обусловлена не столько внутренне, не единственно персонально-возрастными обстоятельствами (хотя и ими тоже), но прежде всего факторами куда большего — отечественного, а то и общемирового порядка.

*Раздумывать долго не надо —
Погрязшие в блуде и зле,*

*Хотим мы крошечного ада,
Хоть он уже есть на земле.* (Решетов).

А теперь вспомним горестно-усталые строки астафьевской «Эпитафии»:

*Я пришёл в мир добрый, родной и любил его безмерно.
Ухожу из мира чужого, злобного, порочного.
Мне нечего сказать вам на прощанье.*

Он сказал всё своей прозой. Как и Решетов — своими стихами.

Это были литературные индивидуальности, не вышедшие из народа. Они и суть народ, его в двух вариантах олицетворение, его двуголосие. Его надежды и его разочарования.

Если исходить из той классификации, которую предложил Лев Толстой, разделивший писателей на две категории: одни больше своих книг, другие меньше, то Астафьев и Решетов были из того, невеликого числом, ряда пишущих, которые как личности были счастливо равны своим произведениям. Наша читательская задача — быть достойными их строк.

*Кердан А. Б.,
доктор культурологии, к. филол. н., сопредседатель правления
Союза писателей России, координатор Ассоциации писателей Урала
(г. Екатеринбург)*

Тенденции развития современной русской словесности: региональный аспект (на примере осуществления культурологического проекта — создания Ассоциации писателей Урала)

Проведение в 2013 году Всероссийского литературного собрания под эгидой Президента РФ возродило надежды на объединение расколотого писательского сообщества России, воссоединение разорванного литературного пространства. Однако, спустя год эти надежды продолжают оставаться нереализованными. В этой связи представляется уместным поделиться некоторым опытом деятельности Ассоциации писателей Урала (АсПУр), которая в ноябре этого года отметила своё пятнадцатилетие. Этот опыт приобретает особый смысл в контексте современного литературного процесса, имеющего свои особенности в столице и в провинции.

Важной особенностью современного литературного процесса в столице, (правления творческих союзов находятся именно там) являются центробежные тенденции в писательском сообществе — раскол Союза писателей СССР (по национальному и идеологическим признакам), раздел писательской собственности, отсутствие работы с творческой молодежью и т. д.

Социально-экономические перемены в России поставили центральные органы основных писательских объединений, как и сами объединения в труднейшее положение: воюя за собственность, отстаивая свои принципы, удовлетворяя амбиции тех или иных лидеров, правления наших союзов на достаточно долгое время оставили

без внимания многие провинциальные организации, особенно, далекие от столицы территориально. Достаточно привести несколько примеров: многие руководители областных писательских организаций годами не приглашались на пленумы СП, в московских издательствах перестали публиковать книги даже таких известных авторов, как В. Крапивин, В. Потанин, А. Решетов, В. Астафьев. Более десяти лет ни один из писателей-уральцев не получил ни одной всероссийской премии и т.д.

И главное центральные правления не осуществляли свою основную задачу – стратегическое планирование и координацию деятельности организаций, входящих в творческие союзы. Последствия этого «столичного» раскола ощутили, в первую очередь, литераторы, живущие в российской провинции. И хотя «провинциалы» продолжали работать, бороться с трудностями, издавать книги, но были разобщены, лишены поддержки сверху, не координировали свои усилия.

Вместе с тем, в литературном процессе в глубине России в последнее десятилетие все явственнее ощущались центростремительные тенденции.

Наиболее ярким примером в этом направлении является деятельность Ассоциации писателей Урала, созданной в 2000 году. Целью нового объединения стало сшивание разорванного литературного пространства. Неоднократно говорил об этом и не боюсь повторить снова: считаю значимым прецедент такого объединения. Он показывает, что восстановление литературных связей, отстаивание самобытности русской культуры и отечественных духовных ценностей можно и должно проводить методом консолидации всех здоровых творческих сил, привлекая для участия в общих делах представителей разных творческих союзов.

На первой учредительной конференции были приняты стратегические направления деятельности Ассоциации, включающие в себя следующие направления работы:

- интеграция;
- работа по формированию литературных кадров;
- социальная поддержка писателей;
- собственно издательская деятельность.

Принцип единства слова и дела, интеграции всех творческих сил региона был поставлен у нас во главу угла с первых дней образования АСПУр. Этот принцип, на наш взгляд, и принес интеграционные результаты. Ведь силком никого и никуда не заманишь. Но, когда люди видят, что где-то, простите, не только языком чешут, но и что-то настоящее делают, не враждуют, а объединяются и совместными усилиями достигают положительных результатов, то никакой агитации не нужно. Сегодня мы объединяем 23 республиканских, областных (окружных) писательских организаций: из них: 15 – Союза писателей России, 5 – Союза российских писателей, Нижневартское содружество писателей и Ассоциацию Тюменских литераторов, которая несколько лет назад сделала еще один шаг вперед по пути консолидации: выступает теперь от имени двух Тюменских организаций единым юридическим лицом перед городскими и областными структурами.

Притягательность подобного объединения очевидна: в составе АСПУр было 5 организаций в 2000 году и 23 – в 2015-м. На недавнем пленуме СП России ко мне подошли руководители Ставропольской организации с просьбой принять их в Ассоциацию. Пришлось отказать – ну, никак их пожелания не совпадают с региональным делением России.

Конечно, интегральные процессы – это не только прием в Ассоциацию новых членов, проведение ежегодных конференций, но и возрождение связей с соседними

регионами, обмен «творческими десантами», проведение межрегиональных поэтических фестивалей, марафонов. Примеров подобной деятельности АСПУр можно привести еще немало. Остановлюсь только на одном. С 2000 года мы вынашивали идею проведения пароходного писательского десанта по Иртышу и Оби. В 2002-м во время рабочей встречи с Губернатором Югры эта идея была озвучена нами. В 2006 году это начинание было осуществлено. Сами встречи с читателями на протяжении маршрута от Нижневартовска до Ханты-Мансийска показали, как соскучились люди по писательскому слову, как ждут они этих встреч. Так, что слухи об угасании интереса к литературе в России, усиленно муссируемые в некоторых телепередачах, я думаю, сильно преувеличены. Восемь лет мы добивались возможности создания библиотеки для семейного чтения в масштабе Федерального округа. И такая библиотека появилась, но увы только в Свердловской области. По примеру Свердловчан четырёхтомную библиотеку писателей Ямала выпустило Северное книжное издательство и содружество «Литератор Ямала». Это первый реальный шаг к объединению всех писателей, живущих в регионе.

Второе важнейшее направление деятельности АСПУр — работа с литературной молодёжью. По принципу лес рубят, щепки летят, сошли на «нет» или дышат на ладан бывшие «толстые» литературные журналы, занимавшиеся отбором, воспитанием, публикацией произведений талантливой молодёжи. В масштабах России с 1989 года (со времени проведения IX Всесоюзного совещания молодых писателей, участником которого, мне лично довелось быть) не проводилось сколько-нибудь значимой работы с теми, кто пробует свои силы на литературном поприще. 14 лет (с 1986 по 2001 годы) не организовывалась литературная учёба в регионе.

Всё это и побудило Ассоциацию писателей Урала одно из стратегических направлений своей деятельности определить, как работу по формированию литературных кадров. Когда в 2001 году завершилась подготовка к первому Всеуральскому совещанию молодых писателей, которое благородно согласилась принять на своей территории Администрация Нижнего-Тагила, мы, организаторы совещания, увидели, что из 45 поэтов и прозаиков, представляющих Екатеринбург, Пермь, Челябинск, Уфу, Курган, Оренбург, Тюмень и Ханты-Мансийск добрая треть — люди в возрасте около сорока (и даже с хвостиком) лет. Ещё одна треть — те, кому уже за тридцать. Может, это и не главное, скажете вы, вспомнив, что, например, Аксаков начал писать в пятьдесят пять и стал известным писателем. И всё же, общепринято, когда речь заходит о литературной молодёжи, говорить о людях в возрасте до 35–36 лет. В целом же, средний возраст участников подобных литературных совещаний, как правило, в советские годы составлял 25–26 лет. А у нас — почти сорок! Так жестко сказался на возрасте наших участников длительный перерыв в подобной работе. Забегая вперед, замечу что средний возраст тех, кто приехал в Каменск-Уральский на Всероссийское совещание, проведенное АСПУр в 2007 году, уже равнялся традиционному и был равен 25 годам. Сегодня на совещания приезжают по настоящему молодые люди 18–20 лет. Значит, прошедшие совещания были не напрасными, они смогли выполнить свою задачу — ликвидировали временной наплыв, восполнили недостающий пробел в эстафете литературных поколений, активизировали творчество молодой плеяды литераторов.

Сегодня, благодаря работе организаций, входящих в АСПУр, в регионе налажена целая система подготовки литературных кадров. За десять лет нашей работы проведено 3 международных, 2 всеуральских и 4 всероссийских совещания молодых писателей. Очередные совещания молодых писателей проведены: международное —

в мае 2015 года в Каменске-Уральском, второе межрегиональное в 2015 году в усадьбе Аксакова в Оренбургской области.

Для любителей статистики замечу: через проведенные АСПУр совещания прошло более 800 талантливых молодых поэтов и прозаиков. Около 90 из них были рекомендованы и стали членами Союза писателей России и Союза российских писателей. У семидесяти пяти по рекомендации совещаний вышли в свет первые книги, произведения подавляющего большинства семинаристов опубликованы в различных сборниках и альманахах. Конечно, работа с молодыми литераторами не укладывается ни в какие цифры. Это, в общем-то, в каждом случае индивидуальный процесс творческого роста. Но и с этой точки зрения, есть примеры просто замечательные. Алексей Иванов из Перми, Наталья Поляченко из Кемеровской области, Наталья Куваева из Сургута, Николай Семенов (Вячеслав Коркодинов) из Нижнего Тагила, Алексей Лукьянов из Соликамска не только стали членами профессиональных союзов, но и получили заметное признание в своих регионах и в России. Примеры того, что наши совещания – достойный трамплин для талантливой молодежи, можно продолжить...

Однако, было бы неверным, говоря о системе работы с молодёжью в регионе, не сказать, что существуют и другие формы этой деятельности. Уже несколько лет действует литературное отделение при ЕГТИ (совершенно уже несколько выпусков). Активно работают областные и городские литобъединения в Челябинске (руководитель – Нина Ягодинцева), в Перми (Фёдор Востриков), в Полевском (Анатолий Азовский), в Оренбургском университете (Вячеслав Моисеев), в Кургане (В. Ф. Потанин), в Тюменском государственном университете, (В. П. Крапивин), в Омске (Т. Четверикова). Важно, что сложилась замечательная цепка: литературные объединения – это своего рода трамплин для выхода на уровень областных и всероссийских совещаний молодых, но и совещания стали играть роль стимулятора работы с творческой молодёжью в регионах. И еще, конечно, они позволяют литературной молодежи узнавать друг друга, устанавливать творческие и человеческие связи, которые станут фундаментом будущего литературного ландшафта.

Новой формой работы в этом направлении стал обмен молодежными делегациями между организациями, входящими в Ассоциацию. В прошлом году свердловчане, омичи и оренбуржцы побывали в Тобольске, где их гостеприимно принял Фонд «Возрождение Тобольска», возглавляемый Аркадием Елфимовым, а затем через месяц встретились на оренбургской земле. Беспрецедентным является тот факт, что на грант, полученный Вячеславом Моисеевым для издания первых книг молодых авторов его региона, издан первый сборник молодой поэтессы из Омска. Это ли не пример для подражания?

Можно сказать, что Ассоциация писателей – это испытательный полигон, своеобразная лаборатория форм литературной работы. Зародившись в Екатеринбурге, стали традиционными и в других городах и весях Урала и Сибири и «творческие десанты», и поэтические марафоны. Уже второй год в Барнауле колесит поэтический трамвай, а «поэтические дуэли», как форма соревнования поэтов, рожденные пермяками, подхвачены в других местах. В разных городах действуют интеллектуальные клубы, созданные по примеру екатеринбургского. На их заседаниях происходят жаркие дискуссии между писателями, учеными, политиками, бизнесменами, формируется новая интеллектуальная элита региона. И это тоже во многом заслуга нашей Ассоциации.

Ещё одним важным направлением работы является книгоиздание. Понимая, что в условиях рынка нам трудно тягаться со столичными издательскими монстрами, ос-

новную ставку мы сделали на издание книжных серий. Многие из них у вас давно на слуху: «Библиотека семейного чтения», «Библиотека поэзии (прозы) Каменного пояса», «Мой исторический роман», «Марафон», «Визитная карточка поэта», «На разных языках». Одним из последних проектов стала «Библиотека российской поэзии», учреждённая нами совместно с Союзом писателей России и Санкт-Петербургским издательством «Маматов». Во всех этих сериях издано в целом больше ста книг.

Знаковым событием для нас стало учреждение в этом году собственного издательства «АсПУр», в котором уже вышли в свет несколько десятков книг стихов и прозы уральских литераторов.

Ещё одним ярким примером единства слова и дела является альманах Ассоциации «Чаша круговая», где помимо стихов и прозы писателей Урала, Поволжья и Западной Сибири, публикуются мемуары, литературная критика, переводы. Он особенно важен сегодня, когда, тиражи книг, издаваемых в регионе, составляют от 100 экземпляров до тысячи — сборники стихов; от пятисот до двух-трёх тысяч — книги прозы.

Четыре года выходит в свет газета-журнал Ассоциации писателей Урала «Большая медведица» (БМ) — аналог уральской «Литературной газеты». Вышло в свет 39 номеров. Помимо прочего, «БМ» — издание необычное, выступающее своеобразным мостом между писателями, книгоиздателями, книготорговцами и читателями. Такая газета нужна и учителям русского языка и литературы, которые жалуются на отсутствие региональных хрестоматий, и ученым-филологам, и, конечно, всем любителям русской литературы.

Большое внимание уделялось нами социальной поддержке писателей. Два года назад нами учреждена медаль «За служение литературе». Ею были награждены 109 писателей и общественных деятелей. Замечательными стимулами и знаками общественного признания стали для наших поэтов, прозаиков, краеведов и критиков литературные премии, среди которых: Всероссийская литературная премия имени Д. Н. Мамина-Сибиряка, Международная премия Владислава Крапивина, премия «Урал промышленный — Урал полярный». За прошедшие годы этих наград удостоено более 80 писателей (в том числе Владислав Крапивин, Юрий Афанасьев, Роман Ругин, Пётр Краснов, Виктор Потанин и др.), а два десятка юных литераторов получили гранты от Фонда Владислава Крапивина. В этом году совместно с Литературным Фондом России и Союзом офицеров запаса Свердловской области нами учреждена Международная литературная премия «Честь и Отечество». В 2010 году учреждена литературная премия имени широко известного на Урале поэта-фронтовика Венедикта Станцева, которая четвертый год вручается поэтам, пишущим на военно-патриотическую тему.

Всё вышеизложенное, свидетельствует о позитивных тенденциях литературного процесса в обширном регионе России: от Ямала до Оренбуржья и от Алтая до Республики Коми. Этот опыт мог бы лечь в основу объединительной практики в России в целом. К сожалению, наш опыт пока нигде не нашел адекватного применения. Другой Ассоциации, подобной нашей Уральской, больше в России нет. А неоднократно заявляемые на съездах крупнейших творческих союзов намерения по созданию подобного, реально действующего объединения, остаются только декларацией. Это, увы, не прибавляет авторитета писательскому сообществу и при выстраивании партнерских отношений с государственными и общественными институтами.

В заключении позволим себе некоторые выводы:

1. Современный литературный процесс в России — явление сложное, противоречивое. С одной стороны, это последовательное развитие динамичной системы

литературных родов, жанров, мотивов, сюжетов, образов, стихотворных и прозаических форм, средств языка, приемов композиции; с другой, взаимодействие целого ряда субъектов и объектов (семьи, государственных институтов, образовательных и библиотечных учреждений, музеев) по оптимизации творческого процесса, книгоиздания и пропаганды отечественной книги.

2. Литературный процесс протекает непрерывно и неоднородно. Он имеет специфику проявления в столицах и в провинции. Деятельность Ассоциации писателей Урала – яркий пример консолидации творческих сил в провинции.

По сути, и Москва откололась от провинции, и, по словам критика Александра Михайлова, литература стала крутиться на пяточке Москва – Петербург – русское зарубежье. А огромные силы провинции оставались разрозненными и невостребованными. Каждая организация была сама по себе и делала свою маленькую литературку. Ассоциация писателей Урала создала общий литературный контекст для огромного региона, и сегодня это уже стратегическая работа.

3. Основными тенденциями современного литературного процесса на наш взгляд являются:

- снижение роли слова и художественной литературы в целом в общественной жизни России;
- снижение роли государственных институтов, как факторов формирования литературного процесса и возрастание роли в нём институтов гражданского общества;
- возрастание центробежных тенденций в столице (разобщенность участников процесса, появление новых течений литературного творчества) и центростремительных тенденций – в провинции (консолидация усилий, интеграция писательских сообществ);
- все более тесное смыкание вербального творчества с другими видами и жанрами искусства (кино, театр, Интернет-культура).

В условиях современного литературного процесса, когда продолжают попытки разорвать единое литературное пространство, прервать связь времен, значение русских патриотических традиций, которые исповедовали наши великие предшественники, переоценить невозможно. Следование им представляется едва ли не единственной возможностью выхода из тупика и реальному возрождению роли отечественной словесности в формировании новых поколений россиян.

Ковалёва А. М., доцент,

Шереметьева О. А.,

старший преподаватель, научный сотрудник,

(Кафедра современного русского языка и методики его преподавания,

ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический

университет им. В. П. Астафьева»)

Композиция и сюжет повести В. П. Астафьева «Кража»

По словам В. П. Астафьева, повесть «Кража» является «самым крупным произведением из раннего периода работы». Впервые она была напечатана в журнале Сибирские огни в 1966 году. С тех пор «Кража» переиздавалась в нашей стране и за рубежом много раз. В архиве краеведческого музея сохранились отзывы редакторов

издательств, выпускавших повесть, а также письма читателей и бывших воспитанников детского дома г. Игарка. В 1969 году литературное обозрение издательства «Народ и мир» г. Эрфурта (Германия) написала о повести «Кража»: «Эта книга — нечто большее, нежели изложение педагогических возможностей воспитания в отношении сбившихся с пути подростков. То, что показывает Астафьев — это баланс эпохи. Это необходимое дополнение к истории политических процессов» [3].

В то же время нами обнаружено отсутствие серьезных исследований этого произведения. Изучение специфики композиции и сюжета произведения предполагает выявление общих принципов организации всех элементов, рассматриваемых в диалектическом единстве типологического и индивидуального, что требует актуализировать в предполагаемой работе те параметры анализа сюжетно-композиционной организации текста, которые до сих пор не рассматривались.

Повести «Кража» присущи устойчивые черты сюжетно-композиционной организации данного жанра. Но в произведении каждая из 14 глав имеет самостоятельную художественную значимость. Например, на основе событий первой главы позднее был создан киносценарий «Трещина». В повести рассказывается «об обездоленных советской властью детях, о погубленных и замученных в тяжких ссылках их родителей» [1:494].

Композиция повести выстраивается таким образом, что читательское напряжение нарастает от начала повести, представленной «смертью Гошки Воробьева», и до финала.

С нашей точки зрения можно выделить несколько моментов наибольшего читательского напряжения, которые называются опорными точками композиции. К ним можно отнести: смерть одного из героев, Гошки Воробьева, описание банного дня, кражу денег, драку в детском доме, кутеж воспитанников, дело с Попиком, приезд детей кассирши, решение таскать дрова, возвращение денег и отъезд домой детей кассирши. Здесь проявились и обозначились главное содержание и проблематика повести, их анализ имеет первостепенную важность, так как они не только ведут читателя по художественному произведению, но помогают раскрыть его смысл. В повести опорные точки композиции совпадают с элементами сюжета, прежде всего с кульминацией и развязкой. По нашему мнению, кульминацией повести является приезд детей кассирши в детский дом. В связи с этим событием обостряется внешний и внутренний конфликты (противостояние двух группировок детдомовцев и осознание своего поступка). Развязкой повести является возвращение денег и детей матери.

Художественная форма повести складывается из отдельных образов, которые можно объединить в группы: взрослые и дети. Их взаимодействие между собой несут особую смысловую нагрузку, воплощая важную для автора мысль. «Валериан Иванович, воспитатели — все взрослые люди — старались устроить жизнь детдомовских ребят так, чтобы они как можно реже занимались воспоминаниями, не бередили бы и без того больные души» [1:272].

Главные герои «Кражи» — дети, которые по словам В. П. Астафьева, «имели прекрасное свойство не воспринимать «всерьез» окружающую действительность. Они находили интересные способы жить и на вечной мерзлоте, и в лесотундре, но главное — вырастить полноценными людьми» [1:494]. Строго и с любовью творца Астафьев рассматривает главного героя Толю Мазова, развитие которого в детдоме показательно для проблемы интегрирования беспризорных подростков в новое общество. Герой повести, наделенный чувствами, которые иногда берут над ним верх, все боль-

ше завоевывает симпатию читателей. Кража из кассы — формальный, детективный прием, который использует писатель, чтобы показать нравственные изменения главного героя. Последствия этого события становятся для Толи решающим поворотом в судьбе.

Для более детального рассмотрения композиции нами использовались приемы, разработанные А. Б. Есиным (повтор, усиление, противопоставление, монтаж). На наш взгляд повесть В. П. Астафьева имеет кольцевую композицию, которая несет особый художественный смысл, так как устанавливается композиционная перекличка между началом и концом произведения. События первой главы заканчиваются прощанием с Гошкой Воробьевым на заповедном кладбище, и в финале повести мы видим описание того же кладбища, на которое пришел главный герой Толя Мазов, чтобы «покаяться мертвому Гошке Воробьеву, покаяться и за себя, и за людей» [1:481]. Таким образом, через этот повтор сцен Астафьев реализует идею тождества начала и конца, возврат к пройденному, но на другом уровне.

Следующий композиционный прием, который используется автором повести — монтаж, при котором два образа, расположенные в произведении рядом, рожают новый, третий смысл, появляющийся от их соседства. Этот прием используется Астафьевым в описании многих событий. Так, например, смерть и похороны Гошки Воробьева соседствуют с рассказом о нем. Вместе эти два эпизода создают ту трагическую атмосферу события, которую описал автор: «На лесозаводе вдруг запел гудок, сишло, протяжно... в душе у каждого из них звучал и звучал прощальный гудок» [1:283]. Описание «гулянки детдомовцев на украденные деньги» и приезд детей кассирши. Соседство этих двух эпизодов раскрывает низменность совершенного проступка и тех страшных последствий, к которым он привел.

В повести присутствует внутренняя композиция сюжета. Одним из её приемов является нарушение хронологии или фабульной последовательности, так называемая «ретроспекция», когда по ходу развития сюжета автор делает отступления в прошлое, как правило, во время, предшествующее завязке. Так, по ходу сюжета мы сталкиваемся с различными предысториями из жизни детдомовцев: Гошки Воробьева, Толи Мазова, Жени Шорникова, Маруси Черепановой, Зине Кондаковой. Очевидно, автору было необходимо рассказать о прошлом своих героев, чтобы объяснить их поведение. В основном все воспоминания связаны с болью, трагическими обстоятельствами в жизни героев, и только у Толи Мазова в прошлом есть светлые воспоминания о своем дедушке и Ибрагиме, что является предпосылкой для его нравственного изменения.

Таким образом, мы сталкиваемся с нарушением фабульной последовательности: разновременные события даются вперемешку, повествование всё время возвращается из момента совершающегося действия в разные предыдущие временные пласты, потом опять обращается к настоящему, чтобы снова вернуться в прошлое. По мнению А. Б. Есина, такая композиция называется свободной. Он также замечает, что «это явление характерно преимущественно для писателей XX века. И отражает обострившееся и углубившееся понимание писателями связей прошлого и настоящего [2:156].

Помимо сюжета в композиции повести присутствуют внесюжетные элементы, которые так же важны. И если сюжет является динамической стороной произведения, то внесюжетные элементы замедляют действие, но не влияют на напряженность повествования. В повести «Кража» внесюжетным элементом выступает в основном описание как литературное изображение внешнего мира. Так в произведении присутствует описание города Краесветска: «Город был новый, и все в нем было новое: за-

воды, дома магазины, пристани, школы больницы. Но, как и во всяком новом городе. В Краесветске не планировалось строительство тюрем, домов инвалидов, исправительных колоний, детприемников. Все это возникало само собой» (301); заполярной весны: «Икрится снег, и тайга худосочная отодвигается, сизеет, небо выше, видно дальше. На вырубках снег в серых пятнах, выступает наледь на озерах, потеют торфяники на марях, и расплюснутые кустарники, спутавшись меж собой, как проволока, выпрастываются из-под снега один по одному: отбедовали зиму вместе — и хватит» [1:300].

А. Б. Есин обращает внимание на то, что многие писатели особенно тщательно работают над последней фразой, которая является последней опорной точкой. А. П. Чехов указывал начинающим писателям, что последние фразы должны звучать «музыкально», такой же точки зрения придерживался В. П. Астафьев. Концовка повести «Кража» включает в себе одну из опорных точек: «Всякий раз сияние было ново, всякий раз наполняло оно душу трепетом и захватывающим ожиданием чуда. Хотелось ребятам запомнить все, унести эти позари, волшебное ощущение, возникающее от колдовства их навсегда с собою... Они не дышали, пораженные загадочностью и могуществом того мира, который им предстояло открыть. А открывши — жить в нем» [1:485]. Через описание северного сияния, которое воспринимается детдомовцами как чуда, автор раскрывает их внутреннее состояние в наиболее кризисный момент жизни.

В заключение скажем о тех общих свойствах композиции и сюжета, в которых воплощается художественное своеобразие повести «Кража». Тип композиции повести нами определен как сложный, так как в самом построении произведения в порядке сочетания его частей и элементов воплощается особый художественный смысл: последовательная смена повествования и нарушение хронологической последовательности, монтаж, повтор, усиление и т. д.

Список используемой литературы:

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2 Повести — Красноярск: ПИК «Офсет», 1997. — 496 с.
2. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. — 5-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2003. — 248 с.
3. Документы из архива Красноярского краеведческого музея.

*Гончаров П. А.,
заведующий кафедрой, профессор, д. филол. н.,*

*Гончаров П. П.,
доцент, к. филол. н., доцент кафедры
(Кафедра русского языка и литературы,
ФГБОУ ВО «Мичуринский государственный аграрный университет»)*

Проблемы типологии астафьевского героя

В недатированной «Затеси», содержание и пафос которой могут быть соотнесены с концом 1980-х — началом 1990-х годов, В. Астафьев рассказывает о конфузе, участником которого помимо автобиографического героя стал некий незадачливый майор, угодивший в раскрытый люк колодца связи и вызволенный оттуда сердобольными прохожими. Вместо слов благодарности обомлевшие прохожие услышали от

вываленного в мазуте командира: «А кар-ту-уз?! Картуз кто за вас доставать будет?!» [1, т. 7, с. 175]. Характерно, что при публикации «Затесь» получила название «Гоголевский тип». Таким образом, писатель сам обозначил свойственное и ему стремление к классификации, типологизации воссозданных им литературных типов, героев, персонажей.

Традиционно понятие литературный герой определяется как «главное или одно из главных действующих лиц в прозаическом или драматическом произведении; художественный образ человека, являющегося одновременно субъектом действия (т. е. действующим лицом произведения) и объектом авторского исследования» [4, с. 40].

По определению Н. Д. Тамарченко, литературный герой «часто не отграничивается, с одной стороны, от типа — когда последнему приписывается нормативное для всякого образа единство индивидуального и общезначимого, с другой стороны — от характера, когда таковым считается всякое изображение человека в словесном искусстве. Нивелирующую роль играет, очевидно, понятие "образ"; разграничительную — понятие "персонаж"» [12, стб. 176–177].

Соответственно этому типология — это, во-первых, метод научного познания, в основе которого расчленение систем объектов и их группировка по определенным параметрам, а во-вторых, результат типологического описания и сопоставления героев, персонажей, характеров литературного произведения.

Персонаж, герой, тип героя, характер, образ, этносоциальный тип, тип человека, явившегося основой для литературного типа, характера, образа — все эти и другие, созвучные им понятия, находятся в отношениях сложнейших прямых и опосредованных системных и частных связей. Классификация и типологизация главных героев и персонажей произведений В. Астафьева осуществляется литературной критикой и литературоведением по различным принципам, с помощью различных методов и средств.

Среди этих методов и средств необходимо указать традиционный для истории отечественного литературоведения, восходящий к поэтике классицизма, способ выделения «отрицательных» и «положительных» героев, когда критериями разделения служило соответствие /несоответствие литературного персонажа принятому в обществе некоему «идеалу» человека соответственно ему — идеального и противоположно-го идеалу героя. В соответствии с этими критериями выделялся «злодей», собственно «герой», «лишний человек», «маленький человек», нигилист, герой-борец и т. п.

Существует мнение, что русская проза XX века дала читателю несколько концептуально значимых типов героя, характеров, персонажей. Среди них — герой, борющийся за политическую и социальную свободу. Составная свободы в представлении человека XX столетия — это и его независимость от «слепых сил природы» (Н. Федоров), её «капризов», как принято было говорить, а по сути — независимость, «свобода» от её законов. «Преобразователь» и «покоритель природы» продолжил собой ряд героев-борцов, хотя смена идеологических векторов часто приводила к тому, что в творчестве одного и того же писателя этот персонаж вытеснялся фигурой противоположной (Л. Леонов как автор «Соти» и «Русского леса», например).

Ярким открытием литературы XX века стал также персонаж, увлеченный поисками «правды», «истины» в их нравственном смысле. Это всеобъемлющий тип, к которому близки персонажи А. Куприна, Л. Андреева, Б. Пастернака, В. Шукшина, В. Максимова, В. Распутина и многих других. Думается, что не менее значимым откровением XX века с его стремлением подчинить жизнь политической доктрине, «по-

корить» природу и даже природное в человеке машине государства стал в русской литературе тип «природного» героя, «природного человека» (понятие М. Пришвина, развитое С. Залыгиным).

«Природный человек» так или иначе стремится противопоставить себя агрессии цивилизации, пытается увидеть в гармонии человека и природы основу будущего самосохранения человечества. В сознании этого персонажа жизнь воспринимается не как овеществленная идея свободы, но как состояние «долженствования». В этом же ракурсе оценивается и позиция человека по отношению к земле, олицетворяющей собой живую и «неживую» природу» [8, с. 11.].

По определению С. И. Кормилова, характер есть «определенность образа: социальная, национальная, бытовая, психологическая» [10, стб. 1165]. Характер в известном смысле является индивидуальным проявлением типа. Вместе с тем, характер — это тот конкретный значимый образный материал, из которого и складывается абстракция типа. С другой стороны, характер, как и литературный тип, есть субъективно воспроизведённый жизненный тип, восходящий к реальной действительности. Писательская характерология, как и литературоведческая типология характеров, оказываются областями знания, пограничными с социологией, этнологией и этнопсихологией.

Как известно, первый астафьевский рассказ «Гражданский человек» (1951) был посвящен военной судьбе сибиряка Моти Савинцева. Примечательно, что окончательная редакция рассказа получает название «Сибиряк» (1959). Тем самым автор приближает своего первого героя не только по воинскому облику, но и по землячеству к себе, а понятие «сибиряк» с этого момента всё более наполняется в его творчестве особым духовным, нравственным и психологическим содержанием. Заметим, что астафьевский «сибиряк» соотносится с понятием «природный человек» не только и не столько как часть и целое. Здесь более сложные отношения. Сибиряк в произведениях Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Шишкова — это персонаж, умеющий прежде всего противостоять суровой природе Сибири. Однако уже в 1920–1930-е годы в произведениях В. Арсеньева, М. Пришвина героем-протагонистом оказывается персонаж, живущий «в обнимку» с суровой природой.

Свои основные характерологические свойства астафьевский сибиряк получил в повести «Стародуб». Здесь Астафьев обращается, как при других обстоятельствах и с другими целями Л. Толстой, к типу «естественного человека», красивого своей близостью к природе, чтящего «таежный закон» [1, т. 2, с. 148]. Общим с повестью Л. Толстого оказывается здесь не только «естественный» герой, но и этнографическая тема — неизведанный староверческий уклад. Героям повести Л. Толстого (Ерошке, Марьяне и даже Оленину) можно отыскать параллели в повести В. Астафьева. Следопыт, возвращенный суровой сибирской природой и природу оберегающий, обожествляющий — таков сибиряк Астафьева конца 1950-х годов. Характерно, что Астафьев этого времени стремится избавить сибиряка от элементов штампа.

«Там люди редки без клейма, живут там только варнаки!» — Н. А. Некрасов не создавал этот миф о Сибири, он его только сформулировал и воспроецировал. Однако такое представление о сибиряке было чуждо уже не только Н. Некрасову, но и авторам «Записок из мертвого дома», «Острова Сахалина», «Приваловских миллионов». В XX веке этот штамп активно разрушался в «Угрюм-реке» В. Шишкова, в романах «Дерсу Узала» В. Арсеньева, «Жень-шень» М. Пришвина, в произведениях С. Залыгина, В. Шукшина, А. Вампилова, В. Распутина.

Но именно такое представление о Сибири и сибиряках продолжает существовать и в наши дни. Уже в начале XXI столетия исследователь «сибирского интертекста» В. И. Тюпа констатирует: «Уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни» [14, с. 256].

В прозе и художественной беллетристике тенденция изображения Сибири как края, населенного сплошь бывшими уголовниками, с течением времени только обострилась. Так, Э. Тополь, писатель-диссидент, много потративший сил в борьбе с «имперской» мифологией, один из этих мифов воспроизводит в романе «Русская дива». Один из встреченных героем-рассказчиком сибиряков рассказывает о себе: «Открываю своим ключом дверь — думал ей сюрприз сделать. Захожу, а они в кровати с нашим соседом, ага! <...> Я их табуреткой порешил обоих, ага» [13, с. 91–92]. Открытый, широкий, размашистый, — эти свойства Э. Тополя тоже отмечает в эпизодическом персонаже своего романа, — но непременно с криминальными склонностями, с уголовным прошлым.

Астафьев пытается опровергнуть этот штамп общественного сознания уже в повести 1960 года «Звездопад». Главного героя, вопреки сибирской родословной, Астафьев изображает тонко чувствующим, интеллигентным и легко ранимым персонажем. Контрастным в этом плане выглядит и его имя, омонимичное фольклорно-просторечному именованию медведя. В одной из ключевых сцен повести это имя обыгрывается и в связи со стереотипами представлений о Сибири:

«— И до чего же ты сердитый, Мишка-Михей! — У нас вся рода такая. Медвежатники мы. — Какие медвежатники? Медведей ловили, что ли? — Ага. За лапу. Дед мой запросто с ними управлялся: придет в лес, вынет медведя за лапу из берлоги и говорит: “А ну, пойдем, миленький! Пойдем в полицию!” И медведь орет, как пьяный мужик, но следует» [1, т. 2, с. 227].

С начала 1960-х годов сибирский вектор характерологии Астафьева в значительной степени совпал с исканиями «деревенской прозы». Кстати, «деревенская проза» в свете нашей проблемы представляется в преобладающей мере «сибирской прозой» 60–80-х годов XX века. Сибиряки Шукшин, Залыгин, Астафьев, Вампилов, Распутин, и другие оказываются лишь слегка «разбавленными» Абрамовым, Беловым, Крупинным — писателями русского Севера, бывшего, как известно, исторической прародиной сибиряков.

«Общим свойством жанровой структуры всех рассказов, вошедших уже в первое издание «Последнего поклона» (1968), была присущая им очерковая этнографичность» [7, с. 109]. Автобиографический персонаж «Последнего поклона» лишен матери и отца, его «семья» из-за этого спонтанно расширяется до уровня рода, а благодаря образам «бабушки-Енисея и «тайги-мамы» — и до уровня всей Сибири. Этот сложный образ (бабушка, дед, тетки и дядя, сводные и двоюродные братья, дальние родственники и их близкие) представляет в прозе Астафьева его модель сообщества Сибири, скрепленной кровными и духовными связями. Семейный, родовой коллективизм, этическая преемственность, любовь к «братьям нашим меньшим», умение выстоять в суровых климатических и социальных условиях, не растеряв человечности, сочувствие терпящим бедствие, преданность малой и большой родине, умение постоять за правду — вот немногие из тех свойств сибиряка, которые присущи героям «Последнего поклона».

Н. Ю. Желтова утверждает, характеризуя отношения между русским человеком и природой: «Русский человек никогда не стремился утвердить над ней свою власть, он с ней всё время содружествовал, уважал её не за силу, а за гениальное гармоничное устройство всего сущего» [9, с. 57]. — Усомнимся, что «никогда». Но применительно к сибирякам здесь можно увидеть и влияние представлений аборигенов Сибири. Так, рассуждая об инонациональных героях в прозе В. Г. Распутина, Г. Ц. Бадугева не без оснований видит истоки распутинских образов старух в «инонациональном природном герое» (3, с. 283). В частности, об изображенных в очерках раннего Распутина тофаларах — коренном народе Саян, исследовательница заключает: «Одной из отличительных черт менталитета тофалар и других коренных народов является удивительное смирение перед разнообразными, порой самыми разрушительными проявлениями природной мощи. Причина подобного отношения к явлениям действительности, на наш взгляд, кроется во врожденном понимании несоизмеримости природных и человеческих сил, непостижимости миропорядка и невозможности на него повлиять» [3, с. 286]. — Усомнимся в возможности «врожденного понимания», но сделаем основанное на этом умозаключении предположение, что астафьевский (как во многом и распутинский, вампиловский) сибиряк наследует и усиливает желание и умение «содружествовать» с природой и русского человека, и аборигена Сибири.

Теоретик литературы В. Е. Хализев среди многих дефиниций понятия «характер» приводит и следующую, наиболее близкую нам: «не жизненная основа изображаемого, а персонаж, воспроизведенный в многоплановости и взаимосвязи его черт, а потому воспринимаемый как живое лицо» [15, с. 47]. Живое же «лицо» склонно иметь не только личностные свойства, но и свойства, роднящие его с различными историческими, социальными и этногеографическими общностями людей. Сибиряк в творчестве В. Астафьева имеет достаточно много общего и с типом свойственного для XX столетия героя-правдоискателя, и с литературным типом «естественного человека». Вместе с тем, сибирский герой Астафьева — явление уникальное и по своей истории, и по своим сущностным свойствам.

«Царь-рыба» — во многом знаковое произведение «сибирского текста» 1970-х годов. Повесть предельно населена. Но в этом «сонмище людском» наибольшим вниманием и наибольшими симпатиями автора пользуется бездомный, бессемейный, растерявший многочисленных братьев и сестер «касышек», уроженец низовьев Енисея, «сельдюк узкопятый» по имени Аким.

Аким воспитан не традиционной деревней (Боганида — советский поселок и колхозная бригада одновременно), но на этических основаниях, которые восходят к деревенскому «миру», обществу, давшему ему правила выживания в суровых условиях Сибири. Аким, сибиряк, соединивший в себе русскую и аборигенную кровь («У матери мать была долганка, отец русский» [1, т. 6, с. 222]). В этом плане астафьевский персонаж — «младший брат» вампиловского Ильи Еремеева — бездомного (если не считать домом тайгу!) скитальца, «эвенка по национальности», героя знаменитой пьесы «Прошлым летом в Чулимске». Аким, так же как и его вампиловский поворот, простодушен, щедр, незапамятен. Аким вообрал в себя представления автора о сильных и уязвимых свойствах сибиряка и шире — русского человека 60–70-х годов XX века. Но в главе «Поминки» Астафьев высмеивает даже мысль о возможности участия Акима в преступлении. Глава пародирует не столько жанр детектива, сколько штампы восприятия Сибири в массовом сознании. Бесстрашие Акима, смелость, мужество могут быть направлены на спасение людей, на зверя, но не против человека.

Даже с Гогой Герцевым он готов «стреляться» лишь в ответ на вызов этого «свободного» от морали авантюриста. Астафьев «избавляет» симпатичного ему персонажа от данного слова: Герцев гибнет сам, точнее — его наказывает природа. Однако плачевные результаты «деятельности» Гоги (униженный инвалид, погибающая подруга) приходится исправлять Акиму.

В Акиме нет свойств романтической исключительности. Его одиночество и бездомность могли бы выглядеть в качестве таких свойств, но Астафьев дает им совершенно не романтическое объяснение: любит выпить, излишне простодушен, даже легкомыслен. В тексте главы-рассказа «Поминки» Аким пять раз назван «зверобоем» [1, т. 6, с. 267, 268, 276, 284, 285]. Такое именование выглядит отчасти ироническим. Внешний облик персонажа зауряден: «паренек в светленьких и жидких волосенках, с приплюснутыми глазами и совершенно простодушной на тонкокожем, изветренном лице улыбкой» [1, т. 6, с. 41]; «рука сухожильная, жесткая, и весь “пана” сухощав, ко-солап, но сбит прочно» [1, т. 6, с. 42]. Портрет дополняют и другие «невывдающиеся» детали внешности: «в болотных сапогах, в телогрейке нараспашку, кепчонку на нос насунул, мокрую сигаретку сосал» [1, т. 6, с. 42]. В быту и пище непритворлив, воспринял привычки аборигенов Сибири. Медвежатина «по-остяцки» для него — обычное блюдо. Всё это дает основания для неприязни высокомерного Гоги. «Вонючка» — презрительно именует Акима практикант-геолог Гога Герцев. Это, а также род «основных занятий» Акима (водитель «доведенного до инвалидности» вездехода), не позволяет ему быть «зверобоем», обладающим романтическим ореолом. Вероятно поэтому вместо «зверобоя» персонаж пятькратно именуется уже другим, открыто пародийным именем «медведебая» [1, т. 6, с. 276, 277, 283]. Стилистически нейтральным в повести оказывается именование Акима «охотником», даже «зверовик» в соединении с эпитетом «суровый» оказывается по отношению к персонажу в значительной степени иронией рядом с деталями его внешности: «Эля дотронулась до головы сурового зверовика и сердце защемило — волосы тонкие, жидкие, как у ребенка, неокрепшие» [1, т. 6, с. 360].

Астафьевский сибиряк — это специфическая антиномия, противопоставление видимого и сущностного. За видимой приземленностью, даже сниженностью у персонажа обнаруживаются высокие свойства. Это касается и Моти Савинцева, и Култыша, и героев «Последнего поклона», и героев его прозы 1990-х годов.

Заранее подготовленная, необходимая Акиму для выживания, профессиональная охота в главе-рассказе «Сон о белых горах» заканчивается по произволу автора провалом. Несостоявшаяся охотничья робинзонада призвана показать, что свойства зверобоя и следопыта не составляют всей сути характера Акима. Наблюдательность, острое зрение, природное чутьё — свойства охотника, промысловика помогают Акиму выжить и спасти Элю. Но побуждают его к спасению чужого человека (ценой неудачной охоты, а может быть, и ценой собственной жизни) свойства иного сущностного плана: доброта, отзывчивость, благородство, бескорыстие, человеколюбие, склонность к самопожертвованию ради спасения ближнего, ненарочитый, восходящий к подвижничеству аскетизм. Найдя в зимовье погибающую Элю, Аким практически не раздумывает: «А зверовство? Промысел? Под договорчик-то аванс взят, пятьсот рубликов!.. А-а, <...> главное — человека спасти! Там видно будет, что и как» [1, т. 6, с. 320].

При определении специфики астафьевского героя, при попытке его типологизации, вероятно, окажется полезным и обращение к юнгианской теории архетипов

«коллективного бессознательного». Действительно, в Акиме жива традиционная национальная этика, восходящая к русскому (и не только русскому) фольклору. Находясь в одном ряду с концептуально значимыми для повести образами сказочно-мифологических белых гор и царь-рыбы, Аким получает в повествовании некоторые черты сказочного персонажа, но не «высокого», а «низкого» героя волшебной сказки и черты героя-простака социально-бытовой сказки, популярной в народе «Повести о Горе-злочастии». Заурядная внешность, «сельдюкские» речь и манеры, склонность к пьянству и легкомыслию, излишняя доверчивость, оказываются в соседстве не только с высокими душевными качествами, но и с деталями структуры сказочного образа. Обе меры возраста героя (двадцать семь реальных и тридцать по документам) одинаково рифмуются с тридевятым царством, тридесатым государством волшебной сказки, а москвичка Эля подобна сказочной царевне, которой награждается младший сын, младший брат в волшебной сказке.

Если следовать теории архетипов, то астафьевский герой на разных этапах его воссоздания и в разных произведениях варьирует между благородным дикарем, благородным разбойником, супергероем («Перевал», «Стародуб», «Царь-рыба», «Печальный детектив», «Прокляты и убиты») и героем поневоле («Звездопад», «Кража», «Царь-рыба», «Обертон», «Веселый солдат»). Имеют здесь место и переходные формы: главный персонаж «Царь-рыбы» близок архетипу благородного дикаря и архетипу героя поневоле.

Что касается двойственности, противоречивости образа Акима, то они могут иметь и иное (а не только объясняемое переходными формами архетипов) объяснение: «Царь-рыба» обращена, прежде всего, к теме Сибири, её величия и слабости. Заострение «слабости» героя являлось одновременно публицистически открытым подчеркиванием остроты социальных, этических и иных проблем края — в условиях имеющих место реалий некому противостоять варварскому «цивилизаторству» в Сибири.

Созвучная переходность имеет место также и в главном персонаже романа «Прокляты и убиты»: Коля Рындин это и «благородный дикарь» из сибирской кержацкой деревни, и «благородный разбойник» в отношении своих командиров и начальников, и «герой поневоле» при форсировании великой реки, и «супергерой», преодолевающий смертельные опасности на великокриницком плацдарме.

Это соотнесение интересно, возможно оно укажет на астафьевские предпочтения в выборе героя и стоящего за ним архетипа, но насколько эти предпочтения отражают (и отражают ли вообще?) представления автора о прекрасном в человеке и мире, судить трудно. Тем более, что некоторые астафьевские персонажи в свете теории архетипов могут вполне оказаться за пределами предусмотренной ею классификации. Кто в соответствии с теорией архетипов Гога Герцев — антигерой, антипод героя-протагониста в «Царь-рыбе»? Безумный ученый? Лишний человек? Мудрец? Плохой парень? Прекрасный принц? Супергерой? Трикстер? Умирующий и воскресающий бог? И какая оригинальная авторская мысль (кроме банально расхожей мысли о том, что все повторяется в мире) лежит за сходством этого персонажа со всеми перечисленными архетипами? То есть юнгианская теория — при всей её плодотворности для типологии и классификации литературных персонажей — оказывается недостаточно продуктивной для истолкования индивидуальности, интерпретации неповторимости героя астафьевских текстов.

Как бы там ни было, но композиционно Гога Герцев — антигерой, антипод героя-протагониста в «Царь-рыбе». У этого персонажа изначально множество про-

творческих истолкований, восходящих к оценкам Ю. Селезнева и Н. Яновского. Н. Н. Яновский предложил «взглянуть на образ Герцева как на образ сатирический», тогда, по его мнению, «не будет никаких оснований называть его мертвым, скользким, карикатурным» [16, с. 250]. Далее критик продолжает: «Если при этом вспомним все «положительное», что о Герцеве сказано — о его уме, деловитости, собранности, способности делать хорошо любую, в том числе и «черную», работу, то получится, что создан объемный, совсем не одномерный образ. Однако сатира не знает “жалости”. <...> Она требует четкого и нередко жесткого авторского отношения к обличаемому герою» [16, с. 253].

В продолжение рассуждений выскажем и наше предположение о том, что если фольклорное, сказочное начало наличествует в Акиме, то аналогичные принципы изображения отрицательного персонажа есть основания искать и в его «антагонисте». Естественно, что все те свойства, которые в «герое» вызывают позитивную оценку автора (умение выживать в труднейших условиях, навыки рыбака и охотника, воля к жизни), во «враге», «антагонисте» положительного героя получают оценку прямо противоположную.

Мир астафьевских героев составляет широкое поле для литературоведческих интерпретаций, для классификации и типологии его героев. Так, анализируя астафьевскую прозу в качестве материала, в котором реализуются бинарные оппозиции (понятие из лингвистического учения С. Н. Трубецкого) мировосприятия В. Астафьева, красноярец Д. А. Субботкин пытается «улучить» Астафьева в отсутствии логики, в противоречиях, в бессознательной и сознательной привязанности к «своему» миру и не менее навязчивой неприязни к миру «чужому». В соответствии с этими рассуждениями Гога оказывается «человеком целеустремлённым, настойчивым». Соблазн, обман, учиненные Гогой над Элей, Д. А. Субботкин комментирует не менее странно: «Отношения Гоги и Эли складываются гармонично»; в этих отношениях «Гога ни разу не проявляет заявленных прежде автором отрицательных качеств: эгоизма, трусости, равнодушия ко всему, кроме себя самого». Гибель персонажа рассматривается исследователем как проявление случайности и вражды традиционалиста Астафьева к «чужому миру» интеллигенции: «В “Сне о белых горах” за индивидуализм карается смертью Гога Герцев и спасается “свой” Аким. Субстанциональный, неразрешимый конфликт человека с природой автор пытается охарактеризовать как локальный: не будешь совершать грехов или покаешься и природа ответит тем же. Внешняя этическая мотивировка конфликта человека с природой формулируется автором в идеологеме, приписывающей природе этические качества. Желаемое выдётся за действительное» [11, с. 79–81].

Думается, что лишь излишняя увлечённость методом анализа «бинарных оппозиций» не позволила исследователю проследить истинную логику созданного Астафьевым типа героя.

Нам представляется, что в Герцеве Астафьев увидел и заострил черты нового, рождающегося (а может, и никогда не исчезавшего) социального типа русского человека. Этот тип уже имел место в действительности 1960–1970-х годах, но пока ещё не определял её сути. Это тип умного, умелого, расчетливого, физически и интеллектуально развитого, внешне привлекательного, но циничного по своей сути человека, готового ради собственного благополучия на всё.

В 1990-е годы В. Астафьев написал фрагмент, который вошел в его собрание сочинений под примечательным названием «Жизнь по-новому». В его основе лежат

впечатления Астафьева от поездки в Таиланд — излюбленное место отдыха «новых русских» сибиряков. «В холле гостиницы, обняв большую мягкую игрушку, второй вечер безутешно плачет дитя. <...> Безутешно плачет модно одетое дитя, родители её где-то развлекаются, сообразительные деляги» [1, т. 12, с. 592]. В «сообразительных делягах» 1990-х годов можно увидеть знакомые черты и свойства Гоги Герцева. Одна из «замеченных» им женщин так пишет о нем на страницах его же дневника: «Однажды разбился самолет, погибли люди, много пассажиров было изувечено, понадобилось в помощи. Между тем два целехоньких, здоровых парня, перешагивая через убитых и увеченных, искали свои чемоданы! Мне сдаётся, одним из них были вы, мистер» [1, т. 6, с. 372]. На наш взгляд, в Гоге Герцеве Астафьевым подмечена присущая времени 1960–1970-х годов тенденция, направление развития умов и нравов. Для Астафьева 1970-х годов Гога Герцев представляет собой враждебный традиционным нравственным ценностям сибиряка характер.

Геолог по специальности, «турист» по образу жизни, браконьер, человек, презревший традиционную нравственность, для Астафьева-деревенщика — олицетворение враждебного ему социального и технического прогресса, разрушающего, по мнению писателя, Сибирь, да и всю Россию. В этом смысле структура и семантика образа Герцева, на наш взгляд, соотносятся с образом вампиловской драматургии — Виктором Зиловым («Утиная охота»). Зилов — технократ по роду деятельности, по генезису — жертва смены цивилизационных парадигм: закат патриархальной традиционной нравственности, переход аскетической советской цивилизации в фазу доминирования потребительства, имеющего целью гедонизм — наслаждение потребляемыми благами.

Но «любвеобильность» Зилова, реальная опасность от неё и для него самого, и для окружающих — мотив, характеризующий выпадение героя из норм традиционной морали, а с другой стороны, — мотив, получивший значительное развитие в других произведениях литературы о Сибири. Уставшая от любовных интриг Зилова, его жена Галина делает далекое от запальчивости умозаключение о его натуре: «У тебя нет сердца, вот в чем дело. Совсем нет сердца» [6, с. 282]. Это горькое заключение подтверждается затем поведением Зилова по отношению к Ирине.

В астафьевской «Царь-рыбе» персонаж с близкой «разрушающей» функцией (часто увлекает и не менее часто оставляет женщин, едва не доводя их до гибели) получает характерную, произведенную от сердца (нем. *herz* — сердце) и от символических деталей и знаковых имен научно-технического прогресса фамилию (герц — единица частоты смены электрического поля, названная в честь знаменитого физика Генриха Рудольфа Герца). В этом плане астафьевский Гога Герцев — во многом «двойник» Зилова и в функциональном, и в «генетическом» историко-культурном, и в «антропонимическом» плане, а в целом — герой одного или близкого с Зиловым литературного типа, рожденного как ответ художников на наступление научно-технического прогресса на последнюю противостоящую ему цитадель, называемую Сибирью. Характерно и созвучно проблематике астафьевской «Царь-рыбы» обвинение вампиловского Саяпина в адрес Зилова: «Браконьер!» [6, с. 298]. Оно отражает и нравственную, и цивилизационную сущность обоих литературных героев.

Завершая здесь тему Гоги Герцева заметим, что с ним, как и с другими персонажами В. Астафьева, в которых преобладает сатирическое отрицание («чушанский сброд» из «Царь-рыбы», Евстолия Тихоновна и Венька Фомин из «Печального детектива», Мусенок и его пани Холедысская из романа «Прокляты и убиты») связан иной, противоположный характеру благородного сибиряка, тип аста-

фьевского героя, который сам он довольно точно назвал «гоголевским типом».

В 1960–1980-е годы астафьевский сибиряк имеет достаточно яркие черты и свойства (коллективизм, человеколюбие), но зыбкие контуры, он двоится и вибрирует: в «Царь-рыбе», в «Последнем поклоне» рядом с героями «объективированными», эпическими всегда присутствует автобиографический персонаж, и его обличающее-проповеднический голос дополняет и комментирует (иногда открыто назидательно) слово объективированного героя. На завершающем этапе творчества в прозе 1990-х («Прокляты и убиты», повести, рассказы) эти разные, иногда противоречивые голоса сливаются в единую симфонию, рождается Коля Рындин, Ашот Васконян, Андрей Щусь — другие оригинальные самостоятельные герои-сибиряки.

В Коле Рындине живёт убеждение В.Астафьева о неизбежности прорастания семян добра, однажды посеянных в душе человека. Коля постоянно напоминает о заветах своей бабушки Секлетины — истовой христианки старообрядческого толка. В 1986 году Астафьев заключает в диалоге с В. Я. Курбатовым о старообрядцах: «Наверное, терпение старообрядцев есть высочайшая, нами так и не понятая степень культуры, внутренней их культуры» [2, с. 253]. В своем выборе Астафьев, как истинный «чалдон», отдаёт предпочтение старообрядчеству, которое, смогло избежать искушений близости с всегда, по мысли писателя, греховной властью.

Коля Рындин — закономерный итог эволюции астафьевских взглядов на предназначение человека. Отсюда, вероятно, и откровенно высказанные симпатии автора к персонажу: «Коля Рындин — молодец, не пасует перед трудностями, <...>. Он и есть негибачейший человек. Гнется он только перед Богом в молитве» [1, т. 10, с. 77]. Негибачесть перед злом, ложью, насилием, угрозой смерти — это свойства многих излюбленных персонажей В. Астафьева. В его образе можно усмотреть если не завершение «восточного вектора» размышлений Астафьева о русской душе, то его наиболее яркое проявление. С Гоголем В. Астафьева роднит не только «гоголевский тип» отвергаемого антигероя, но и мечта о человеке совершенном. В этом Гоголь оказывается созвучным не только В. Астафьеву, но и всей «сибирской прозе». Н. А. Бердяев, рассуждая о Гоголе и Великороссии, писал: «Он верил в человека, искал красоты человека и не находил его в России» [5, с. 125]. «Малороссийские» симпатии Н.Гоголя рифмуются с «восточным вектором» размышлений о русской душе и русской судьбе В. Шукшина, С. Залыгина, А. Вампилова, В. Распутина, Л. Бородина.

Коля Рындин — герой, наделенный в отличие от Акима сильным волевым началом, основанным на вере, персонаж, в котором Астафьеву 1990-х гг. видятся лучшие свойства русского характера, связанные с его сибирским происхождением, традиционным воспитанием, старообрядческой верой. Но всё же и здесь стоит отметить, что в изображении сибиряка в качестве спасителя России у Астафьева преобладает трагическая интонация; обусловлена она не только апокалиптическим пафосом воспроизводимых событий, но и ретроспективным планом повествования, подтверждающим, что времена Рындина уходят.

Таким образом, В. Астафьев воссоздает значимые свойства сибиряка как особой, сложившейся в исключительных этногеографических, социальных и исторических обстоятельствах, модификации русского характера. Сибиряк, в изображении писателя, сохранил традиционные, ныне во многом утраченные черты русского национального характера. Стоицизм и нравственная стойкость старообрядцев, естественность, «природность», близость к природе аборигенов Сибири, по мысли прозаика, являются главными составляющими сибирского «извода» русского национального

характера. В отличие от математических и естественнонаучных исследований, литературоведение — наука неточная. Но есть основания утверждать со значительной степенью точности, что именно сибиряк является одним из художественных открытий В. П. Астафьева.

Астафьевский сибиряк, на наш взгляд, принадлежит к типу «естественного человека», однако возродить, реанимировать этот тип в его первозданности ни Астафьев, ни прозаики-деревенщики безусловно не стремились. Их герой — это персонаж, в век торжества материализма и связанных с ним атеизма, прагматизма и меркантилизма возвращающийся к традиционной христианской нравственности, в эпоху наступления научно-технического прогресса пытающийся возратить гармонию человека и общества, человека и природы.

Список используемой литературы:

1. Астафьев В. П. Собр. соч. В 15 т. — Красноярск, 1997–1998. Далее при цитировании этого издания в тексте работы в скобках указывается том и страница.
2. Астафьев В. П., Курбатов, В. Я. Крест бесконечный: Письма из глубины России /В. П. Астафьев, В. Я. Курбатов. — Иркутск: Издатель Сапронов, 2002. — 512 с.
3. Бадеева Г. Ц. Инонациональный герой в прозе В. Г.Р аспутина //Время и творчество Валентина Распутина: история, контекст, перспективы. Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Ва. Григ. Распутина. — Иркутск, 15–17 марта 2012 г. Материалы. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. — С. 83–292.
4. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов /С. П. Белокурова. — СПб.: Паритет, 2006. — 422 с.
5. Бердяев, Н. А. Духи русской революции / Н. А. Бердяев //Лит. учёба. — 1990. Кн. 2. март– апрель. С. 123–140.
6. Вампилов, А. В. Старший сын. Пьесы. Рассказы /А. В. Вампилов. — М.: Эксмо, 2005. — 576 с.
7. Гончаров П. А. Творчество В. П. Астафьева в контексте русской прозы 1950–1990-х гг.: монография /П. А. Гончаров. — М., 2003. — 386 с.
8. Гончаров П. А., Гончаров, П. П. , Земляковская, А. А. , Кудрявкина, Н. В., Хохлова, С. В. «Природный человек» в русской прозе XX века. Коллективная монография /П. А. Гончаров, П. П. Гончаров, А. А. Земляковская. — Тамбов: Полиграфиздат, 2005. — 204 с.
9. Желтова Н. Ю. Проза первой половины XX века: поэтика русского национального характера: Монография /Н. Ю. Желтова. — Тамбов, Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. — 307 с.
10. Кормилов С. И. Характер //Литературная энциклопедия терминов и понятий /Гл. ред. и сост. А. Н.Николюкин. — М., 2003. — Стб. 1165.
11. Субботкин Д. А. Конфликт «своего» и «чужого» мира в произведениях В. П. Астафьева как реализация бинарной и тернарной структур: Дисс... канд. филол. наук. — Красноярск, 2007. — 201 с.
12. Тамарченко Н. Д. Герой литературный //Литературная энциклопедия терминов и понятий /Гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. — М.: Интелвак, 2001. — Стб. 176–177.
13. Тополь Э. Русская Дива: Роман /Э. В. Тополь. — М.: ТКО АСТ, 1996. — 496 с.
14. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие /В. И. Тюпа. — М.: Издательский центр «Академия», 2006. — 336 с.

15. Хализев В. Е. Теория литературы /В. Е. Хализев. — М.: Высшая школа, 2002. — 438 с.

16. Яновский Н. Н. Виктор Астафьев: очерк творчества /Н. Н. Яновский. — М.: Сов. писатель, 1982. — 272 с.

*Беликов Ю. А.,
поэт, член Высшего творческого совета Союза писателей XXI века
(г. Пермь)*

Столбовой переселенец. Легенды об Астефьеве. Мифологизация личности и её реального воплощение

Чем крупнее личность, тем бóльшим маревом легенд и мифов она окружена. А если ещё сама личность становится источником создания этих легенд, тогда мифологическое марево только уплотняется. Известный наш литературный критик Валентин Курбатов, один из главнейших собеседников Виктора Петровича Астафьева и его душеприказчик, в этом смысле однажды согласился со мной, признав, что Виктор Петрович (цитирую) «сам беспрерывно ткёт паутину мифа. Вот хотя бы обо мне, — продолжил Курбатов: сколько раз ему говорил, что я родом не из Чусового, — он спокойно пропускает это мимо ушей и при каждом удобном случае опять представляет: они с Маней из одного города. Мне иногда даже кажется, — раскрывает Валентин Яковлевич тайную пружину Виктора Петровича, — что он по замыслу Господню не писатель, а импровизатор, Боян...»

Так уж случилось, что, родившись в Чусовом, я то и дело шёл по следам Астафьева, писателя и человека. Одно время Астафьевы жили на улице Нагорной, где, собственно, прошло моё детство, поскольку именно на этой улице жили две моих бабушки. И вот в пору, когда ваш покорный слуга уже начал воспринимать, что Астафьев это Астафьев, я как-то поинтересовался у одной из них: «А какой он, собственно, Астафьев-то?»

«Витька-то? — переспросила она. — Кто ж его не знает. В свитре ходил. Крышу чинит — раз по гвоздю, два по пальцám. И матыкатца на весь Чусовой. Чё-нибудь у него спросишь — башку задерёт да скажет, и долго думаешь, чё к чему...»

Как-то я, уже прочитавший «Пастуха и пастушку», обмолвился в присутствии моей тётки, что Астафьев один глаз потерял на войне.

«На войне? — прищурилась она. — В драке!»

И сказано это было с такой утвердительной интонацией, что я даже не стал сие утверждение оспаривать. Вот здесь уже был стопроцентный заступ в то самое марево легенд и мифов, которые, чем более ты опровергаешь, тем шире они разрастаются.

Кстати сказать, если помните, большинство фотографий Виктора Петровича — или в полупрофиль, или — в профиль. Знаменитый портрет кисти народного художника Евгения Широкова, который в своё время приобрела Третьяковка (Астафьев там — в том самом «свитре», с зажатой меж пальцев папиросой с рельефным дымом, но опустивший глаза). Единственный портрет, где он смотрит, что называется в оба глаза, находится сейчас в «Музее писательских судеб», в парке истории реки Чусовой. Этот портрет написал с натуры замечательный, уникальный, ныне покойный мастер Павел Шардаков. Написал, если я не ошибаюсь в 1986 году, прямо там, на берегу

речки Архиповки, где Астафьев в свою бытность в Чусовом ловил хариусов, написал на фоне часовни похода Ермака.

Писатель запечатлён в кожаной кепке, но глаза его одновременно устремлены в разные точки пространства. Мне рассказывал легендарный основатель Чусовского этнопарка Леонард Постников, с которым Виктор Петрович дружил и любил гостить на его «улочке русского сопротивления»: когда писатель увидел сей портрет, он не без некой иронической самоуязвлённости протянул:

«Да-а-а, художник не польстил!..»

«Не польстил», зато уловил в личности писателя нечто такое, что сегодня нам, его читателям и почитателям, позволяет говорить о совершенно неповторимом, волшебном устройстве художнического зрения Астафьева. «У него звериный глаз!» — сказал мне хорошо знавший Виктора Петровича как человека и автора многих книг прозы младший его современник, писатель Владимир Кругин.

Буквально три дня назад в телефонном разговоре ещё один астафьевский современник, известный общественный и политический деятель эпохи Ельцина Олег Попцов, который, будучи главным редактором журнала «Сельская молодёжь», первым напечатал «Царь-рыбу», сказал мне буквально следующее: «Я как-то в присутствии Астафьева заметил, имея в виду, как он описывает предметы в пространстве: “Виктор, у тебя же — волчьи глаза!”»

И вот это уже не из разряда легенд и мифов, а та самая реальность, продиктованная, неизвестно чем и кем — возможно, наполовину физиологической особенностью, а наполовину — Высшим промыслом.

Таким образом, к моменту, как в июне 1992 году оказаться по командировке журнала «Юность» у Виктора Петровича в Овсянке, я уже обладал целой коллекцией мифов и легенд, собранных мною в самый таинственный — чусовской период его жизни и творчества. Передо мной стояла задача: дабы Виктор Петрович их подтвердил или опроверг. Ну, к примеру.

Один из устойчивых мифов, умножаемых теми, кто знал Астафьева ещё в его дописательский период, — что (снова цитирую) «за него, за Витьку-то Марья пишет, а Витька с редакторами пермскими наугощается, книжку выпустит, потом за Марью гонорар получит».

Когда я пересказал эту легенду Виктору Петровичу, он, похмыкав, само собой, не счёл нужным её опровергать, зато воспроизвёл схожий сюжет: «Как-то родственник Мани пришёл к нам домой, глянул на этажерку, где книги стоят, и брякнул: «Тут, если все книжки прочитать, дак и то роман составить можно!»

То есть Астафьев тем самым объяснил, как рождаются подобного рода легенды. Что уж говорить о восприятии людей, далёких от литературы, но проживавших с писателем в одном городе, если всё тот же критик Валентин Курбатов вспоминал, как он, будучи старшеклассником, не пошёл на встречу школьников с местным писателем Астафьевым. Не пошёл ровным счётом по одной, но весьма стародавней причине: «Что может быть путного в Назарете?»

А в Назарете, сиречь Чусовграде, в начале 50-х годов прошлого века обитала довольно-таки продвинутая в литературном отношении публика. Что касается редакции газеты «Чусовской рабочий», то, пожалуй, каждый второй в ней был пишущим. Не в смысле — газетно пишущим, а в смысле — стихов или прозы. А ежели шире, не замыкаясь рамками редакции, пишущим был каждый пятый назореи-чусовлянин. Вплоть до собственных, чусовских романистов. Что позднее позволило

Виктору Петровичу наречь в одной из своих затесей Чусовград «городом непризнанных гениев».

Иными словами, Астафьев угодил в конкурентноспособную среду. И по тем временам он не был в ней первым. В той среде имелись не менее способные и не менее одарённые. Например, Александр Максимович Толстиков, ответсек «Чусовского рабочего». Это он, когда Астафьев принёс в редакцию свой первый рассказ «Гражданский человек», сказал машинистке: «Расставь знаки препинания!..»

Мне довелось знать этого чусовского эрудита. Он мало что написал, но, когда читаешь написанное, закрадывается параллель: а ведь, пожалуй, не хуже, чем у Аркадия Гайдара!

Вот, скажите, миф это или не миф о невероятной писательской работоспособности Астафьева? Я думаю, что в этом отношении мы имеем дело с абсолютной реальностью, потому что Толстиков, который, судя по всему, не мог долго сидеть за письменным столом, однажды мне сказал, разумеется, с известной долей зависти (я слегка смягчу это словосочетание): «Витька-то пятой точкой берёт!..»

В этом смысле любопытна байка пермского прозаика Роберта Белова, ныне также покойного, о приезде писательской братии в гости к Виктору Петровичу в его чусовской домик на улице Партизанской. Пермские знакомцы приехали к Астафьеву, а на пороге — Мария Семёновна. И вот тут велика её оберегающая роль в жизни и творчестве своего супруга. Марь Семёновна и говорит:

«А Витя рассказ пишет. Не мешайте!» И вот пока, по свидетельству Белова, Витя не дописал рассказ, свалившаяся на его голову братия топталась во дворе...

Тут, заметите вы, важно даже не столько то, что приехавшие писатели топтались во дворе, сколько то, что скрытый за дверьми человек, сумел при этом дописать рассказ!

Итак, правда в том, что Астафьев не был первым в «городе непризнанных гениев». Но правда и в том, что, благодаря взаимообменному сосуществованию с этими «непризнанными гениями», благодаря необыкновенной усидчивости и вынужденной с годами работоспособности, благодаря своему природному «звериному зрению» и беспрерывному самообразованию, Виктор Астафьев стал первым. Сначала — на пространстве от Перми до Вологды и от Вологды до Красноярска (вот он, крест, столбового переселенца!), а затем — увеличивая это пространство своего авторского призывания и признания.

Но вот парадокс: будучи уже лауреатом Государственной премии в области литературы, членом редколлегий и любимым автором наших ведущих отечественных журналов, Виктор Петрович всё равно продолжал оглядываться на тот самый «город непризнанных гениев», город, откуда раскрутилась его творческая судьба, город, до краёв наполненный мифами об Астафьеве.

Мне вспоминается эпизод, когда на излёте своей жизни Александр Максимович Толстиков (тот самый, который завистливо выдохнул: «Витька-то пятой точкой берёт!») выступил где-то в середине 1990-х в заводской многотиражке со злопахательской статьёй об Астафьеве. Вырезку из этой газеты Виктору Петровичу прислал один из его совопартийцев-заступников. Астафьев, прошедший через глобальную полемику с Натаном Эйдельманом, казалось бы, мог проигнорировать укус заводской многотиражки. Однако подробный ответ Астафьева (аж в несколько страниц!) не последовал себя ждать. Виктор Петрович, будучи мировой величиной, как бы отчитывался перед одним из своих первых начальников по литературному ремеслу — Толстиковым.

Скажите: быть не может, миф. А это, между тем, голая правда. Но от мифа не-отделимая.

*Красилич С. С.,
учитель русского языка и литературы
(МАОУ «Гимназия № 16», г. Кунгур, Пермский край)*

Литературная гостиная как форма внеурочной деятельности

Книги читают по-разному. Кто-то видит в книге глубокий смысл, кто-то считает ее пустой, кто-то – заумной, кто-то – видит все нюансы смыслов, все оттенки чувств, читает между строк, слышит музыку слов, ощущает их вкус и запах. Кто-то с первого прочтения понимает текст, а кому-то нужно его многократно объяснять.

При смысловом чтении происходят процессы постижения читателем ценностно-смыслового момента текста, т. е. осуществляется процесс его интерпретации, наделения смыслом. Когда человек действительно вдумчиво читает, то у него обязательно работает воображение. Когда ребенок владеет смысловым чтением, то у него развивается устная речь и, как следующая важная ступень развития, речь письменная.

Как известно, чтение художественной литературы имеет ряд специфических правил. Предназначение художественных произведений – дарить наслаждение, создавать настроение, воспроизводя то, что невозможно сообщить. Кроме того, при чтении художественной литературы преобладает воображение. В этом и состоит волшебство художественного слова.

Моей излюбленной формой внеурочной деятельности является подготовка и проведение литературных гостиных.

Цель литературной гостиной: развитие творческих способностей через эмоциональное восприятие литературного чтения.

Задачи:

- заинтересовать учащихся чтением произведений того или иного автора,
- научить читать выразительно,
- обучать написанию отзыва на литературное произведение,
- способствовать развитию монологическим и диалогическим видами речевой деятельности.

Этапы работы над созданием литературной гостиной:

1. Определение темы.
2. Подбор материала.
3. Репетиции.
4. Проведение мероприятия.
5. Написание отзыва о встрече.

Особенно запомнились встречи, посвященные творчеству Владимира Высоцкого, Булата Акуджавы, Феофана Липатова.

Так, в 5-х классах состоится разговор о малой родине. Как не пригласить на встречу поэтов, воспевающих красоту родного Кунгура или Пермского края?! На

таких мероприятиях звучат стихи Фёдора Сергеевича Вострикова, Валентины Фёдоровны Телегиной, Александра Старовойтова, Игоря Тюленева и, конечно же, Василия Никулина, Светланы Некто, Феофана Липатова, наших любимых кунгуряков.

Дети, общаясь непосредственно с поэтами, уже совершенно иначе воспринимают их творчество, с вниманием читая их стихи и рассказы. И с нетерпением ждут новых встреч. Так, в прошлом году с пятиклассниками мы читали стихи Феофана Николаевича Липатова на литературной гостиной «Любовь от малой родины к России». А в 6-м классе на встрече с Феофаном Николаевичем вели разговор о самой страшной войне XX века. Учащиеся нашли стихи, посвященные Великой Отечественной войне, выбрали для чтения наизусть понравившиеся. Мы распределили их очередность. Мои помощники подготовили материал для презентации, выбрали музыкальное сопровождение, некоторые ребята принесли фотографии своих прадедов-фронтовиков. Конечно, на встрече Феофан Николаевич с удовольствием читал свои стихи о войне. А слушать поэта — великое наслаждение!

Как правило, в конце таких встреч ребята с удовольствием фотографируются с поэтом и с восторгом берут у него автографы.

Литературная гостиная — это как раз тот случай, когда читатель (слушатель) слышит музыку слов, ощущает их вкус и запах.

Каждый читатель (слушатель) возьмет из текста ровно столько, сколько он способен взять на данный момент, в зависимости от его потребностей и способностей. Оттого и разница в восприятии.

Сегодня я присутствую на значимом мероприятии (Пермских Астафьевских чтениях), где идёт интересный разговор об одном из замечательных писателей XX века. И моя цель: напиться себя содержанием, познакомиться с уральской судьбой Виктора Петровича Астафьева, погрузиться в атмосферу любви и уважения к писателю, восхищения его творчеством, побывать в родных для него местах. Я знаю, что после сегодняшней встречи изучение «Васюткиного озера» с моими пятиклассниками пройдет совершенно по-иному, нежели в прошлые годы, т. к. я уже буду опираться на уроках не только на прочитанные статьи, но и цитировать коллег, участвующих в сегодняшней встрече.

*Ди Санто Аннализа
Магистр Неаполитанского университета «Л'Ориентале»
(г. Кассино, Италия)*

Животные между мифом и фольклором в повести «Бойе»

Животные в цикле «Царь-рыба» имеют особую символику. Неслучайно первый же рассказ цикла называется «Бойе» — в честь собаки, чьё имя по-эвенкийски означает «друг».

Повествование и животные связаны давно. Ещё в 30-х годах прошлого века Д. К. Зеленин представил так называемую «охотничью теорию», согласно которой первый животный эпос — это палеолитический, и рассказчиками там являлись сами охотники. Охотники изображали животных в виде тотемов и рассказывали о них легенды, приписывая зверям сверхъестественные способности. Мистические изо-

бражения животных и различные заговоры помогали охотникам в промысле. Такое отношение к животным, особенно диким, сохранялось в Сибири среди эвенков и остальных малых северных народностей (Е. П. Лебедева).

Для того чтобы представить более реальную картину Сибири во всех мельчайших деталях, В. П. Астафьев включает в свой рассказ мифологический и фольклорный слои, касающийся животных.

Для начала необходимо разделить животных повести на три уровня: уровень неба, земли и воды.

К уровню неба относится сова; к уровню земли — большинство животных, таких как собака, песец, медведь, заяц и олень; к уровню воды относится вся рыба, в частности — щука.

Ярким примером анимистической сибирской культуры является образ совы. Рассказчик при описании охоты на сов рисует такую картину: «...Воткнул в тундре шест или палку, на верхушку капкан приладят — сова видит в ночи и в пургу, не облетит никакую мету — ей тоже хочется на чем-нибудь твердом посидеть, покрасоваться».

Действительно, читателю должен предстать яркий образ, сравнимый по силе с деревянным тотемом в виде совы. Мы отчетливо представляем, как сова летит, затем садится покрасоваться на высокую палку. У нее хорошее зрение, она видит сквозь тьму и пургу, не зря русская пословица гласит «только совы зрячи». С палки сова непременно смотрит на людей круглыми желтоватыми глазами. Демоническая коннотация совы подчеркивается тем, что именно она может учуять умерших зверей и корм под снегом, расклеивать голову песка, съесть ему глаза. Белая сова окрашивает снег алой кровью. Образ дополняет обилие белого пуха, который летит, завихряясь, кружится перед появлением шаманки. Перья и пух в шаманских одеждах свидетельствуют о связях между посредником (шаманом) и духами (особенно небесными, душами усопших). Астафьевская сова — это ещё и еда (хоть на вкус не очень приятна), источник пуха, но при этом она остается хищной птицей, что и являет собой отрицательную, демоническую, зловещую деталь.

Мифологические и фольклорные составляющие, связанные с собакой, представлены в начале описания лайки Бойе. Автор пишет: «...Повторю лишь северное поверье: собака, прежде чем стать собакой, побыла человеком, само собой, хорошим». Переданное суеверье принадлежит шаманскому фону Сибири, который отражает связи с буддизмом и с анимизмом.

Интересно, что вера в такую реинкарнацию сохранилась в Сибири вплоть до наших дней и берет свое начало в северном мифе о Севеки. Согласно мифу, когда Севеки приступил к созданию человека, его помощником была собака. Собака тогда была голой, как человек, и служила караульщицей у Севеки, чтобы в его отсутствие Харги не испортил творения. Однажды собака отвлеклась, и Харги в это время испортил человека. Поэтому Севеки наказал собаку со словами: «Теперь ты станешь настоящей собакой, будешь носить шерсть и разучишься говорить. Ты всегда будешь ходить на ремешке, охватывающей твою щею, и будешь смотреть взад человеку, то есть ходить за человеком и служить ему. А человек, рассердившись, будет частенько полагивать тебя палкой!»

Бойе, белая лайка, выглядит обычно, но её умения и навыки в тайге наводят людей на мысли, что собака не совсем земная тварь. В этом смысле показателен следующий отрывок: «Он умел в тайге делать все и соображал, как не полагалось животному,

чем вбивал в суеверие лесных людей — они его побаивались, подозревая нечистое дело». Собачьи способности кажутся необычными, людскими, и поэтому в лайке подозревают нечистую силу и боятся животного.

Следующий неоднозначный момент, связанный с представлением собаки как магического существа, связан с ловлей щуки: «Бойе обжегал лесом озеро, прошлепал по мелкому таю, остановился на обмыске и замер в стойке, глядя в воду [...] Бойе приосел в осоке, пополз к урезу берега, вдруг пружинисто взметнулся, бултых в воду! [...] Но Бойе тащил что-то в зубах, бросил на берег, отряхнулся [...] в траве каталась щучина килограмма на два. Бойе её лапой прижал, ухмыляется. Услышав этакое сообщение, папа хотел дать охотнику порку за вранье [...] Когда Бойе выпер вновь из воды щучину, папа [...] развел руками: «Чего за свою бурную жизнь не перевидел, — говорит, — приключений каких только не изведаль, однако подобного дива не зрел еще. Бестия — не кобель! Раньше бы меня повесили вместе с собакой на лиственнице, або утопили обоих — за колдовство, привязавши к одному камню...»».

Удивительный ум пса ассоциируется с колдовством, и причина заключается в том, что лесные северные люди ещё живут местными приданиями, верят в духов, заговоры и т. п. Прогресс и цивилизация не смогли стереть из их памяти и сознания давние верования. Следовательно, образ собаки в повести «Бойе» складывается из мифа о реинкарнации и из фольклорного убеждения, что собака — друг человека.

Близок к собаке северный песец, который в астафьевской повести отражает удачную охоту, потому что его мех дорогой и ценный. Однако песец — это не только способ заработать большие деньги, ещё он символизирует северную природу, мир тундры. Песец характеризуется у Астафьева как «будливый», т.к. он постоянно ищет себе еду и съедает все, что ему попадается, он повсюду ходит и «ворует» запасы, и нельзя предугадать его действия, потому что песец — «тварь Божья». Надежда артели на легкую зиму напрямую связаны с миграцией этого зверя. В этом плане поведение песца символизирует поведение природы по отношению к человеку: сдастся ли природа человеку, сжалится ли она над ним?

Непредсказуемость природы и её опасность нашли свое отражение в изображении медведя. Впервые медведь в повести появляется во время весенней охоты, когда главному герою Коле 14 лет. В указанном эпизоде медведь только что поднялся из берлоги и внезапно появился перед Колей, но парню удалось убить зверя. В этой сцене медведь символизирует внезапный риск охоты и непредсказуемость природы.

В дальнейшем появление медведя связано с видениями Коли. Молодой охотник заболел, у него началась так называемая «блажь»: узкомордый белый медведь с безгласно раззявленной пастью — тундра принимает медвежий облик и страшит парня. (Заметьте, что пасть в творчестве Астафьева — это ещё и ловушка, а это значит, что охотник попадает в свои же ловушки).

В культурной традиции восточных славян главенствующая роль среди диких зверей принадлежит именно медведю. Он считается полноправным хозяином леса, что нашло отражение в русских пословицах и поговорках: «Хозяин в дому, что медведь в бору: как хочет, так и ворочит». В тех же фольклорных жанрах — пословицах и поговорках, отмечается основной признак медведя — его сила. Происхождение медведя связывается в легендах с человеком, который был обращен Богом в медведя в наказание за убийство родителей; в некоторых версиях — за отказ страннику или монаху переночевать, за честолюбивое желание вызывать страх во всех людях и т. д.

Медведями стали спрятанные в лесу от Бога дети Адама и Евы. Считается, если снять с медведя шкуру, он будет выглядеть, как человек. Доказательство человеческого происхождения медведя охотники видят в том, что на медведя и на человека собака лает одинаково, не так, как на других зверей.

В народе считается, что медведь близок к нечистой силе, что лешему он родной брат или подвластен ему как своему хозяину. Наоборот, черт боится и убегает от медведя; медведь может одолеть и изгнать водяного; снять чары. В некоторых местах у русских встречаются представления об оборотнях-медведях — колдунах, принимающих медвежий облик, и о людях, обращенных в это животное колдунами.

Медведю также присущи функции охранителя скота. Это связано с тем, что образ медведя часто ассоциировалась в славянской мифологии с Велесом. Интересна в повести Астафьева параллель между медведем и лешим. Во время пурги «...охотничья избушка, стиснутая снегами, выплевывая трубою дым, тоже летела, вертелась средь воя, свиста и лешачьего хохота», и Коле, находящемуся одному в белой снежной тундре, видится именно медведь. Может быть, на самом деле природа, лес (а может и леший!) обращаются в медведя.

Следующие животные — это заяц и олень, которые связаны с нечистой силой, с демонической фигурой «тундряной ведьмы». Они живут в лесу и сопровождают шаманку. У шаманки белая заячья шапка. В русской мифологии облик зайца могла принимать русалка, мифологическое существо, с которым сравнивается астафьевская шаманка. В фольклоре заяц символизирует тайну, секретность, таинственность. Нужно вспомнить, что именно в зайце таится утка, в которой таится игла, от которой может умереть Кощей Бессмертный. Заяц в мифосознании воспринимался как символ темного начала, поэтому его мясо не употреблялось (да и до сих пор славяне редко его едят). Также сохранилось поверье, что заяц, перебежавший дорогу, приведет к несчастью. Неслучайно сердце шаманки Астафьев сравнивает с зайцем («видно сделалось её сердце, похожее на ушастого зайчонка, сжавшегося в комочек...»).

Олень — помощник сначала человека, затем и шаманки. Именно олени проводят к людям папу рассказчика. Пока олени не очень далеко от города, они помогают человеку, но как только они оказываются на воле в тундре, их природа меняется и принимает более мрачные оттенки: «Губошлеп олень» готов съесть даже лемминга. Он следует за шаманкой: «...за нею белый олень с серебряными рогами следует по пятам, головой покачивает, шаркунцами позвякивает». Олень становится частью наряда шаманки: она ходит по тундре именно с белым оленем. Цвета оленя говорят о его сверхъестественном происхождении, также как шаркунцы ссылаются на адские звуки и ноты, а также отсылают к шаманскому дереву.

Олень ассоциируется в тундре с нартами, с санями, и значит, зачастую ассоциируется с транспортом, который и выбирает шаманка. В нем есть элегантность и дикость, его движения (покачивания) напоминают волны, а динамика перемещения по канве повести сравнима с вихрем (метелью, пургой, ветром).

Цвет всех этих животных (собаки, зайца, медведя и оленя) — белый. Выбор цвета неслучаен, ведь белый цвет — оттенок снега. Эти звери не выделяются из природы, они наоборот сливаются с ней. Эвенки, например, придают белому цвету особенное значение: он означает счастье, это сакральный цвет. Однако в эвенкийском представлении счастье и несчастье чередуются, точно так же проходят и встречи с шаманкой (которая тоже в белом): сначала счастье, объятия, поцелуи, теплые слова, энтузиазм и восторг, затем убийство шаманкой человека.

Единственное животное водного мира, о котором стоит упомянуть, — это щука. Вся рыба в повести обозначает в основном еду, иногда ценную, иногда не очень. Например, рыбаки и охотники в тундре питаются одной рыбой. Роль щуки немного отличается от остальных обитателей водного пространства. Щука представляется огромной, весом в два килограмма, и её ловля связывается с «магическими» способностями собаки. Гигантская щука предвещает осетра, она его наследник, воплощение силы и величия реки. В фольклоре щука известна в виде былинного оборотня «Вольга обернулся в рыбину-щучину», этот образ отразил в своем творчестве художник И. Я. Билибин.

Животные в астафьевской повести «Бойе» несут в себе многогранную символику, их роль тесно связана с фольклором и мифологией, про которые всегда нужно помнить, чтобы вкусить Сибирь, нарисованную нам Астафьевым.

Список используемой литературы:

- 1 Астафьев В. П. Затеся: книга коротких рассказов». — М.: Советский писатель, 1972. — С. 121–125.
2. Астафьев В. П. Царь-рыба. — СПб: Азбука, 2015. — 480 с.
3. Воронина А. А. Эвенкийская тематика в рассказах «Царь-рыба» В. Астафьева. — Режим доступа: <http://www.pribaikal.ru/talci-item/article/12313.html>.
4. Маркин П. Ф. Славянская мифология как мировосприятие и текст русской литературы. — Барнаул: Изд-во Алтайской государственной академии культуры и искусств, 2009. — 371 с.
5. Муравьев Д. В. Образ медведя в литературе, живописи, фольклоре, символически. — Режим доступа: <http://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2012/10/24/obraz-medvedya-v-literature-iskusstve-folklore-i-simvolike>.
6. Di Santo Annalisa, Boje di V. P. Astaf'ev: analisi e commento. — Napoli 2015.
7. Marazzi U. Testi dello Sciamanesimo siberiano e centro-asiatico. — Torino 2009. — 604 с.
8. Sem' T. Le spedizioni etnografiche russe e lo sciamanesimo siberiano tra la fine del XIX e l'inizio del XX secolo // La Venere e lo sciamano. L'influsso dello sciamanesimo siberiano sulle arti e la cultura russa del Novecento. — Napoli 2008. — С. 63-87.
9. Электронный ресурс: http://www.e-reading.club/chapter.php/141743/49/Eriashvili_Madlevskaya_Pavlovskii_-_Russkaya_mifologiya_Enciklopediya.html.
10. Электронный ресурс: http://baza-referat.ru/%D0%9E%D0%B1%D1%80%D0%B0%D0%B7_%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D1%8F_%D0%B2_%D1%84%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BB%D0%BE%D1%80%D0%B5.

Гладких Ю. Г.,
к. филол. н, доцент,
доцент кафедры русского языка Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета, доцент кафедры рекламы,
связей с общественностью и гуманитарных дисциплин
Пермского института экономики и финансов (г. Пермь)
Чёрная С. А.,
учитель русского языка и литературы,
ФБГОУ Международный детский центр «Артек»
(Крым, г. Ялта, пгт Гурзуф)

Оценочная лексика, характеризующая ребёнка в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»

Детство – прекрасная, но вместе с тем сложная пора, потому что именно в это время происходит становление человека. Многие родители уверены: чтобы вырастить ребёнка, который впоследствии станет успешным человеком, необходимо заниматься его воспитанием с самого раннего детства. Они, безусловно, правы. Именно осознанные усилия взрослых по возвращению ребенка, передача опыта от старшего поколения к младшему, наконец, воспитание нравственных ценностей у детей – все это является одной из главных тем произведения В. П. Астафьева «Последний поклон».

«Возращение» Вити Потылицына и других детей в «Последнем поклоне» неразрывно связано с народным воспитанием. По мнению этнопедагогов, одним из основных факторов народного воспитания является слово [Волков, 1991, с. 12], слово взрослого человека по отношению к ребенку. Воспитательное воздействие слова наиболее эффективно проявляется: «Общение представляет собой процесс, осуществляемый между старшими, родителями, с одной стороны, и детьми, молодежью, с другой, протекающий внутри социальной общности – семьи, группы, общины – и направляемый на передачу мыслей, знаний, наставлений в соответствии с установившимися в обществе социальными требованиями, нормами поведения» [Герлинг, 2006, с. 70].

В нашем исследовании проанализированы имена существительные, имена прилагательные и глаголы, которые характеризуют и одновременно оценивают ребенка. Материал для исследования был получен в процессе сплошной выборки из текста «Последнего поклона» [Астафьев, 1997]. Наша картотека состоит из 204 слов (существительные составляют 70 слов, имена прилагательные – 52, глаголы – 82). Слова, представленные в картотеке, используются как в прямой, так и в авторской речи:

	Авторская речь	Прямая речь
Имена существительные	34 слова	36 слов
Имена прилагательные	33 слова	19 слов
Глаголы	62 слова	20 слов

В качестве отправной точки для наименования лексико-семантических групп имен существительных, прилагательных и глаголов нами были использованы Толковые словари под редакцией Л. Г. Бабенко [2005; 2007], а также статья И.В. Поповичевой и М.А. Буниной [2014].

В результате анализа имен существительных нами были выделены 5 лексико-семантических групп, которые, в свою очередь, имеют более дробное членение. Группа «Наименования ребенка» включает в себя названия детей (*дите, дитенок, дитятко, внучек*). Поступки, поведение, действия ребенка характеризуются посредством соответствующих лексических единиц. Ребенок может оцениваться по умственным способностям (*несмышлениш, простофиля*), по внутренним качествам и свойствам (*обормот, дармоеды*). Еще одна группа – «Поведение ребенка» – содержит лексические единицы, которые характеризуют поведение ребенка либо как несерьезное (*сорванец, озорник*), либо как жестокое, властолюбивое (*аспид, змеина*).

Анализ имен прилагательных позволил выделить 5 лексико-семантических групп. Посредством прилагательных дается описание внешности ребёнка (*большоголовый, белобрысая*). Группа «Физические качества ребенка» дает представление о наличии физической силы (*бойкий, драчливые*). Лексико-семантическая группа «Характер ребенка» представлена именами прилагательными, которые свидетельствуют о темпераменте ребенка в зависимости от его поведения (*непоседливый, шебуриливая*), а также о его нравственных качествах (*злой, отважный*).

В результате анализа глаголов нами были выделены лексико-семантические группы, напрямую характеризующие ребенка. Это глаголы, указывающие на его «Физическую активность» (*передразнивали, толкались*) и «Эмоциональное состояние» (*радовался, нюниш*). Кроме этого, глаголы характеризуют ребенка опосредованно, т. е. действия приписаны взрослым и имеют семантику физического воздействия как реакции на поведение детей (*подбадривала, цыкают*).

Таким образом, наиболее объемными стали лексико-семантические группы имен существительных «Оценка ребенка» (21 слово), имен прилагательных «Характер ребенка» (14 слов), глаголов «Физическая активность ребенка» (37 слов).

Как повествователь, так и герои повести оценивают поведение детей, причем оценивается в большинстве случаев неподобающее и плохое поведение. Отсюда появляется отрицательная характеристика детей (*несмышлениш, простофиля, растяпа, обормот, зараза, увальнь*), отрицательные черты характера детей (*настырный, дерзкий, злой, вертоголовый, жадный*), а также отрицательные поступки ребенка (*профукал, передразнивали, дуреть, шоркал, наворотил*).

Лексика неоднородна по своей принадлежности формам национального языка. Встречаются разговорные (*дурачки, ребята, непослушный, профукал*), просторечные (*растяпа, простофиля, пузатый, кочевряжится*) и диалектные слова (*варнак, жусливый, изварлыжили*). Разговорная лексика, характеризующая ребенка, преобладает количественно.

Лексика, характеризующая ребенка, может содержать как положительную, так и отрицательную оценку. Наш анализ показал, что слова с отрицательной оценкой преобладают над словами с положительной оценкой. Имена существительные с отрицательной оценкой в большинстве используются в прямой речи, в речи бабушки Катерины Петровны: (*аспид, кровопивцы*). Например: «*Бабушка покидала в меня одежку: рубаху, пальтишко, шапку, рукавицы, катанки – все покидала. – Ступай, ступай! Баушка худа тебе хочет! Баушка – враг тебе! Она коло него, аспида, вьюном вьется, а он, видали, какие благодарствия баушке*». («Фотография, на которой меня нет».)

Прилагательные и глаголы с отрицательной оценкой преимущественно используются в авторской речи. Повествователь сообщает нам, что он был непослушным ребенком, которого – естественно – за это наказывали (*непослушный, драчливые,*

влепила, наподдает). Например: «Бабушка еще разок мне *влепила, за пререканье*». («Предчувствие ледохода».)

Слова в речи бабушки Катерины Петровны, её родственников, а также в авторской речи учат ребёнка нравственности, предостерегают его от плохих поступков и даже показывают сущность ребенка и свойства его характера. Именно последние дают нам возможность «нарисовать портрет» главного героя повести В. П. Астафьева. Автобиографический герой Витька Потылицын – это непоседливый *сорванец* и *резвач*, который обожает опасные приключения и игры. Это *неслух*, потому что не слушается бабушку, дающую ценные советы. Это *лоботряс*, потому что не любит заниматься полезными делами, а предпочитает *дуреть* со своими друзьями. Но в тоже время это *молодец* (так называет его бабушка): он совершает хорошие поступки. Витька Потылицын *горемышный*, потому что остался без мамы. Но бабушка старается, чтобы он выглядел *нарядным и красивым*, ведь для Катерины Петровны он самый дорогой *внучек*.

Список используемой литературы:

1. Астафьев, В. П. Последний поклон /В. П. Астафьев. – Красноярск: Офсет, 1997. – 986 с.

Бабенко 2005 – Большой толковый словарь русских существительных /Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 2005.

Бабенко 2007 – Толковый словарь русских глаголов /Под ред. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 2007.

Волков, Г. Н. Этнопедагогика /Г. Н. Волков. – М.: Академия, 1991. – 68 с.

Герлинг, К. Ф. Родное слово как средство воспитания коллективизма, дружбы, товарищества в русской народной педагогике /К. Ф. Герлинг //Вестник Пятигорского гос. лингв. ун-та. – 2006. – № 3. – С. 70–73.

Поповичева, И. В., Бунина, М. А. Кластер-анализ структуры семантического поля «Ребенок» (по лексикографическим данным) /И. В. Поповичева, М. А. Бунина // Путь науки. – 2014. – № 6. – С. 69–72.

Богомяжкова Л. В.,

учитель русского языка и литературы

(МБОУ СОШ, п. Уральский, Нытвенский район, Пермский край)

Урок литературы в 6–8-м классе «Загадка русской души»

Цель урока: учить монологической речи, развивать умение анализировать текст, заставить задуматься над своим отношением к другим людям.

1. Слово учителя.

Слово «русский» возникло из прилагательного. Почему? Дм. Ольшанский считает, что «в своем политико-психологическом прошлом наша общность шла не путем четкого выделения себя, а путем прежде всего определения других. Вот так появились «немцы», «немы», «немые», т. е. не говорящие по-нашему. Остальные же из близких соседей считались «нашими», «русскими».

Тема войны и защиты Родины традиционная в литературе. Достаточно вспомнить «Слово о полку Игореве», «Севастопольские рассказы», «Войну и мир» Л. Н. Толстого, «Судьбу человека» М. А. Шолохова, «Живые и мертвые» К. Симонова, «Прокляты и убиты» В. Астафьева, «Чеченский блюз» Н. Проханова... Все эти произведения нам предстоит изучить в старших классах, а сегодня мы остановимся на двух, более доступных нашему пониманию.

Постановка проблемы:

Ребята, дома вы прочитали рассказ Цыплёнковой «Конопатый» и отрывок из повести В. П. Астафьева «Весёлый солдат». Как вы считаете, какова цель нашего урока?

Верно, выяснить, какими показаны русские люди по отношению к пленным немцам.

2. Проверка домашнего задания (ученики должны были ответить на вопросы, предложенные им заранее).

Беседа по содержанию рассказа «Конопатый»:

• В журнале «Костёр» (№ 5–6, 2003 год) напечатан рассказ «Конопатый». О чём он?

— Он привлёк меня своим названием. Автор сразу вводит нас в суровую действительность послевоенного времени. В посёлок прибыли пленные немцы, которые строят новый мост через овраг.

• Какими они показаны?

— Глазами местных жителей мы видим жалких пленных, которые ничем не отличаются от своих, русских. В то же время удивляет то, что даже в плену немцы не изменили свой порядок жизни, «делали зарядку, обливаясь холодной водой».

— Женщин и деда Тимофея поражает трудолюбие и аккуратность конопатого, «который первым пришёл на тихую и зелёную Филькину улицу».

• Как к немцам относятся местные жители?

— «Господи, прости их душу грешную. Какие они убийцы, совсем как наши мужики, только одёжка другая», — вздыхая, крестилась тётя Агаша.

— Дед Тимофей поругивал их и радовался, что они «отвоевались». «Оттаяло немного сердце» его только тогда, когда конопатый помог Ольге Ивановне: «распилил дрова, починил крышу и забор».

Ольга Ивановна накормила конопатого картошкой, так как не было у неё зла на них. Она картошку подала, «как милостыню за мужа».

— Ребятишки с интересом за немцами наблюдали, брали у них игрушки: «свистки, прыгающие на резинке шарики и вырезанных из фанеры физкультурников на палочках».

— Только Филька испытывал ненависть к пленным: «...ходил везде со своей злобой на немца». Филька стрелял в них из палки-пулемёта, обзывал их. А однажды даже «поднял с земли камень и с силой запустил его в конопатого». «Кровь из рассечённого лба заливала лицо немца. Филька замер. Ни испуга, ни радости победы в его глазах не было», — читаем мы в тексте.

Когда отряд ушёл — никто не видел. Юрка с Галкой долго с Филькой не разговаривали. А дед Тимофей качал головой, вспоминая конопатого, и говорил: «М-да... история».

• Объясните, пожалуйста, роль повтора в последнем абзаце.

— В последнем предложении повторяется слово «разноцветные»: «Беззаботно

кувыркались самодельные физкультурники на палочках, свистели свистки, прыгали на резинках разноцветные шарики, оставляя в таком же разноцветном детстве разноцветный след». Вряд ли забудут ребята этот случай из детства. В нём бывают счастливые моменты и грустные, радость и печаль рядом ходят.

- О чём заставил вас задуматься этот рассказ?

Нужно быть терпимее к людям.

В русском человеке живёт доброта даже к врагам, правда, побеждённым.

Непросто общаться с людьми, особенно с теми, по чьей вине ты пострадал.

3. Выступление подготовленных учеников (об эпизоде из произведения «Весёлый солдат»).

3.1. Главные герои этого эпизода — рассказчик и немецкий солдат Иоганн, попавший в плен к русским. Рассказчик не рад неожиданному гостю: он варит нехитрый обед и должен забрать дочку из садика. Да и не хочется ему встречаться с теми, кто своим вторжением поломал столько судеб, принёс несчастье и горе почти в каждый дом. Рассказчик заранее торжествует от того, как дверь «накажет» немца: «Внутренне ликуя я, ждал, как она сейчас шибанет фрица ...».

3.2. Портрет немца дается автором постепенно, понемногу, по мере того, как рассказчик рассматривает Иоганна. Начинается его описание с заметных деталей, которые бросаются в глаза. Немец вошёл «сутулясь»; мы видим глазами главного героя «крупного мужика, одетого в многослойное тряпье, заношенное, грязное, украшенное заплатами. В одежде едва угадывалось военное обмундирование. Спецовка с короткими рукавами лепилась по туловищу, вся одежда какая-то легкая, вроде бы случайная, на свалке подобранная. Но на голове гостя глубоко сидела пилотка, еще та, фронтовая, с саморучно подшитыми наушниками из меха, скорее всего кошачьего».

3.3. Из этого описания мы можем отметить не только внешние данные немца, но и то, что он, уже побежденный, все еще гордится своей принадлежностью к «великой расе». Чуть позже описывает Астафьев руки немца, «не складывающимися в щепотку, вздутыми в суставах» и его лицо: «с потрескавшимися, обветренными губами...».

Отношение к немцу двоякое: ненависть и сострадание уживаются в сердце весёлого солдата. Сидя с пленным за одним столом, вспоминает бывший солдат другого немца, убитого им на войне и зарытого в картошку. Вот как изменилось время!

3.4. Однако среди всех его чувств есть и жалость: главный герой отдал последний кусок хлеба этому пленному.

Иоганн сначала, как я думаю, очень удивился, когда увидел рассказчика. Возможно, он считал, что раз русские побеждают, то они хорошо живут и ходят в красивой выглаженной одежде.

А он увидел перед собой человека в заношенной и грязной гимнастерке, но с дырками от наград. Получается, что заслуженный воин вместо новой и выглаженной одежды носит старую гимнастерку и живет в плохих условиях. К тому же немца утोरаздило зайти именно к нему. «От удивления его глаза выпучились, рот открылся», — пишет автор.

3.5. Но не только удивление почувствовал Иоганн. При встрече с рассказчиком он сначала чувствовал себя неуютно: «Немец, увидев меня в гимнастерке, замер на пороге». После недолгого общения с хозяином и пребывания в его доме он почувствовал себя увереннее. Точнее, это произошло, когда они нашли общую тему для

разговора: «О-о, крыс, — закивал головой гость, — много-много лагерем крыс, много-много рудник. Хищник...».

Иоганну понравилась сострадательность хозяина избы, ведь русский пожертвовал последним куском хлеба дочери, солью и картошкой ради голодного врага.

3.6. Нельзя забыть сцену, когда немец, столь гостеприимно встреченный русским, растроганно плачет: «Большой, неуклюжий, в тряпье, по-мужицки плакал он, роняя в серую соль прозрачные слезы...».

Когда немец пятится к двери и уходит, герой вновь ставит варить картошку. А на лице он увидел: «В раскрытых дверях, свесив ноги, тесно сидели пленные и чего-то ели из своих котелков». Не один он такой жалостливый жил в здешней местности.

3.7. Рассказчик рад, что немцы уехали. Хотелось ему забыть войну, а эта неожиданная встреча опять заставила о ней вспомнить. Не хочет герой даже думать о том, что было с ним на войне. Он заслужил покой, спокойствие. Эпизод из повести В.П.Астафьева доказывает нам: русские милосердны, они умеют жалеть, прощать побежденного врага.

3.8. Я прочитала статью «Русские настойчивы, восприимчивы, склонны к импровизации» из «Комсомольской правды».

Даже фашисты отмечали милосердие наших женщин, их сострадание любому человеку: «Как хорошо когда кто-нибудь бывает добр, как эта старая бабушка, которая подошла и боязливо совала нам хлеб. Давать что-либо пленным было строго запрещено, и все же она это делала, и в этом было что-то более важное, чем сам кусок хлеба». Автор заметки Овчинникова приводит и другой отрывок из письма: «Как часто я видел русских крестьянок, голосивших над солдатами, как будто это были их собственные сыновья».

Запомнились мне последние строки статьи: «Не найдешь в мире другого народа, который бы с такой страстью искал в себе изъяны. Почему же мы тогда победили? Потому что мы были такими, какими нас увидели эти фашисты». Я подумала, что этот материал на тему урока. Немецкие солдаты сами объяснили все «странности» русских: стремление к жизни и нежелание жить в плену, ненависть к врагам и сочувствие мирного населения к пленным, готовность отдать последний кусок и заботу о несчастных. Невольно возникает вопрос: «Почему такое возможно?» Однозначного ответа на вопрос нет. Есть немало рассуждений о загадочности русской души. Пример этого – стихи Тютчева:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать -
В Россию надо только верить!*

Но как же получается, что именно такие люди победили сильнейшего врага? Наверное, огромная любовь к своей Отчизне была превыше всего. А отсюда и сострадание, и милосердие, и ненависть, где это было оправдано. Не знаю. Об этом взрослые пишут и не могут прийти к одному мнению, а нам, детям, тем более пока не всё понятно.

4. Выводы по уроку.

В любой ситуации люди могут общаться друг с другом, но этому надо учиться. Если материал, рассмотренный на уроке, тронул ваше сердце, я рада.

*Остроумова Н. Г.,
учитель русского языка и литературы
(МБОУ «Етышинская средняя общеобразовательная школа»,
Чернушинский район, Пермский край)*

Есть маленький город в родимом краю (по стихам нытвенских поэтов)

*Есть маленький город в родимом краю
С коротким негромким названием.
Но я этот город всем сердцем люблю,
Люблю его скромные здания,
Любуюсь зеркальной гладью пруда,
Лесами, полями и рощами.
Горжусь земляками, их славой труда,
И всеми делами хорошими.*

Это стихотворение Юрия Лукиных о Нытве.

Нытва — районный центр Пермского края, в 2013 году Нытве-городу исполнилось 70 лет. Нытвенцы любят свой город, чтут его традиции. Здесь живут замечательные люди. Естественно, что среди них есть поэты, искренне стремящиеся воспеть свой край, свою малую родину.

Поэты Нытвы-люди разных поколений. Иван Григорьевич Игнатъев и Василий Васильевич Миков-участники Великой Отечественной войны, ныне здравствующие; Людмила Николаевна Завьялова и Маргарита Георгиевна Иванова — ровесники города; Елена Филиппова и Юлия Юшкетова — представители молодого поколения. Всех их объединяет одно — любовь к своей малой Родине.

*Нытва, Нытва — зелёные дали.
Нытва, Нытва.
Ты радость и боль.
Нытва, родная, что мы загадали, —
Сбылось, состоялось, свершилось с тобой.
Ты помнишь, мы здесь молодыми бродили.
В цветном разнотравье тонули любя.
Мы дней тех тепло пронесли, не забыли,
Нытва, родная, родная земля!*

Это стихотворение написала Вера Игоревна Черемных, которая всю сознательную жизнь живет в Нытве, любит её и очень с кучает по ней вдали от родного города.

Много стихов посвятил Нытве Иван Григорьевич Игнатъев, бессменный руководитель литературного объединения «Родники» на протяжении многих лет. Иван Григорьевич издал несколько сборников стихов, посвященных Нытве. В них заметно стремление автора описать давно знакомые места в различных стихотворных формах. Он написал романтическую «Балладу о вечернем городе», торжественную «Оду заводу» и много других стихов о своем любимом городе. Ода посвящена 245-летнему юбилею завода, в ней показана вся история металлургического завода, со времен Строганова,

стоящего у истока, до наших дней. Вот одно из характерных стихотворений Игнатьева:

*Я славлю сегодня наш маленький город –
Единую долю великой страны.
Собой не велик он и видом неброский –
Недавний поселок простой заводской...
Дворцы его, парки пока что в проектах.
Асфальт до окраин не может дойти.
Пока ничего не скажу о проспектах,
Но будут проспекты и парки цвести!*

250-летнему юбилею завода был приурочен седьмой выпуск поэтического альманаха «Нытвенские родники». В нём стихотворения М. Г. Ивановой, В. В. Микова, А. В. Ощепковой и других поэтов Нытвы.

Стихотворение Л. Н. Завьяловой «Нытвенскому металлургическому заводу – 250 лет» — это летопись предприятия, история развития, становления:

*Прославил трудовой народ
металлургический завод!..
В глуби веков его истоки.
Он... старый памятник, стоит,
И кровью писанные строки
Его история хранит...*

В конце стихотворения — добрые пожелания предприятию:

*Живи и расцветай, завод...
Шагай уверенно вперед!*

С нежностью и любовью пишет о своей малой родине уроженка Нытвы Альбина Викторовна Ощепкова. Она видит красоту и гармонию, покой нытвенского пейзажа. В Нытве много воды, открытый горизонт над гладью огромного пруда, зеркало которого вбирает много света, создавая особую атмосферу слияния земного и небесного:

*Есть на Урале Нытва-река.
Там стоит город годы, века.
Смотрятся в речку леса и луга.
В ней, отражаясь, плывут облака.
Он не приметен, наш городок,
Весь в окруженье лесов и холмов;
В бархатной зелени озимь полей,
В небе весеннем — курлык журавлей.*

О красоте Нытвенского пруда, его просторах написано много стихов. В стихотворении ветерана Великой Отечественной войны Василия Васильевича Микова — закат, тишина, раздумья. В то же время — это житейский взгляд рыбака:

*Красив наш пруд в часы заката.
Тишь, не шелохнётся вода,
Лишь тронут гладь его язата,
Да леж всплеснется иногда.*

Стихотворение Ореста Ильича Батуева «Наш пруд» — торжественное слово, в котором жизнь автора неотрывна от широкого, разворачивающегося перед ним пейзажа:

*Его я с ранних лет люблю.
Он чист, широк, красив и ясен,
И вид его всегда прекрасен.
Ни с чем сравнить его нельзя.
Он — блеск в ночи и свет средь дня.
А вид с плотины! Мыс далёкий
И ширь до самых камышей...*

Наш малый город с его жителями, заводом, прудом сбегаящими к нему зелёными улицами навсегда запечатлён в искренних стихах местных поэтов.

*Васильева В. Н.,
учитель русского языка и литературы
(МБОУ «Етышинская средняя общеобразовательная школа»,
Чернушинский р-н, Пермский край)*

Произведения В. П. Астафьева на уроках литературы в средней школе. Из опыта работы учителя

Важнейшим показателем работы современной школы являются учебные результаты учащихся. Они отражаются в баллах, полученных на ГИА и ЕГЭ, призовых местах в предметных олимпиадах, марафонах и конкурсах, во всевозможных рейтингах и диагностиках. Но не только учебные результаты важны для школы. Она должна быть ориентирована на воспитание гражданина, а для этого необходимо развивать духовно-нравственные качества учащихся. В школьной программе уроки литературы занимают особое место. Они помогают пробудить в душах наших детей милосердие, любовь к родному дому, семье, малой родине. Большими воспитательными возможностями обладают, несомненно, книги В. П. Астафьева.

Уроки по произведениям В. П. Астафьева следует начинать со знакомства с биографией писателя, и она не должна быть оторвана от его творчества, особенно при изучении рассказов из книги «Последний поклон». На уроках не стоит ограничиваться лишь беседой, в ходе которой сложно выявить, каково восприятие происходящих событий каждым учеником. Важно «повернуть» рассказ к автору, учить детей смотреть на героев его глазами.

Особое внимание следует уделять художественно-изобразительным средствам языка. Без этого детям трудно постичь всю прелесть художественного мира автора, проникнуть в его творческую мастерскую. Наблюдения над речью героев приводят

к выводу о том, что рассказ «Конь с розовой гривой» наполнен диалектизмами. На примере работы с текстом дети углубляют знания об этом интереснейшем явлении русской лексики.

Важное место книги В. П. Астафьева занимают на уроках литературы в выпускном классе, особенно на современном этапе, когда ввели обязательный экзамен по литературе в форме сочинения. Выпускное сочинение — рассуждение необходимо создать на основе литературных художественных произведений, и помощь выпускникам оказывают книги нашего замечательного писателя. Так, в прошлом учебном году в сочинении о войне ребята обратились к повести «Пастух и пастушка», рассматривали эпизод «Расстрел братьев Снегирёвых» из книги «Прокляты и убиты». Страшная правда о войне волнует современную молодёжь, наталкивает на размышления о цене человеческой жизни.

И ещё одно направление прошлогоднего экзамена по литературе — человек и природа — было выбрано для написания сочинения, потому что ребятам запомнился урок по книге В. П. Астафьева «Царь-рыба». Она была написана в то время, когда почти ничего не говорилось об экологии, когда восхвалялись великие стройки, всерьёз обсуждался проект поворота сибирских рек на юг. Астафьев в этой книге заговорил о бережном отношении к природе, о её беззащитности и вместе с тем о способности постоять за себя.

В одной повести он показал людей, умеющих мирно уживаться с ней и брать от неё только самое необходимое. Но в ней же он вывел и фигуры браконьеров, их циничное, пренебрежительное отношение к природе. К ним относится Игнатьич, один из главных героев книги.

Мы рассмотрели главу «Царь-рыба» в сопоставлении с повестью американского писателя Э. Хемингуэя «Старик и море». Можно выявить много общего между этими, казалось бы, такими разными произведениями. Особенно интересно наблюдать ученикам над главными героями, Игнатьичем и Сантьяго, ведь они оба рыбаки, да ещё какие! И вот однажды каждый из них оказался в сходной ситуации: на «крючке» у огромной рыбы, в обоих случаях олицетворяющих природу. Мотивы их поступков, отношение к происходящему, поведение в битве с рыбой, их мысли и чувства — вот о чём размышляют на уроке ученики, работая с текстами. Впоследствии всё это легло в основу выпускного сочинения.

И в этом учебном году Виктор Петрович Астафьев сможет снова помочь ребятам на экзамене. Одно из направлений выпускной работы — «дом». Ну как тут не обратиться к «Последнему поклону»! Дом бабушки Катерины Петровны сыграл огромную роль в судьбе мальчика — сироты. Герой рассказ живёт в светлом мире, согриваемом и оберегаемом самым родным на свете человеком — бабушкой. У мальчика есть дом «внешний» — собственно дом с большой и тёплой печкой, любимый уголок в саду, где он пытался вырастить дерево, тайга со своими несметными богатствами, деревня Овсянка — центр мироздания, могучий Енисей... Именно там, в своём «внешнем» доме, мальчик рос, вырос, учился премудростям жизни. Но есть у него и «внутренний» дом, прочный, надёжный, который помог ему выстоять в трудные годы взросления, выдержать все испытания, выпавшие на его долю.

Книги В. П. Астафьева, где поднимаются нравственные, социальные, философские проблемы, можно успешно использовать учителем в своей работе, так как их воспитательные возможности поистине велики.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Гладких Ю. Г.,
к. филол. н., доцент,
доцент кафедры русского языка Пермского государственного
гуманитарно-педагогического университета,
доцент кафедры рекламы, связей с общественностью
и гуманитарных дисциплин
Пермского института экономики и финансов (г. Пермь)

Астафьевское сложное слово: множественное в едином

В текстах В. П. Астафьева мы встречаем большое количество сложных (двукорневых) слов. Наша выборка из текстов «Затесей» и «Последнего поклона» составляет 240 единиц. Сложные слова, как нам видится, можно считать лингвистическими константами идиостиля писателя.

Такие слова могут стать предметом типологических исследований: с точки зрения их узувального или окказионального словообразования, в аспекте лексико-семантических связей, с позиций грамматической классификации и т. д. Задача нашего исследования иная: в первом приближении мы попытаемся выявить особенности лексической и грамматической семантики сложных слов в текстах В. П. Астафьева и их интерпретативные возможности. В своих рассуждениях мы идем от формы к содержанию.

Мы сосредоточим свое внимание только на двух словах из текстов «Затесей» — *веснотворение* и *благоговение*; анализ остальных двукорневых слов оставим в качестве перспективы исследования.

Итак, выбор данных слов для анализа не случаен: оба относятся к абстрактным существительным; оба имеют в качестве опорного компонента процессуальный корень; оба слова оформлены семантически тождественным словообразовательным формантом.

Известно, что при сложении за квалификацию слова как части речи отвечает второй компонент, однако его осложнение суффиксом приводит к транспозиции — к переходу от глагола к существительному. Следствием такого перехода становятся не только формальные, но и семантические изменения: процессуальный признак начинает осмысляться как предметная сущность.

Если в абстрактных именах существительных с финалией *–ние* процессуальная семантика, как правило, нейтрализуется (подробнее о семантике русских существительных на *–ние* см. [Фёдорова, 2006]), то в словах *веснотворение* и *благоговение* подобной нейтрализации не происходит. Этому препятствует их двукорневая морфемная структура и внутрисловные отношения между корнями.

Поскольку опорный компонент сложных слов *веснотворение* и *благоговение* имеет процессуальную семантику, а первый — предметную, связь между компонентами осмысляет как отношение действия к предмету: предметный корень в слове *веснотворение* воспринимается как объект и реализует синтаксическую валентность процессуального компонента (букв. *творить* весну); предметный корень в слове *благоговение* обозначает цель и реализует лексическую валентность процессуального компонента (букв. *говорить ради блага*, или *говорить во благо*). Такие отношения между компонентами

сложных слов приводят не к ослаблению, а напротив, к усилению процессуального значения в сложных словах.

Использование слов подобной формальной структуры дает В. П. Астафьеву возможность указывать не только на бытийность, но одновременно на динамичность, нестатичность постоянных явлений этого мира, что, в свою очередь, свидетельствует о недискретном восприятии мира писателем, о способности В. П. Астафьева видеть множественное в едином.

Имеющие формальную общность, слова *веснотворение* и *благоговение* различаются как окказиональное (авторское) и узуальное (общеязыковое). Как следствие, различается и их лексико-семантический потенциал в текстах В. П. Астафьева: слово *веснотворение* тяготеет к эксплицитному выражению смысла, *благоговение*, напротив, к имплицитному, неявному. Подробнее остановимся на анализе внутритекстовых семантических связей данных слов.

Окказиональное слово *веснотворение* в тексте «Сережки» оформлено по типу стихотворение: «По всему столу, на бумагах, на чернильнице, на окне лежит, светится цветочная пыльца, а сережки, отдав себя грядущему празднику **веснотворения**, как-то опустошенно обвиснут, свернутся и упадут отгорелыми папиросными бумажками» [Астафьев, 2003, с. 18]. Слово *веснотворение* имеет прозрачную внутреннюю форму, которая ориентирована на два смысловых контекста. Первый (очевидный) контекст формирует сюжетную линию о веточке ольхи, породившей листья и утратившей цвет во имя весны. Второй контекст оказывается неявным и прослеживается через контекстуальные «партнеры» слова. К ним относятся номинации *стол*, *бумага*, *чернильница* и астафьевская метафора *отгорелые папиросные бумажки*, в которой текст предстает результатом творческих мучений. Слово *веснотворение*, таким образом, имеет значение ‘творческий акт’, под которым автор понимает весну как своеобразное «творчество» природы и создание текста писателем. Подкрепляет эту аналогию неявная актуализация семантической двуплановости слова *лист* — *лист дерева* и *лист бумаги*: «Одна, другая треснет почка, обнажит спрессованную в себе мякоть зелени и замрет, дожидая своего срока, пропуская перед собой краткую накупить цвета — **листу** родиться надолго..., **лист** может и должен подождать». Условием творческого акта-тайнства, по В. П. Астафьеву, обязательно является неизбежная утрата, которая выражается в словах, актуализирующих идею праха: «*опустошенно обвиснут, свернутся и упадут отгорелыми папиросными бумажками*». Сам же момент рождения листа предстает как таинство и метафорически оформлен как священнодействие: «*Ветви окропились свечечными язычками почек*».

Таким образом, двукорневое слово *веснотворение* приводит к усложнению смысловой структуры текста В. П. Астафьева, при этом основная сюжетная линия ослабляется, что позволяет писателю перевести конкретное описание в план философского рассуждения о природе творчества.

Функция второго двукорневого слова *благоговение* несколько иная: сложное слово позволяет В. П. Астафьеву «выразить невыразимое». В частности, речь может идти о попытке «ухватить» словом мифологическую идею правления, как назвал бы ее Е. М. Мелетинский [1980]. Поскольку данная идея, при всей её значимости для традиционной культуры в целом и для В. П. Астафьева в частности, не имеет собственного словесного выражения, у писателя есть возможность либо представить эту идею описательно — посредством комбинации символов, либо попытаться выразить компрессивно — в пределах одного слова. В. П. Астафьев использует обе возможности.

В самом общем виде представим комбинацию символов в тексте «Благоговение», а затем выявим смысловой потенциал слова *благоговение*.

Итак, идея правремени в астафьевском тексте представлена двумя рядами символов, значимых для традиционной культуры, на которую содержательно ориентируется текст В. П. Астафьева.

Во-первых, это космический огонь, зарницы: *«только зарницы, томительные зарницы сверкают, плещутся над лесами и полями, голубым и белым пламенем озаряя покорные колосья»* [Астафьев, 2003, с. 494]. Священнодействие зарниц воплощает в традиционной культуре идею божественного брака неба и земли. Небесный огонь выступает символом мужского семени, оплодотворяющего землю-кормилицу. Эта символика восходит к космогоническим мифам, в которых описывается первоначальная божественная супружеская пара — небо и земля. Вещественным символом их связи могли служить и дождь, и молния, к чему и восходит астафьевская метафора *зарницы плещутся*.

Второй символический ряд в тексте «Благоговение» — это тишина. Лексические средства представления тишины в тексте разнообразны: это слова с семой 'отсутствие шума, безмолвие': *тишина, тихий, тихо-тихо, молчать*, в том числе в отрицании *крика, громкого разговора, шума, гама*; это лексика, несущая представление о физическом покое: *«сомлело замереть в себе»*. С осмыслением того, что мир не существовал до божественного соития, и связана символика астафьевской тишины. Тишина есть знак состояния до-мира, до-рождения, до-бытия, поскольку наличествующий мир — это мир звуков и действий.

Физический покой необходим человеку для осмысления священного природного действия, а потому в тексте появляются слова и высказывания с семантикой широкого спектра эмоциональных переживаний — *благоговение, ожидание, тоска о чем-то неведомом, смутные воспоминания тревожат* и др.

Особое место среди слов со значением духовной активности, «эмоционального отношения субъекта к окружающему миру» [БТСРС 2005, с. 201] занимает двукорневое слово *благоговение*. Во-первых, оно является смысловой доминантой как самого текста, так и макротекстового пространства: слово вынесено в заглавие и конкретного текста, и целой тетради «Затесей». Во-вторых, слово благоговение не только буквально повторяется в тексте, но и символически дублируется, обнаруживая этимологические значения своих корней. Так, по предположению М. Фасмера, не опровергнутому О. Н. Трубачёвым, этимологическая сфера корня *благо* (исконно русск. *болого*) 'гореть, пылать', 'лучезарный блеск', 'полубожества — воплощения молнии' [Фасмер, 2003, Т. I, с. 170, 188], а этимологическое значение корня *говеть* — 'тишина' [Фасмер, 2003, Т. I, с. 423–424]. Как видим, этимологические значения слова *благоговение* вбирают в себя два основных ассоциативно-символических поля правремени — «Огонь» и «Тишина», корреляция которых позволяет выразить мифологическую идею правремени.

Поводя итоги, мы можем утверждать, что сложные слова *веснотворение* и *благоговение* тождественны по грамматической семантике. Обозначая «воплощенный» процесс, они являются особым знаком восприятия нестатичных явлений этого мира. В этих словах отражается множественность в едином (указание на предметность и процесс; указание на отношение процесса к предмету), и это обуславливает употребление данных слов в астафьевских текстах с ослабленным сюжетом — в текстах философского содержания.

Само же содержание, выраженное в первую очередь лексически, напрямую зависит от окказионального или узуального характера сложного слова. Так, слово *веснотворение* за счет своей формально-семантической аномальности и двупланового опекающего контекста усложняет семантическую структуру текста: слово формирует два сюжетных вектора, однако за счет единооформленности слова *веснотворение* сюжетные линии начинают взаимодействовать. Это позволяет В. П. Астафьеву предметно представить непредметные ощущения и наглядно соотнести творческие муки и рождение текста писателем с весной как рождением года и творчеством природы.

Узуальный характер слова *благоговение*, напротив, позволяет выразить культурно значимую, но не лексикализованную (не имеющую собственного словесного выражения) идею. Именно поэтому В. П. Астафьев актуализирует внутренние — этимологические — связи слова и, как многие большие художники слова, «отдается языку, веряет ему себя, позволяет овладеть собой... Это смирение и мнимая пассивность приводят к подлинной свободе в отношении к языку. Человек начинает улавливать («легко») возможности языка и на их основании строить такие контексты, где слово не может не порождать новые смыслы» [Топоров, 2005, с. 44–45]. Именно смысловая корреляция этимологических сфер двух корней слова *благоговение* позволяет писателю перейти от «бытийных форм» к имплицитному, ненаглядному описанию явлений этого мира, к созерцанию «чистой сущности» — идеи правремени.

Список используемой литературы:

1. Астафьев В. П. Затеси /В. П. Астафьев. — Красноярск: Вся Сибирь; Красноярское книжное изд-во, 2003. — 688 с.
2. БТСРС — Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы /Под ред. Л. Г. Бабенко. — М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.
3. МАС — Словарь русского языка: в 4-х т. /АН СССР, Ин-т рус. яз. — М.: Русский язык, 1981–1984.
4. Мелетинский Е. М. Время мифическое /Е. М. Мелетинский //Мифы народов мира: энцикл.: в 2-х т. — М.: Сов. энцикл., 1980. — Т. 1. — С. 252–253.
5. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные её приложения /В. Н. Топоров. — М.: Языки славян. культуры, 2005. — 816 с.
6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. /М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. — 4-е изд., стер. — М.: Астрель, АСТ, 2003.
7. Фёдорова Ю. Н. Семантика глагольного имени в польском и русском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. н. /Ю. Н. Фёдорова. — Пермь, 2006. — 20 с.

Маслянка В. Н.
директор ГКБУК «Литературный музей В. П. Астафьева»
(г. Чусовой, Пермский край)

Начало музея. Из опыта изучения литературной метрики Виктора Астафьева

В целях сохранения историко-культурного наследия Пермской области, дальнейшего совершенствования культурного обслуживания населения, учитывая ходатайство администрации г.Чусового:

1. Создать государственное областное учреждение культуры «Литературный музей В. П. Астафьева» в г. Чусовом.

Выдержка из Распоряжения губернатора Пермской области № 456-р от 19.09.2002

...Сначала была война. Потом был дымный и грязный послевоенный городишко Чусовой в жизни простого солдата-фронтовика Виктора Астафьева. А потом его любовь к Слову, устному и печатному (и что греха таить, непечатному тоже), и жестокое послевоенное Время сделали своё дело: именно в варначем Чусовом солдат распрямил спину, стал познавать разницу между войной и миром и начал писать. Может, «виной» этому стали те жуткие послевоенные трудности, которые не могли не родить протеста у воина-победителя. Может, изначально виновата сама география Чусового, которая соединила здесь три реки, а местный люд скрестил здесь четыре дороги (из них — две железные) и построил металлургический завод. Война и эвакуация, обновляя и промывая здешнее население как песок в драге, нет, нет, да и вымывала из его массы отдельные золотые песчинки, а то и самородки. Помимо В. Астафьева, ими в разное время оказались литературный критик В. Курбатов, писатель М. Голубков, командир «Альфы» генерал Г. Зайцев, композитор Е. Родыгин. Влияние этих обстоятельств на духовную жизнь города привело к созданию писательской «дрожевой среды» (термин Ю. Беликова), которая впоследствии дала 8 членов Союза писателей! Рождение первого астафьевского рассказа «Гражданский человек» произошло в тот же вечер-ночь первого заседания первого литературного кружка в Чусовом и первого же астафьевского скандала на литературном поприще...

История литературного музея В. П. Астафьева (ЛМА) в г. Чусовом во многом схожа с историей чусовского Астафьева. В судьбе раннего В. Астафьева много парадоксального и противоречивого. С одной стороны, истоки его таланта проявились именно в Чусовом. Но талант этот быстро перерос Чусовой: издание 2-х дюжин книг, знакомство с писателями и книгоиздателями Перми и Свердловска, Высшие литкурсы в Москве.

Из астафьевского «Стержневого корня»:

«В 1959 году я поступил в Москву на Высшие литературные курсы и, хотя пришёл туда с уже заметным печатным багажом, всё-таки практически впервые начал общаться с литературным миром, соскребать с себя толстый слой провинциальной штукатурки». Работа над собой и учёба стали для Астафьева своего рода проточной водой и его конфликт с застоявшимся литературным Чусовым не заставил себя долго ждать. Он понял опасность провинциального болота и вовремя покинул его.

А оно, оставшись без добычи, мстило ему всю его оставшуюся жизнь непониманием и неверием и измеряло его своим аршином. Из астафьевской «Автобиографии»: «Из тяжёлого города, с тяжёлой промышленностью, загазованного, задымленного, где нравы и мораль не способствовали творческому труду, даже наоборот угрюмой провинциальностью не прощающих «выскачок» и вообще всякую грамоту, надо было уезжать»...

И кто знает, если бы не Л. Д. Постников, создавший музей писательских судеб в Чусовом, то имя В. Астафьева в Чусовом так и осталось бы для многих нарицательным — образцом нелюбви к Чусовому. Но Постников человек с характером: с его подачи Астафьев стал почётным гражданином города, а в самом городе организован областной государственный литературный музей В. П. Астафьева. А что же Чусовой? Он, давая Астафьеву звание почётного чусовлянина позволил себе тот же вопрос, который в 2001 году «аукнулся» Астафьеву в красноярской Думе контрольным выстрелом: «А что он, Астафьев сделал для города?»

Сложности в изучении литературных начал В. Астафьева, до сих пор преследуют ЛМА. Они связаны и с противоречивой информацией о его жизни и творчестве, и с его собственными противоречивыми (на первый взгляд) высказываниями об этом, они связаны также с обилием легенд и мифов, которые прочно закрепились-засели в различных письменных источниках и в головах. Лицом к лицу — лица не увидать! Многие, кто знал Астафьева по Чусовому, никак не могут отделить свои представления о нём как о человеке и как о писателе. Другие, не знавшие Астафьева лично, черпают подобную информацию из слухов и сплетен, которые, увы, до сих пор на плаву. Так было и во времена Пушкина, Есенина, Рубцова. Но слухи и сплетни о них, в большинстве своём умерли вместе с их создателями, оставив в покое нетленные создания гениев. Это ждёт и творения Астафьева, ну а пока как есть — литературоведы наперечёт, а деклассированных журналистов и писателей — хоть отбавляй! Отчасти, отражают это положение и Астафьевские чтения, проходящие в Перми под грифом «гражданские». Тяжела и ответственна полноценная оценка творчества писателя, гораздо легче оценить его «влияние на сердца и умы»...

Учитывая вышесказанное, местонахождение музея и «странную» любовь писателя к Чусовому, ЛМА своей сверхзадачей поставил воссоздание исторической атмосферы 1940–1960-х годов в Чусовом, которая показала бы анатомию рождения и взлёта астафьевского литературного таланта — его своеобразную литературную метрику.

Так родилась мысль, что рассказ об Астафьеве невозможен без:

- рассказов о том Чусовом, его писателях и журналистах, о книгах Астафьева чусовского периода и чусовской темы в более поздних его работах;
- разоблачения мифотворчества об Астафьеве;
- поиска астафьевских персонажей и «двойников» Астафьева;
- большого детского интереса к творчеству Астафьева (устами младенца глаголет истина!).

Для того, чтобы поведать о промежуточных итогах этой работы ЛМА проведена исследовательская и поисковая работа, а также обобщение и систематизация уже известной информации. Итак.

ЧУСОВОЙ 1940–1960-Х. ТАКОЙ РАЗНЫЙ ЧУСОВОЙ...

Из «Знаков жизни» М. С. Астафьевой-Корякиной. «...Виктор Петрович как-то сидел на солнцем залитой веранде (дома по Нагорной, 60), смотрел на слияние рек

Чусовой, Вильвы, Усьвы — на «стрелку», потом сказал: «Пока буду жив, никогда не забуду эту дивную красоту! Никогда, где бы ни был...»,

Из «Весёлого солдата» В. П. Астафьева: «Под горбатой Калаповой горой подле моста соединившиеся Усьва и Вильва впадали в реку Чусовую. Разбежавшийся по берегам трёх рек, по логам карабкающийся в косогоры — городишко, в котором мне предстояло жить и прожить почти два десятка лет, был чем-то притягателен и даже родственен, несмотря на свой чужацкий индустриальный облик. Много я тут горя переживу, много испытаю бед и несчастий, но место это уральское, городишко это, открытый бесхитростным рабочим ликом всем непогодам и невзгодам, всем грозам, градам и ливням, прирастёт к сердцу. Навечно. Здесь, именно здесь, завихряясь над ним, заканчивается течение Гольфстрим. Кроме погрома и несчастий, сия причуда природы ничего другого городу не принесёт. Но что бы тут ни случилось, город моей жены займёт особое место иль, скорее, сокровенный уголок в моём сердце, не чуждом добру и красоте».

Ж/д вокзал 1945–1946 года — место первой работы А в Чусовом (дежурный по вокзалу), отсюда он уволился по собственному желанию, вскоре после получения выговора за грубость пассажиру, который позвонил по телефону и спросил как проехать до Перми. А в ту пору пассажиры из-за отсутствия мест в поездах дневали-ночевали на вокзале. Из повести «Весёлый солдат» В. П. Астафьева известно, что Астафьев часто скрывался от такого рода назойливых пассажиров в здании кипятилки при вокзале...

Чусовой в жизни Астафьева связан также с окончанием средней школы (№ 26, она же первая школа в Чусовом, основана в 1881 г.), но получил ли он аттестат неизвестно. Но тем, не менее установлено, что Астафьева особенно интересовали уроки литературы (учитель Л. Афонина), где он выделялся интересом к литературе и особенно к творчеству Н. Гоголя, при этом он приводил в качестве примера гоголевские «типы» из окружающей жизни...

«Рыбачий ток» — место у здания детской технической станции (ДТС), где часто встречались любители рыбной ловли, обсуждая самые разные новости и рыбной ловли и технического её оснащения (только появились лодочные моторы и мотор-весло). Здание ДТС находилось у дома, где жил В. Хорошавцев (автор рассказа «Рыбалка на Яйве» («Рыбалка с Астафьевым»)) и на маршруте возвращения Астафьева и его знакомого по рыбалке Г. Хайруллина (герой затеси «Ягоды для папы») с работы домой на Партизанскую, 76.

ЧУСОВСКИЕ ПИСАТЕЛИ И ЖУРНАЛИСТЫ 1940–1960-Х.

С них начинался литературный Чусовой.

Вспомним их поимённо.

В. П. Астафьев, М. С. Астафьева-Корякина, О. К. Селянкин, В. А. Белугин, С. Н. Балахонов, И. Т. Реутов, В. М. Попов, С. И. Сапиро, В. В. Армишев, А. Я. Скачков, В. С. Хорошавцев, А. Ф. Никольский, А. М. Толстиков. Значительно позже к ним добавились новые имена, и какие: М. Д. Голубков, В. Я. Курбатов, Ю. А. Беликов, Г. Г. Данской, М. О. Пермякова...

КНИГИ В. П. АСТАФЬЕВА НАПИСАННЫЕ В ЧУСОВОМ И ЧУСОВСКИЕ ТЕМЫ В ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

1951 год — в газете «Чусовской рабочий» напечатан первый рассказ «Гражданский человек», 1953 год — вышла первая книга «До будущей весны». Далее в «чусов-

ской» период жизни А вышли: «Дядя Кузя, куры, лиса и кот», «Васюткино озеро», роман «Тают снега», «Перевал», «Сибиряк», «Кровь человеческая», «След человека», «Сибиряк», «Дикий лук», «Стародуб», «Солдат и мать», «Рассказ о любви», «Звездопад». Некоторые книги вышли дважды, кроме того, часть астафьевских рассказов в этот период печаталась в сборниках для детей Пермского книжного издательства.

Отдельная тема — это астафьевские затеси, с «чусовскими» историями: «Гоголевский тип», «Город гениев», «Как моя тёща блюла нравственность», «Вербное воскресенье», «Жучина», «Жру муку», «Праздник солидарности», «Последний трагик России», «Тот самый Комаров», «Тура», «Развращенец», «Темофилия (р. Усьва)», «Острики-профессионалы (о камбале)», «Зелёные звёзды (р. Койва)», «Шибко грамотная», «Российское разгильдяйство», «Больной человек», «Жуткая правда жизни», «Потерянный».

Особая тема — это рассказы, очерки зарисовки и фельетоны Астафьева журналиста, которые печатались только в «Чусовском рабочем» в 1950–1956 годах: «Под Новый год», «Сплав», «В зимнем лесу», «Родное зовёт», «Земляки», «В одной деревушке», «Человек будет жить», «Небувайло свирепствует».

МИФОТВОРЧЕСТВО О В. АСТАФЬЕВЕ

Литературный музей В. П. Астафьева разрушает мифы и легенды. Теперь точно известно, что первое заседание первого литературного кружка, в котором участвовал В. Астафьев произошло в пятницу 01.12.1950 по ул. Свердлова, 7, в комнате журналистов редакции газеты «Чусовской рабочий», с 19.00 до 24.00. Рассказ «Гражданский человек» написан в колбасном цехе в здании по ул. Фрунзе, 38, в комнате, где сейчас находится архив ЛМА, в ночь с пятницы на субботу 01–02.12.1950. Таким образом, между написанием рассказа «Гражданский человек» в помещении колбасного цеха и его публикацией в «Чусовском рабочем» 25.02.1951 прошло 85 дней. Это время позволяет предположить, что рассказ неоднократно редактировался ещё до его первого заслушивания на втором заседании литкружка 15.12.1950. Основное место редактирования предположить несложно — ул. Партизанская, 76, куда семья Астафьевых переселилась после постройки дома в 1950 году.

АСТАФЬЕВСКИЕ ПЕРСОНАЖИ

«Классикой» по раскрытию астафьевских героев стала работа ЛМА по знаменитой «чусовской» затеси «Город гениев». Оглашены имена всех её анонимных героев, и в музее создана портретная галерея, которая, как и астафьевские «двойники», разрушает стереотипы об Астафьеве, приближая его ещё ближе к думающему читателю...

Вот их имена: В. Н. Чаплыгин (автор знаменитого рисунка тушью «Дом В. П. Астафьева в Чусовом на ул. Партизанской, 76»), В. С. Хорошавцев (автор рассказа «Рыбалка с Астафьевым» и знаменитой фотографии «В. П. Астафьев со щукой»), В. В. Армишев («человек-оркестр»: музыкант, художник, поэт, автор книги стихов «Живопись мысли»), Ю. Н. Ситнов (чусовской «Страдивари», из-под рук которого вышло 40 скрипок), Н. С. Мочалов (создатель тех самых рыболовных снастей, которыми Астафьев заядлый рыбак пользовался до конца своих дней)...

АСТАФЬЕВСКИЕ «ДВОЙНИКИ»

Они схожи своими судьбами, что ещё раз подтверждает астафьевскую Правду. Они даже не все были знакомы друг с другом. А.Грахов познакомился с В. Астафье-

вым под занавес его жизни, неизвестно были ли знакомы В. Астафьев и Е. Родыгин. Но Астафьев знал его «Уральскую рябинушку» и именно под её мелодию Б. Ельцин и В. Астафьев посадили рябину у входа в астафьевскую библиотеку в красноярской Овсянке. Кого-то из них объединяет Красноярск, кого-то Чусовой, но всех их объединяет война и то, что они, солдаты страшной войны, вышли из неё жизнелюбами и не несли зло ни в делах, ни в помыслах. Но, именно в этом почему-то часто винят В. Астафьева...

Александр Николаевич ШИРИНКИН

Родился 15 апреля 1923 года. Из рассказа дочери: «Призван в армию 5 мая 1942 года, служил старшим пулемётчиком. Младший сержант. 30 августа 1942-го тяжело ранен в правую ногу. Награждён медалями «20 лет победы над Германией», «25 лет Победы в Великой Отечественной войне», орденом Отечественной войны 1-й степени.

Он сбежал с хирургического стола, не дал ногу ампутировать. Нога болела. Через 40 лет из ноги рошенники (черви) полезли. Спустился к реке, жена бельё полощет, а он — ногу в реке. Рана затянулась, осколки железные пошли. Отправили на ампутацию. Делали пересадку кожи: из мягкого места брали кожу, с бедра. Восемь месяцев лежал. Вышел на первую группу.

В химцехе работал слесарем. Жестянщик был по призванию; вёдра, всякие кастрюли делал, черпушки. Дома стаканчики были, выточенные на станке, ковшки воду набирать. Большой ковшник и маленький, аккуратный такой. Ни у кого не было в домах — в печку был вмонтирован бачок. Он делал! И у Астафьевых тоже делал!»

Познакомились сразу после войны в очереди за костями. Подрались тут же из-за места в очереди. Потом А. Ширинкин стал «кумом» Астафьеву — крестил его детей, тот так его и называл «кум Сана». Как узнал, что Астафьев стал писать, стал бумагу ему доставать (тогда с ней худо было), чаще всего обоим. Увидел у него первую полку с книгами писателей, сказал, то ли шутя, то ли всерьёз: «Витя, чего мучаешься, вон сколько у тебя книг! Возьми из каждой понемногу — своя книга будет!»

Анатолий Андреевич ГРАХОВ

Один из крупнейших отечественных фотографов-документалистов, более 35 лет проработавший собственным корреспондентом ТАСС по Уралу.

Родился в 1923 году в удмуртском селе Грахово в семье из одиннадцати детей. Окончил ж/д школу фабрично-заводского обучения (ФЗО) в Красноярске, успел поработать стрелочником. С первых дней войны он добивался отправки в действующую армию, командовал взводом связи, награжден орденом Красной Звезды. В 1945 году под Кенигсбергом был тяжело ранен, лечился в госпиталях Перми и Свердловска, затем служил в Харбине.

В 1955-м Грахов был принят в ТАСС. Лауреат международных и национальных премий (в т. ч. — призёр конкурса WorldPressPhoto 1956 года). Встречался с космонавтами, писателями, художниками, политиками, среди которых Н. Хрущев, Ф. Кастро, И. Ганди, П. Ришар, М. Ростропович, Б. Ельцин и др.

Он вспоминал, как на фронте, переплывая под обстрелом реку, ему подумалось: «Хоть бы кто нас сфотографировал в эту минуту — ведь может случиться, что и не доплывем.» Он доплыл. Вернулся с войны и... стал фотографом. Ему удалось запечатлеть эпоху, шесть с лишним десятилетий истории страны.

В мае 2000 года вместе с журналистом А. И. Акимовым 78 летний А. А. Грахов на личной автомашине совершил беспрецедентную поездку в Красноярск для встречи и знакомства с В. П. Астафьевым, с которым, как оказалось они когда-то вместе во время войны закончили то самое ж.д. ФЗО в Красноярске. Так в журнале «Урал» № 2, 2001 появилась статья-фоторепортаж «Орденские планки для Виктора Астафьева»...

Евгений Павлович РОДЫГИН

Народный артист РФ (1999). Родился 16 февраля 1925 году в городе Чусовом. Со второго класса начал ходить в библиотеку, проявлял способности к музыке. Перед самой войной он — в комендантском взводе мотострелковой дивизии. Прошел войну от рядового до старшего сержанта. Вклад в победу в войне Родыгина отмечен в 1944-м медалью «За отвагу». 23 апреля 1945 года Евгений Павлович был тяжело ранен на реке Одер. С контузией лежал в военном госпитале города Лодзь, в Польше.

В июле 1945-го он поступил на композиторское отделение Свердловской консерватории. Спустя пять лет имя композитора Евгения Родыгина будет известно огромной армии поклонников эстрады. Песня на стихи Прокофьева «За высоким палисадом земляника расцвела» стала шлягером молодежи СССР. Работал с Уральским государственным русским народным хором, тогда появились «Уральская рябинушка», «Белым снегом», «Куда бежишь тропинка, милая», «Едут новоселы», «Песня о Свердловске», «Лён мой».

Е. П. Родыгин — Почётный гражданин Свердловской области и Екатеринбурга.

МАЛЫЕ АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Уже через год после своего рождения ЛМА решил искать аудиторию, для которой бы он работал. Была выбрана детская аудитория. И в этом не было занижения своего уровня-планки, скорее наоборот, впрягаясь в проблему повышения уровня образования, музей поднимает планку. Так родилась мысль о Малых Астафьевских чтениях (МАЧ), первые из которых прошли в 2004 году, в год 80-летия В. П. Астафьева, а в 2013 году прошли уже Десятые МАЧ. Если в 2004 году на них был представлен лишь Чусовской район и около 100 участников, то теперь ежегодно участвует до 10 регионов РФ, а количество участников только финала перевалило за 700 человек ежегодно. Начинали с трёх конкурсов, теперь их пять: чтенцов, рефератов и исследовательских работ, эссе и сочинений, художников и литературного творчества. Очень быстро пришло понимание, что эта работа должна опираться на трёх китов: Управление образования района, Центральную районную библиотеку им. А. С. Пушкина и краевой Литературный музей В. П. Астафьева.

...О Малых Астафьевских чтениях в Чусовом печатали пермский журнал «Мы — земляки», красноярский «День и ночь» и журнал «Москва», дети открывали памятную астафьевскую доску на чусовском ж/д вокзале, памятный знак на месте первой Чусовской школы (где учился писатель) и новые музейные помещения Литературного музея В. Астафьева. Круг замкнулся!

Многие скажут: каких таких высот может достигнуть детское творчество? Ну и что, что о нём начали писать толстые журналы? Ведь всё это авансы. Однако, не будем забывать, что хотя творчество многих чусовских литкружковцев 1950 года так и осталось на «детском» уровне, но именно оно и создало ту дрожжевую среду, которая выдвинула — выделила из неё Виктора Астафьева, а затем в конечном итоге и создало в Чусовом музей его имени! Круг снова замкнулся!

*Рожественская Е. Л.,
литературовед
(г. Пермь)*

Роль писателя К. В. Рожественской в творческой судьбе В. П. Астафьева

Крупнейший писатель современности, писатель с мировым именем, лауреат многих престижных литературных премий Виктор Петрович Астафьев прожил у нас на Урале почти четверть века, где, по его собственному выражению, «прикипел к этой усталой и присмирелой земле». Здесь он начинал свою литературную деятельность.

У истоков его творческой деятельности стояла писатель Клавдия Васильевна Рожественская, руководитель Пермской писательской организации, моя мама.

Впервые о своей литературной наставнице Астафьев говорит в своей книге «По-своих памяти», изданной в Москве в 1980 году в издательстве «Современник».

«Я считаю свою литературную судьбу удачливой. Некоторые друзья называют меня «литературным баловнем», и в этом, пожалуй, есть резон. Посудите сами: уже после первого рассказа руководительница Пермской писательской организации, по какому-то «высшему» совпадению носившая одинаковую с моим школьным учителем фамилию — Рожественская Клавдия Васильевна, так ко мне прониклась, что «под чернильницу» — как принято говорить среди литераторов — добилась для меня издательского договора, и в 1953 году вышла моя первая книжка в Перми — сборник рассказов «До будущей весны».

Пермское издательство, отделение Союза писателей, старшие товарищи много сделали для меня. Разумеется, не последнюю роль сыграла и играет в моей писательской судьбе моя истовая работоспособность, которую, к счастью, я не утратил и по сей день». Об этом писатель подробно рассказывает в своём 15-томном собрании сочинений (Красноярск, 1998 г.).

«И вот, не иначе, как по воле рока, в город Чусовой мне пришла телеграмма, за подписью секретаря Молотовского отделения Союза писателей Клавдии Васильевны Рожественской, с просьбой приехать в областной центр со своими рассказами и набросками.

Уж не родня ли моему школьному учителю Игнатию Дмитриевичу Рожественскому? — подумал я. Нет, не родня, однофамилица оказалась моя новая благодетельница и наставница. Человек тоже одержимый, литературе безмерно преданный.

Вспоминая тот памятный день (а он пришёлся на 5 марта 1953 года — день смерти Сталина) писатель рассказывает, что они долго сидели с Клавдией Васильевной над первым рассказом. «Единственный из первых рассказов, который я переиздаю — это рассказ “Гражданский человек”. Не ошиблась Клавдия Васильевна. А вообще-то она перечитала все первые рукописи, которые я теперь никому не показываю. Прочитала и сказала: “Вы человек способный, но Вам надо многое понять...” То, что я тогда и понять не мог».

Рожественская, как опытный писатель и редактор сразу увидела у Астафьева проблески таланта — «божью искорку». И вдохновила молодого автора, полного сомнений, на написание цикла рассказов.

«Приведя рассказ в “божеский вид”, — продолжает Астафьев, — Рожественская заслала его в альманах “Прикамье”, издания которого она добилась для перм-

ских писателей. А потом, поговорив со мной, поглядев другие рассказы в рукописях и набросках, свела меня чуть не за руки в издательство, где быстро выбила для меня договор под марку “самобытный” и гонорар за рассказ. Огромные деньги! Чуть ли не две тысячи! Я, получающий в “Чусовском рабочем” как литработник шестьсот рублей — отхватил этакую суммищу “ни за что”. И договор типографским способом отпечатанный».

«Но и та редактура, сделанная Рождественской, и сама редактор, в отношении ко мне и моему первому рахитистому дитю — для меня были великим благом, это я перед Богом готов повторить, благодарно принимающий совет, помощь и поддержку, они всегда были бесценны и особенно необходимы в ту пору», — пишет мне в письме Астафьев.

«В первый свой приезд в столицу Прикамья посидели мы и изрядно потрудились с Клавдией Васильевной над моим первым рассказом.

В Молотов с собой я привёз ещё несколько рассказов. Посмотрев их, Рождественская отобрала два или три — для следующего номера альманаха, меня же свела в издательство, познакомила с директором, с главным редактором, что если я поработаю, то на следующий год у меня наберётся рассказов уже на небольшой сборник: и надо его издавать, потому как автор весьма перспективный.

Везучий я человек! Везучий! После первой же встречи с секретарём отделения — Рождественской и издателями я вёз с собой издательский договор на книгу и даже немножко деньжонок».

Сборник «До будущей весны» вышел в 1953 году.

«Выход первой книги для меня, загнанного жизнью и нуждой в самый что ни на есть тёмный угол, был не просто праздником, это было важнейшее творческое событие в моей жизни и в жизни семьи тоже».

Клавдия Васильевна защищала писателя от нападков партийных органов.

Так, по этому поводу на «Астафьевских чтениях» в Перми в 2003 году говорил ведущий специалист Л. Бортник в своём выступлении под заголовком «Писатель и власть» на стр. 153:

«Роль буфера, надо думать, в первую очередь сыграла К. В. Рождественская и Л. И. Давыдычев, которым Виктор Петрович, очевидно, был благодарен за то, что не мешали работать, спасали от продолжительных заседаний».

«Мы наблюдаем, — отмечает она, — переход от критики к замалчиванию, а затем и признание творчества писателя».

Об этом, кстати, Астафьев написал в письме, адресованном мне.

Выступая с докладом в марте 1961 года на Областном совещании по детской литературе, Рождественская сказала:

«Прикамская детская и юношеская литература имеет сильный авторский коллектив, который способен решать большие творческие задачи. Ядро этого коллектива составляют «взрослые» писатели с талантом и опытом. Из них прежде всего следует называть Виктора Астафьева. Он дал детям уже пять книг: два сборника рассказов «Огоньки», «Тёплый дождь», весёлую книжку «Дядя Кузя, куры, лиса и кот», единый по теме и настроению цикл маленьких рассказов «Зорькина песня» — это действительно песня во славу человека и природы, повесть «Перевал», изданная в Свердловске.

Это настоящие книги, которые интересны всем, и старому, и малому.

Астафьев с такой естественностью и искренностью выражает своё видение и мироощущение, такие глубокие и сердечные знания жизни чувствуются в его произ-

ведениях, что читать его книги одно наслаждение. Повесть «Перевал», написана не для детей, но они обязательно возьмут эту горькую, но прекрасную повесть о детстве мальчика».

Мне посчастливилось поговорить с Астафьевым в последний его приезд в Пермь в августе 1997 года. Первое, что я сделала, это поблагодарила Виктора Петровича за то, что на протяжении многих лет он вспоминает Клавдию Васильевну Рождественскую, называя её «благодетельницей и наставницей» в своих многочисленных публикациях и по Центральному радио.

В ответ Виктор Петрович спросил меня, знаю ли я, что в своём 15-томном издании, изданном в Красноярске, он посвятил Клавдии Васильевне целую главу. Я этого не знала. Позже он послал мне в подарок 500-страничный однотомник «Так хочется жить» (Курган, издательство «Зауралье», 1995 г.), где в большом предисловии он пишет: «первую значительную поддержку мне, как начинающему автору, оказала писательница по фамилии Рождественская. Звали её Клавдия Васильевна, была она в ту пору секретарём Пермского отделения Союза писателей».

Астафьев всю жизнь помнил свою литературную наставницу, которая дала ему путёвку в жизнь.

Я задала Виктору Петровичу ещё несколько вопросов. Мне не терпелось узнать, почему Виктор Петрович вступил в Союз писателей не сразу, когда вышли в свет его книги, а только через пять лет. Это большой срок. Обычно писатели спешат получить членство в писательской организации, зная, что это престижно, хотя и очень ответственно.

А у Астафьева к этому времени вышло около десятка книг в Перми, Свердловске, Москве.

— Да, я вступил в Союз писателей только в 1958 году, когда в «Детгизе» у меня вышла книжка «Тёплый дождь», — пояснил Виктор Петрович. — Если бы отказали, кланяться не пошёл. Такой у меня характер, — решительно проговорил писатель.

Кстати, в присланной мне в подарок книге «Так хочется жить» Виктор Петрович сделал дарственную надпись:

«Елене Рождественской. В память об её Маме, человеке дорогим и незабвенном, с поклоном и пожеланием светлых дней впереди и добрых дел». В. Астафьев, 28 января 1999 г., г. Красноярск».

Виктор Петрович обладал редкостным даром — помнить добро. Он вспоминал свою литературную наставницу на протяжении всей своей жизни.

*Титов А. Б.,
председатель правления
Екатеринбургского отделения Союза писателей России*

Какой зверь кому по чину

Чтобы понять разницу в истории России и истории стран Западной Европы, надо постоянно помнить следующие обстоятельства.

1. Россия заслонила Западную Европу от одного из самых страшных нашествий средневековья, от нашествия Батыя и его потомков в лице различных Орд — Золотой, Голубой, Синей и так далее,

В то время, когда Западная Европа развивалась, мы были должны пребывать в застое, ибо вопреки утверждениям некоторых апологетов благотворного влияния оккупации на оккупированный народ никакого благотворного влияния нет, и оккупированный народ деградирует.

2. Любая война между странами Западной Европы — это одна война. А война любого агрессора против России — это война на уничтожение России.

3. И сейчас видна, а в средневековье особенно, огромная разница между климатом Западной Европы и климатом России. Летописи постоянно отмечают эту разницу.

Вот пример из летописи: 1284 год в России: «... Зима люта и студена зело... Изомре все и кони, и скоты, и овце, все изомре, не остана ничего...». В этом же году в Западной Европе — зима мягкая, раннее лето. 1286 год в России: «Велик мор по всей Русской земле». В Западной Европе — чрезвычайно теплая зима. И так — едва не каждый год.

4. Разница в плотности населения.

5. Отсутствие у России едва ли не до конца XVII века своего серебра, не говоря уж о золоте.

6. За всю историю России каждый её второй год был военным, а каждый третий — голодным.

То есть Россия выросла в постоянной борьбе за свое выживание. Выжить же без любви к своей земле, к своему языку, к своим святыням, наверно, кто-то может, но только не Россия, потому что, повторяю, война против России — это война на её уничтожение. Отсюда и масса лжи на Россию. Отсюда и понимание патриотизма в России прежде всего как патриотизма военного.

России не приходилось рассчитывать на чью-то помощь. Она рассчитывала только на свои силы. Ни один её союзник не был союзником в полном смысле этого слова. Вот пример из не столь уж далекой истории XIX века, пример союзнических отношений России и Англии. В 1804 году Россия вступила в коалицию против Наполеона и спасла Англию от наполеоновского вторжения. До сего Англия постоянно инспирировала войны Турции и Персии против России, не прекратив своей антироссийской политики уже будучи союзником России. В 1807 году Россия вынуждена была заключить с Наполеоном Тильзитский мир. В 1812 году, как известно, Наполеон вторгся в Россию. И спасенная Англия в самый тяжелый для России период уговаривает Персию захватить Закавказье. Пришлось России воевать на два фронта. Английский историк Джон Баддели писал: «Россия, сражавшаяся за само свое существование на собственной территории, одновременно находилась в состоянии войны с Персией и Турцией. Армия на Кавказе, которая и так никогда не могла похвастать большой численностью, понесла серьезные потери, а о подкреплении не могло быть и речи...» Разумеется, спасла Россию только доблесть русских солдат и казаков под руководством таких генералов, как Котляревский, Симанович, Цицианов, Ртищев.

У нас раздаются голоса об агрессивной политике России в Средней Азии во второй половине XIX века, о карательных экспедициях русских в Андижан в 1892 году и в восточный Туркестан в 1916-м. Но так называемая агрессия против среднеазиатских государственных и племенных образований была предопределена стремлением Англии захватить эти племена и государства, что никак не соответствовало интересам России (где Англия и где Россия!), и Россия была вынуждена на захват Средней

Азии. А что касается Андижана и Восточного Туркестана, то там были обыкновенные антирусские выступления, отличавшиеся кровавой резней русского населения. Кто бы из западных держав позволил себе спокойно взирать на это!

Вообще Англия той поры исповедовала тот же принцип, что и нынешние США — любой клочок на планете является сферой её национальных интересов, отсутствие там Англии угрожает её национальной безопасности.

И здесь интересно отметить два метода ведения войны, два разных взгляда на общенациональное понятие воинской чести и воинского долга, как и долга союзника. Русская честь, а может быть, русская простодырость исповедуют истину: «Сам погибай, а товарища выручай!» — В данном случае, союзника выручай. И русская честь (она же простодырость) заставляет русского отдаваться войне, как и всему в его жизни, всецело, проявляя невиданные стойкость и терпение. А та же английская честь метко охарактеризована видным славистом Пьером Паскалем в 1916 году. «У Англии вид, будто она готовится к послевоенному состоянию больше, чем к войне» — записал он в своем дневнике (цитирую по: Пьер Паскаль. Русский дневник 1916–1918. — Екатеринбург, 2014. — С. 32). Вот характерный и мало кому известный пример такой подготовки из времени Первой мировой войны, нашедший отражение в моем романе «Тень Бехистунга».

В начале весны 1916 года английские войска предприняли наступление в Месопотамии, были остановлены турецкими войсками и, более того, огромная их часть в количестве около 20 тысяч при артиллерии, боезапасе и провианте попала в окружение в крепости Кут-Эль-Амара. Командующий окруженной группировкой генерал Таунсенд сообщил, что провианта ему хватит до 13 апреля, и если к этому дню он не будет деблокирован, он сдастся в плен. Английское правительство обратилось к Российскому правительству с просьбой о помощи. Русский экспедиционный корпус генерала Н. Н. Баратова в Персии численностью чуть более 10 тысяч шашек и сабель (то есть в основном состоящий из казачьих и кавалерийских подразделений) вел изнурительные бои на фронте около полутысячи верст и сам нуждался в помощи. И русское правительство приняло решение этими силами деблокировать осажденных, благо, что до них от русских было не менее трёхсот вёрст.

Частью корпуса 21 марта Баратов завязал наступательные бои и к 25 апреля преодолел половину расстояния. Но пленные турецкие офицеры 25 апреля показали, что именно 13 апреля Таунсенд сдался, так и не предприняв попытки прорваться. Англия сберегла для послевоенного времени своих граждан. А то, что турки всеми высвободившимися силами обрушились на малочисленные подразделения союзных русских, — это их нимало не тронуло.

Два мира — две войны.

Ещё пример. Нашей главной идеологической истиной в Великой Отечественной войне были слова: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Противная сторона имела иное мерило — Инструкцию-наставление солдату Восточного фронта, в котором есть такие слова: «У тебя нет ни сердца, ни нервов — войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского... Убивай! Этим ты спасешь себя от гибели и обеспечишь будущее своей семьи...» (цитирую по: «Было такое поколение, которое не создало коллективной памяти». ВИЖ, № 6, 2015, стр. 6) Наша истина призывала к концентрации всех человеческих сил, данных ему Богом и природой — в конечном счете, она призывала к терпению. Их мерило призывало часть этих сил (жалость, сострадание, сердце, нервы) в себе уничтожить — в

конечном счете, оно призывало не терпеть, а спешить. Разница между терпением и спешкой очевидна.

Но когда необходима спешка и когда необходимы стойкость и терпение? Наверно, спешка нужна в захватнической войне, а стойкость и терпение — в войне оборонительной, праведной...

Опять: два мира — две войны.

В какой-то степени перекликается с подобным отношением к войне и отношение американского общества. Хотя это и выходит за рамки обозначенной темы доклада, просто в качестве примера много восприятия войны, скажу, что та же Вторая мировая война в американском обществе негласно получила название хорошей войны (ВИЖ, № 7, 2015. С. 26). Переводом всей экономики на военный лад США сумели выйти из длительной депрессии 30-х годов. На годы этой войны пришелся пик расходов американских граждан в ресторанах, театрах, ночных клубах, игорных домах, пришелся пик расходов на предметы роскоши и прочего. Их же собственные американские исследования признают, цитирую и прошу простить за стиль, но это стиль источника, что: «...несмотря на растущий список потерь на фронтах, много мужчин и женщин легко соглашались смириться с затягиванием успешно идущей войны до тех пор, пока она сохраняет им работу...» (Witter L.S. *Rebels against War. The American Peace Movement. 1933–1983.* Philadelphia. 1984. P. 114. — в: ВИЖ, № 7, 2015. С. 25.)

Возможно подобное представить в нашем обществе периода Великой Отечественной войны? Возможно представить, чтобы кто-то из нас мечтал о подобном?

Снова — такие вот два мира и такие две войны.

И уж коли коснулись темы Великой Отечественной, то необходимо сказать и о спекуляции некоторых наших так называемых исследователей на теме потерь СССР в этой войне. Их стремление подтвердить расхожий вывод о том, что мы победили, «закидав немцев своими трупами», порой наталкивает на мысль о стремлении не искать истину, а выполнить чей-то заказ. Не вдаваясь в кропотливую и тяжелую работу с источниками, они смело делают выводы на основании своих домыслов. Кто-то, полностью игнорируя давно открытую истину, что мемуары являются только косвенным историческим источником, основывается на немецких мемуаристах и сообщает о невероятных цифрах потерь с нашей стороны и малых цифрах потерь с их стороны. Кто-то берет за истину в последней инстанции только такой советский и «исключительно точный» документ, как Приказ заместителя наркома обороны генерала Щаденко от 11 апреля 1942 года, в котором говорится о плохой работе штабов по учету личного состава и в частности говорится, что к моменту Приказа состояние дел с учетом погибших было таково, что «на учете состоит не более одной трети действительного числа убитых». И этого документа подобного рода исследованиям вполне хватает, чтобы увеличить число наших потерь в 3 раза. Далее — кто-то изобретает систему подсчета наших потерь, исходя из так называемой численности «расчетной» дивизии, беря начальную численность её не фактическую, а штатную и потом вычитая из нее число оставшихся после операции. При этом, конечно, число «потерь» получается впечатляющим, вплоть до 27 миллионов убитых только на фронте. Отсюда и часто встречающееся в прессе соотношение потерь Красной армии и вермахта на Восточном фронте как 10:1. В этом отношении даже немецкие историки (не мемуаристы, а историки) показывают гораздо более осторожные цифры. А по подсчётам наиболее компетентной комиссии, возглавляемой Г. Ф. Кривошеевым, количество павших на поле брани наших воинов в Великой Отечественной войне равняется 11,5

миллионам. И в соотношении это равняется как 1,3:1. Зачем, для чего, по какой причине нужно нашим, или так называемым нашим исследователям искажать историческую действительность? Что ими движет? Ведь всякое государство уважает свою историю и, объективную ли, не объективную ли, не порочит ее. И только наше так называемое просвещенное общество любыми способами старается самому себе доказать и, более того, навязать народу, что у нас была плохая история, а то и вообще не было никакой истории, что мы народ без памяти. Может быть, и хорошо, что без памяти — потому что такую историю, какую нам это просвещенное общество навязывает, знать не надо. Их история лживая, вся построена на угодничестве перед Западом.

А уж как Запад пишет мировую историю — вот ещё одно замечание о мире и войне вдобавок к тем, которые на виду и на слуху у всех. Я говорю о беженцах с Украины, из Сирии, Ливии, Афганистана...

На Международном форуме «Литературная Евразия» в сентябре 2015 года одним из докладчиков был приведен такой пример лояльности американского общества. По данным социологического опроса, на вопрос, согласен ли респондент на то, чтобы немедленно провести ядерную атаку России, более половины респондентов ответили утвердительно.

Сколько ни называй нас, Россию, империей зла, варварами и так далее, едва ли найдется у нас психически здоровый человек, который бы ответил подобно в отношении самой Америки.

У нас понятие о войне, как о горе, не измеримом никакой мерой, уже заложено в генах. У нас в генах нет понятия «хорошей войны». И наша воинственность — это воинственность обороны. Она выражена в простонародном: «Не трогай нас — и мы не тронем!» Недаром нас Запад даже против своей воли ассоциирует не с орлом или ястребом, не с волком, не с тигром, не с лисицей, не шакалом-гиеной, а с медведем. Как-никак, а всё-таки знают русского медведя.

*Гладышев В. Ф.,
краевед, писатель
(г. Пермь)*

Он вышел из пучины

Герой Советского Союза Евгений Францев, ставший прообразом фильма «Торпедоносцы» и главным героем краеведческого поиска

«Это какая-то мистика», — подумал я во время командировки в Чернушку, в конце 1980-х. Коротая свой досуг, я ходил тогда в кино, и впервые посмотрел фильм «Торпедоносцы». Главную роль летчика, аса морской авиации, исполнил там Родион Нахапетов. Вернувшись из поездки домой, я узнал, что именно в Чернушке жил и учился один из прообразов героя фильма, летчик Францев, погибший при выполнении боевого задания.

БИОГРАФИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

Перед зданием школы № 9 в Чернушке стоит бюст Героя Советского Союза Евгения Францева. В самой школе создан музей. Помню, при посещении этой школы меня

поразило вот что: тема жизни и подвига Францева использовалась практически во всех школьных предметах. Начиная с рисования, литературы, языка и кончая арифметикой и географией. Не верите? Точно! Задается, к примеру, такой вопрос: на берегу какой реки встречался Женья Францев со своей подружкой перед уходом на фронт?

Вот такая биография с географией.

Всё делается здесь основательно, изобретательно, серьёзно. Кому-то это может показаться чуточку смешным, наверное, но... трогательна реакция школяров. И сколько смысла, сколько знаний скрыто за скороговоркой эрудитов-отличников!

Название речки и даже моря, над которым погиб летчик, ребята назовут, но нам сегодня интереснее имя той подружки, с которой дружил, переписывался Женья Францев. Мы познакомились с ней в Перми, где уже многие годы жила Вера Васильевна. Слушая воспоминания пожилой женщины, сохранившей строгое изящество бывшей учительницы, мы узнавали подлинную историю любви героического летчика. Историю, которая не очень-то похожа на сладенькую сказку. Но даже из пресловутого «бермудского треугольника» любви они умели выйти с достоинством...

Вера была на год постарше Жени. Когда впервые обратили внимание друг на друга, она работала уже пионервожатой, а он кончал школу. В Чернушку семья Францевых перебралась незадолго до войны.

«Увиделись — и словно биополе между нами возникло»... Никаких слов о любви, однако, не произносили — просто старались побольше находиться вместе. Однажды только, когда Вера заболела и дней десять отсутствовала, Женья подошел к ней после болезни и совершенно серьезно сказал: «Я получил по истории “четвёрку”, всё думал о тебе».

Учился он только на «отлично», об этом надо помнить. Ко всему, за что брался, Женья отвечал очень ответственно. И все у него получалось, вот что удивительно! Да к тому же этот красивый паренек (предки Францевых, кстати, польских кровей) играл в драмкружке. Лермонтовский купец Калашников в его исполнении тогда многих поразил. Ну как в такого не влюбиться?

И влюблялись. Дружил Женья ещё с одноклассницей Катей. Ребята часто проводили время вместе. Бывали и в деревушке, в которой жила Вера. Но у Кати чаще, у нее был патефон — большая редкость в тех местах! Жили интересной, насыщенной жизнью и не замечали, как летят дни.

По окончании школы Женья вместе с другом Мишей Глуховым поступил в летное училище имени Леваневского в Николаеве. И вдруг — война...

Она не только сломала все планы, смешала все карты, но и, по всему выходит, помешала разобраться в чувствах нашим героям. Точнее, даже не гак. Читая письма и дневник Евгения, у меня сложилось впечатление, что ему хотелось сберечь все самое дорогое из мирных счастливых дней и никого не обидеть, не потерять.

Хотя жили они тогда трудно, конечно, достатком и не пахло. События в стране, сталинские «разборки» также не обошли стороной Чернушку. Мать Жени особенно переживала за отца, который не всегда был сдержан на язык. «Ну, заберут тебя, на кого ребят-то оставишь?» — не раз распекала она главу многочисленного семейства. Но в войну недавним выпускникам вспоминалось светлое, хорошее...

О своей последней встрече с Женей Вера написала волнующие воспоминания. Она тогда уже устроилась на работу в школу...

«Я с учениками работала на погрузке дров в вагоны на разъезде Бикбарда. Приехала домой за продуктами. Была уже ночь. Я легла спать. Вдруг стук в окно. Выгля-

нула. Ба! Женя в военной форме. Беден мой язык, чтобы описать встречу... Ходили до утра по берегу реки Стреш, сидели на берегу, не могли наговориться. О себе ничего не рассказывал, хотя совершил немало подвигов. Скромный!

Ночь прошла, как мгновение, как приятный сон. Договорились встретиться через день у нас дома, в 12 часов. Потому, что сегодня я уезжала, а через день должна была приехать за продуктами снова. Но все поезда в тот день прошли через наш разъезд без остановок и только в 10 вечера я смогла сесть в поезд, а в 11 приехала в Чернушку. Шёл дождь. От станции до дома в селе Березника дошла сильно уставшая и уже не думала ни о какой встрече. Тем более, что ночь была глухая и какая-то тревожная. Подхожу к дому. В нашей комнате горит свет. Это, видимо, ждёт мамочка. Захожу: Женя! Ждал меня с 12-ти дня! Какое счастье! Об этом говорил весь мой облик, и Женя, несмотря на то, что я была грязная и мокрая, принялся меня обнимать и целовать. И сам вымазался. Посмотрели мы друг на друга и расхохотались. Я переоделась, пила чай, затем вышли на крыльцо.

Моросил дождик. Пахло цветами, рядом цветник. Даже пели соловьи, словно по заказу. Говорить не хотелось, просто было так приятно сидеть рядышком. Однако усталость взяла свое, и я незаметно уплыла в сон. Как я жалела потом об этом! Ведь так о многом можно было поговорить. А Женя не разбудил... Так и просидели до утра...»

Боюсь, молодым нашим современникам сегодня такое и представить невозможно, но... так было! Так их воспитали. В ту ночь, а точнее, раннее утро, случилось ещё одно событие, врезавшееся в память Веры. Они с Женей пошли навестить две березки, у которых когда-то перед поступлением Жени в училище они назначали свидания. А на поляне стояла только одно деревце — а березку Жени (так они распределили) кто-то срубил. Отгоняя нехорошее предчувствие, Женя пошутил: «Моя берёзка ушла фашистов бить». А через два месяца он погиб...

— Женя писал мне почти каждую неделю, — рассказывала мне Вера Васильевна. — Это при его-то занятости! Человек он был необыкновенно целеустремленный, неразболтанный, я ему даже завидовала. Письма его, некоторые с тетрадку, я передала корреспонденту «Комсомольской правды», который приезжал к нам в 1944 году, сразу после героической гибели Жени, чтобы написать о Францеве. Обещал вернуть, но не увидели мы ни очерка, ни писем. От переписки сохранилось очень немного, я так жалею...

«МЫ СТО ЛЕТ ПРОЖИВЁМ»

А вот дневник Евгения сохранился. Небольшая записная книжка, вся исписанная четким убористым почерком. Здесь и песни, которые пели тогда летчики морской авиации. «Землянка», Прощальная», «Священный Байкал», «Два бойца», стихи товарища, фронтового поэта Кронида Обойщикова... Цитаты из Суркова и Некрасова («Иди в огонь за честь Отчизны, за убежденья, за любовь...») соседствуют с азбучкой Морзе и наставлением адмирала Кузнецова: «Знания надо брать, добывать!..»

«...Мы сто лет проживем, все, что можем, возьмем мы от жизни. Мы сто лет проживем, все, что можем, мы жизни дадим», — читаем мы в этом фронтовом дневничке.

А в адресном разделе — координаты школьных подруг — Кати, не раз менявшиеся, и неизменный адрес Веры. Есть в той книжечке и такая запись: «Эх, если бы дожить до свадьбы! Так хочется дожить...»

Маме своей Женя, однако, сказал во время отпуска: «Жениться пока мне нельзя.

Если случится что — аттестат и все прочее пусть на вас перешлют...»

Не понравилась, конечно, матери, такая рассудительность, но Евгений знал, что говорил. Сколько друзей его уже не вернулись с задания...

— У нас были идеальные отношения, — сказала ещё Вера Васильевна. И пояснила: секса не допускали. Не то, что теперь молодёжь.

Про свою подругу она сказала так: ревности тут не было, а было разве что ясное осознание того, что даже если Женя выберет Катю, то сердцем он все равно будет с ней, с другой...

Письма с фронта, которые присылал Евгений, Вера Васильевна частично сохранила. Это удивительные документы, продиктованные великодушным и искренними чувствами большого и честного человека.

«...И каждый раз, возвращаясь из полета к людям, я любил их с удесятеренной силой и нежностью.

...Любовь делает нас достойными высокого неба, и само оно делает нас достойными любви...»

Читаю строки о самом сокровенном, и поневоле возникает чувство неловкости: а надо ли об этом? Снимает это ощущение позиция Веры Васильевны, которая сказала автору этих строк — как на исповеди:

— Я молчала об этом всю жизнь, а сейчас говорю, потому что мы так жили, а не иначе.

ЗА ОТВАГУ, ДОБЛЕСТЬ, ГЕРОИЗМ

Звание Героя Советского Союза Евгению Францеву и его другу штурману Павлу Галкину (я познакомился с ним благодаря неугомонному директору школы Равилу Габделхакову), было присвоено 7 апреля 1944 года. В Указе значилось: «За образцовое выполнение боевых заданий командования, за лично потопленные 2 подводных лодки противника, 1 танкер в 10000 тонн водоизмещением, 1 мотобот, 1 торпедированный транспорт водоизмещением 1500 тонн и потопленные в группе 2 транспорта противника общим водоизмещением 16000 тонн — и проявленные при этом отвагу, мужество, доблесть и героизм».

Погиб Францев при обстоятельствах, так до конца и не выясненных. Последнее радиодонесение от него было коротким:

— Атакую!... Потопил!...

После исчезновения его самолета в морской пучине — случилось это 15 сентября 1944 года — письма на станцию Чернушка ещё шли с севера... А затем в родительский дом (это в двух шагах от вокзала) поступили... вещи. 57 наименований на сумму 5 тысяч рублей, согласно «Описи на собственные вещи Францева Е. И. ...по причине гибели».

Шинель суконная, китель... Мать перешила их для Вячеслава, младшего брата, который впоследствии стал известным врачом-кардиологом... Шахматы, ценой 25 рублей, папиросы «В атаку!» — двадцать пачек, 100 рублей...

НЕ ДОИГРАЛ, НЕ ДОКУРИЛ, НЕ ДОЛЮБИЛ

В прежних публикациях, что скрывать, наш герой рисовался всегда очень правильным и чересчур безгрешным, что ли... Слишком каменным и достойным подражания. И все авторы биографий выражали надежду на то, что «века уж, видно, дорисуют недорисованный портрет».

И только чернушинский краевед Равиль Габделхаков, тогдашний директор школы и создатель музея, не просто надеется, он дорисовывает, собирает по крупинкам историю любви и смерти нашего современника.

Именно он, Габделхаков, отыскивал всех, кто знал лично Францева. С Евгением летал штурман Павел Андреевич Галкин, Герой Советского Союза, который ныне проживает в г. Ейске, в последнем же полёте Францева сопровождал штурман В. Е. Легкодымов. Павел Андреевич, изучив документы, присланные ему Ю. В. Рыбиным, писал:

«Из перевода полученной от вас ксерокопии всплыл неожиданный для меня факт атаки линкора «Тирпиц» в Ко-фиорде 15 сентября 1944 года английской воздушной эскадрой «Ланкастеров» незадолго до атаки Францевым авиатранспорта в Порсангер-фиорде. Ранее из открытых источников и секретных материалов я был знаком с историей и событиями, связанными с линкором «Тирпиц»: его деятельностью в Норвежском и Баренцевом морях, ударами по нему нашими подводными лодками, английскими подлодками-малютками, бомбардировками с английских авианосцев и потоплением его в ноябре 1944 года в районе Тромсё.

Выйдя из атаки, Е. Францев мог возвращаться на свой аэродром или по кратчайшему пути, сопряжённому с большой вероятностью быть перехваченным истребителями с нескольких аэродромов, которые располагались вблизи этого пути, или по пройденному маршруту, т.е. выходить из Порсангер-фиорда, где вероятность преследования истребителями с аэродрома Лаксельвен (в нескольких километрах от места атаки) также весьма высока, или выходить в море вблизи Гаммерфеста, т.е. отходить от цели не на восток или север, а на запад (что должно было быть для противника неожиданностью), но этот манёвр приближал его к Альтен-фиорду, где и находился атакованный «Тирпиц». Подобное совпадение могло оказаться роковым, с непредсказуемым многовариантным исходом...»

В своём письме Павел Андреевич указал предполагаемое место гибели экипажа: озеро Давгелуоббал в 30 км от населённого пункта Берлевог и 9 км к северу от перекрестка R 890/891. Поскольку, по воспоминаниям Павла Андреевича, именно здесь у немцев была площадка подскока для истребителей...

Именно Равиль Габделхаков написал и издал книгу «Атакую. Потопил» о судьбе Героя Советского Союза Францева — человека, который никогда не выйдет на пенсию. Он организовал несколько поездок школьников по местам подвигов героев-выпускников. Время неумолимо... краевед сменил место работы, он стал архивистом, защитил кандидатскую диссертацию. Но заветную тему Равиль Муллаханович не оставлял. Он не расставался с надеждой найти место гибели Францева. Пытаясь установить обстоятельства гибели экипажа Е. Францева, Габделхаков вёл многолетнюю, упорную переписку с военным ведомством, с архивами, в том числе с норвежскими.

И упорство исследователя было вознаграждено!

ОТВЕТ ВОЕННОГО АТАШШЕ

Долгожданная конкретика в ответ на запросы краеведа поступила из Осло, столицы Норвегии. В письме российского военного атташе сообщалось:

«...Относительно судьбы Героя Советского Союза гвардии старшего лейтенанта Францева Евгения Ивановича и его экипажа известно следующее.

Самолёт гвардии старшего лейтенанта Францева Е. И. («Дуглас бостон» А-20G-30, серийный номер 43-9529, бортовой номер 28, 2 эскадрилья 9 гвардейского минно-тор-

педного авиаполка, члены экипажа — гвардии лейтенант Легкодымов Василий Ефимович, гвардии старшина Антипычев Семен Михайлович, гвардии сержант Фомин Иван Васильевич) был сбит над фьордом Танафьорд в 15.51 (мст) 15 сентября 1944 г. огнём зенитной артиллерии немецких тральщиков-искателей мин «М-31» и «М-251». Все члены экипажа погибли, обломки самолёта находятся на дне Танафьорда. Место их предполагаемого нахождения могут указать норвежские рыбаки, занимающиеся промыслом в этом районе.

Информация о судьбе обоих экипажей получена от гражданина Норвегии Тора Эдгара Улсена (Tor Edgar Olsen)...

Сообщалось также, что проверенные по базе данных Центрально архива МО РФ (www.obd-memorial.ru) сведения о членах экипажа не противоречили информации, которая получена от норвежской стороны.

И ещё в письме была такая фраза: «В соответствии с норвежским законодательством обломки самолёта принадлежат Российской Федерации как государству-правопреемнику СССР и могут быть перевезены в Россию при соблюдении всех юридических и таможенных процедур. С уважением подполковник С. Карпушкин, помощник военного атташе при Посольстве России в Норвегии.

Теперь у Равиля Габделхакова появилась новая цель: найти и доставить обломки самолета Францева домой, на уральскую землю.

«ЭТУ ЖИЗНЬ ОН БЫ НЕ ПРИНЯЛ»

А «заневестившиеся» подруги Евгения, которые его ждали, после войны обзавелись семьями. У кого-то из читателей, может, закопошился в душе упрек: что же вы, девочки, так быстро забыли Женьку?

Такого нельзя так просто забыть, одно можно ответить. Катя после войны жила в другом городе, умерла в сравнительно молодом возрасте. Вера Васильевна по поводу своего замужества сказала одно: «Я решила сначала, что замуж никогда не выйду. Но мама моя, а она была верующей, почти приказала выполнять предназначение женщины, которое в семье, в детях. В том, что сын мой стал подводником, во многом роль писем Жени, они его воспитывали больше всего, как выяснилось...»

Интересно, что Евгений Францев родился 8 марта. «Да, он был особенный даже в нашей семье», — сказала нам его сестра. — А нынешнюю жизнь со всеми её новшествами и поправками ценностями он не принял бы».

Трудно сказать, принял бы Францев или нет новый курс. Но свое место он обязательно нашел бы. После победы, до которой Францев обязательно хотел дожить, он мечтал заняться очень мирным трудом: поднимать со дна морского затопленные корабли...

Из его класса погибли на фронте десятеро. И выходит, что самым живым из одноклассников оказался он, Женя Францев. Как писал его сослуживец, ставший после войны поэтом: «...Женя Францев выйдет из пучины». Он и вышел к нам — очень близким человеком, узнаваемым и почти родным.

Его школьная подруга, избраница его пылкого сердца, съездила однажды на Север. Опустила в воды Баренцева моря венок. После чего сказала: «На этом мой роман и кончился... И жизнь кончилась...»

Вера Васильевна была талантливым педагогом, несколько лет работала директором пермской школы № 11 (теперь гимназии). Ушла из жизни в конце прошлого века.

Не раз ей виделась в течение жизни картина последнего свидания, когда ночью её разбудил Женя, постучав в окно кортиком. И сердце билось так сильно...

В рассказе использованы материалы из музея Чернушинской школы № 9, а также из личных архивов автора и краеведа Р. Габделхакова.

*Лузина И. Н.,
учитель русского языка и литературы
(МБОУ Мельничной основной общеобразовательной школы,
Частинский район, Пермский край)*

Отражение этнокультурных традиций в музыкально-художественном цикле «С кистью и пером в ладони славлю Прикамье родное»

В настоящее время мало найдется людей, которые в состоянии ясно ответить: где Родина, где Отечество? Как остаться патриотом, что должен делать патриот? Давайте задумаемся над тем, часто ли мы говорим своим детям: «Посмотри, как прекрасен восход солнца! Послушай, как трепетно поет соловей или как нежно журчит ручей». А ведь именно с этого начинается любовь к Родине, которая, по словам Булата Окуджавы, не бывает напоказ. Это чувство сокровенно, задушевно, глубоко интимно, свято хранимо.

Социологический опрос, проведенный нами на территории деревни Мельничная, показал, что лишь 56% школьников и 38% взрослого населения смогли ответить на вопросы: «Что для меня значит Родина. Что сближает меня с родным народом». Остальные прореагировали незнанием, ставя в причину свою занятость, или безразличием к ненужным, по их мнению, вопросам.

Парадоксальный кризис взрослости нашел зеркальное отражение в детских душах, на которых сфокусированы различные по идеологической направленности разрушительные потоки информации.

Сегодня, как никогда, судьба отечества в руках тех, кто так или иначе причастен к проблемам содержания образования. Мы просто обязаны акцентировать внимание учащихся на решении проблемы патриотизма путём внедрения в учебно-воспитательный процесс новой социально-педагогической функции школы — этнопедагогизации, являющейся на сегодняшний день самым мощным средством педагогики и способствующей глубокому осознанию себя русскими, своих корней и родного края посредством возрождения, сохранения и развития народных культур, народных традиций.

Следуя идее природосообразности в контексте нового направления современной педагогики, мною разработан, основанный на таких ведущих принципах обучения, как гуманность, культуросообразность, гражданственность, музыкально-художественный цикл «С кистью и пером в ладони славлю Прикамье родное». Данный материал представляет серию уроков литературно-краеведческого характера, стержнем которых является исследование взаимовлияния звука, цвета и смысла в поэтическом творчестве мастеров слова Частинского края: Лузина Михаила Ивановича, Казанцевой Галины Антониновны, Трубина Анатолия Николаевича, Никифорова Владимира Ефремовича на фоне живописных пейзажей художника, проживающего в

районном центре, Герасимова Павла Тимофеевича. Лейтмотивом этого цикла звучит поэзия Пушкина, Тютчева, Буннина, Ахматовой. Внедрена проза Паустовского, Чехова, музыкальная классика Рахманинова, Чайковского, Бетховена.

Этнокультурный аспект цикла построен с учетом иметь интерпретационный материал, который рассматривается в трёхмерном образовательном пространстве национальной, общероссийской и мировой культуры.

В результате внедрения в образовательно-литературный процесс нашей школы уроков этнокультурного характера, во-первых, прослеживается взаимодействие школьников с носителями традиционной культуры, общение с людьми, живущими рядом, открытие тех знаний, которые могли навсегда уйти из жизни. Параллельно с этой деятельностью идет освоение новых, коммуникативных подходов к развитию речи учащихся, что является основой становления личности, сознания, а значит, и понимания жизни своей и общества.

Во-вторых, формируются исследовательские умения. Подготовка и проведение подобных уроков предполагает дифференцированный подход, т.е. «специализацию» каждого ученика в исследовательской деятельности. Так, они преуспевают в собирании литературно-краеведческих материалов, другие — в их сопоставлении, последние — в серьёзном осмыслении фактов.

В-третьих, такие уроки, с реальным, близким содержанием дают возможность увидеть и понять свое, родное в российском контексте, вписывать в историю, культуру родного края в историю страны и мира, проецировать общие человеческие процессы на судьбы земляков и, наконец, вписать себя в современную жизнь.

Подобная деятельность, бесспорно, прокладывает путь от местного патриотизма к патриотизму российскому, путь к культуре мира (традициям, ценностным установкам, мировоззренческим взглядам, образцам жизни), способствует формированию национального самосознания, толерантности.

Реализуя этнокультурный компонент обновлённого содержания образования, обозначилось следующее в результативности моей работы:

1. Создание кабинета, кружка литературно-краеведческой направленности.
2. Издание различных видов рукописных журналов на тему «Экология души и сердца».
3. Организация «Уроков мужества» (5–9-е классы).
4. Встреча с мастерами пера и кисти Частинского края.
5. Участие в региональных конкурсах профессионального мастерства педагогов, реализующих программы духовно-нравственной направленности.
6. Последние десять лет учащиеся Мельничной основной общеобразовательной школы являются участниками и призёрами муниципальных и региональных конкурсов научно-исследовательских работ в области филологии.
7. Участие в краевом фестивале детской прессы «Юнкоры-патриоты».
8. Астафьевские (малые) чтения (2006) и публикации статей учащихся.
9. Сотрудничество с краевой детской библиотекой им. Л. Кузьмина.

Самый большой результат моей работы — это добрые и отзывчивые дети, увлечённые историей своих предков, родного языка, родного края. Я уверена, что, осознав и прочувствовав в себе свое, родное в контексте страны и мировой цивилизации, мои дети обретут красоту души своей, которая даст или крылья, вызовет стремление к совершенству, научит любить природу, людей, родину, научит сострадать, прощать и не делать зла.

*Исаева Т.В.,
экскурсовод Литературного музея им. В. П. Астафьева
(г. Красноярск)*

Биография и творчество В. П. Астафьева в экспозиции Литературного музея им. В. П. Астафьева

Литературный музей им. В. П. Астафьева располагается в старинном особняке, в историческом центре Красноярска. Дом является памятником деревянного зодчества XIX века. Он был построен в 1894 году и принадлежал красноярской мещанке Ф. Г. Цукерман. В 1910–1913 годах губернский архитектор В. А. Соколовский реконструировал этот дом, превратив его в настоящее произведение искусства. В результате получилась прекрасная деревянная сказка, никого не оставляющая равнодушными. Крупное двухэтажное деревянное здание на кирпичном цоколе, со сложной крышей разной высоты. Яркий образец специфической деревянной архитектуры Красноярска начала XX века в романтических формах модерна и псевдоготики, со сложной объёмно-планировочной композицией.

6 июня 1997 года в бывшем доме Цукерман открылся Литературный музей.

В 2014 году открылась новая экспозиция «Сны о Сибири». Современный музей оснащен новейшими технологиями — мультимедийной системой и информационными киосками.

Судьба Литературного музея связана с именем известного русского писателя, нашего земляка В. П. Астафьева.

Когда Виктор Петрович вернулся в Красноярск, он помимо основного писательского труда стал активно заниматься общественной жизнью города и края. Он очень поддержал идею создания в Красноярске Литературного музея и много сделал для реализации этой многолетней мечты в жизнь. Поэтому, не случаен тот факт, что в 2002 году музею было присвоено имя В. П. Астафьева.

К творчеству и биографии В. П. Астафьева экспозиция Литературного музея обращается неоднократно. Есть зал, полностью посвященный писателю, и залы, которые так или иначе соприкасаются с судьбой и творчеством сибирского писателя.

В зале **«Памяти В. П. Астафьева»** в виде символической киноленты представлены на стенах фотографии, рассказывающие о семье писателя, людях, которые его окружали, о том, что было ему важно и дорого, о том, что он любил... Также, в этом зале собраны разные издания произведений В. П. Астафьева на русском языке и переводы его книг на иностранные языки.

С помощью информационного киоска посетители могут более подробно рассмотреть фотографии писателя, узнать, кто на них изображен, познакомиться с основными вехами биографии В. П. Астафьева.

Это первый зал, в который попадают посетители во время обзорной экскурсии, а также, в этом зале проходит музейное занятие «Гори-гори ясно», посвященное изучению одноименного рассказа писателя.

Следующий зал, в котором мы встречаемся с творчеством В. П. Астафьева — **«Енисей»**. Экспозиция зала рассказывает о литературе XX века, который озаменовал себя как век научно-технических открытий. Многие произведения писателей XX века обращаются к теме труда, как процесса революционного преобразования действительности, формирования человека нового времени, становления его характера

под воздействием социального переустройства общества. Но также, в этот период возникает противоположное литературное направление, так называемая «деревенская проза», представители которой свое предназначение видят в том, чтобы привлечь внимание к природе с её неописуемыми красотоми и кровоточащими ранами, нанесенными деятельностью человека; привлечь внимание к людям, живущим на земле, и прежде всего, в деревне. Поэтому, возникают в экспозиции имена таких писателей, как А. И. Щербаков, В. И. Белов, В. Г. Распутин, М. А. Тарковский и, конечно, В. П. Астафьев, в произведениях которого сибирская деревня предстает как светлый образ Родины.

В. Астафьев с болью пишет о Енисее: «Плывут и плывут по измученной реке, кружатся рыхлые коросты шуги... Нет и никогда уже не будет покоя реке. Сам не знающий покоя, человек с осатанелым упорством стремится подчинить, заарканить природу. Да природу-то не переиграть».

Экспозиция зала **«Жизнь моя»** повествует о войне. Любая война — Гражданская, Великая Отечественная, локальные военные конфликты — это большое горе, несущее смерть, слёзы, разрушение. Творчество писателей-фронтовиков, лично испытавших все тяготы окопной жизни — особая страница в отечественной литературе.

Тема войны — одна из ключевых тем и в творчестве В. П. Астафьева. Молодость писателя выпала на войну. Осенью 1942 года Виктор Астафьев добровольцем ушёл на фронт. Воевал в 17-й артиллерийской дивизии I Украинского фронта, освобождал Украину, Польшу. Всю войну прошёл он рядовым, менялись лишь профессии: артиллерист, шофер, связист. Не раз был ранен, лежал в госпиталях. Имеет боевые награды: орден Красной Звезды, орден Великой Отечественной войны, медаль «За отвагу». Первый рассказ В. П. Астафьева «Гражданский человек» написан по фронтовым воспоминаниям в 1951 году, повесть «Пастух и пастушка» появилась через двадцать лет, пьеса «Прости меня» — через тридцать, роман «Прокляты и убиты» и повесть «Весёлый солдат» — через сорок четыре года. Астафьев пишет о столкновении человека с грубостью войны, выражает мысль, что война противоестественна самой сути человека.

В зале представлены произведения писателя, показывается специально смонтированный для экспозиции фильм «Где-то гремит война», состоящий из фрагментов экранизации одноименной повести В. Астафьева, военной кинохроники, сопровождаем ой стихами сибирских поэтов-фронтовиков, фотодокументами из архивов писателей.

Также, в этом зале представлена фотография, о которой В. П. Астафьев пишет в своём рассказе «Фотография, на которой меня нет». На этой фотографии — учителя Вити Астафьева в овсянkinской школе — Городыские Евгений Сигизмундович и Евгения Алексеевна, которые ушли на фронт и не вернулись.

Ещё одна интересная фотография, повествующая о важном событии жизни писателя, находится в зале «Творческая лаборатория писателя». Это фотография с Высших Литературных курсов в Москве, на которых Астафьев учился в 1959–1961 годах. На оборотной стороне фотографии написаны отзывы сокурсников писателя, которые уже тогда почувствовали его огромный талант. Так, например, Фазиль Абдулович Искандер написал: «Русский ты Человек, помни о своём месте в жизни и той ответственности, которая лежит на тебе!!! Фазиль»

«Сибирская руда» — зал, посвящённый четырём писателям, имевшим сибирские корни и ставшим классиками современной русской литературы, Александру

Валентиновичу Вампилову, Василию Макаровичу Шукшину, Валентину Григорьевичу Распутину и Виктору Петровичу Астафьеву. Здесь в витринах — наиболее интересные, на наш взгляд, издания произведений писателей, копии рукописей, которые расположены в виде символической ленты, уходящей в небо. А на стенах — большие портреты писателей, под которыми написаны ключевые, как нам кажется, цитаты, выражающие основную мысль творчества писателей. Так, под портретом В. П. Астафьева написано: «Но очень уж большая земля-то наша российская. Утеряешь человека и не вдруг найдёшь».

В Литературном музее В. П. Астафьева проводятся тематические экскурсии по творчеству В. П. Астафьева, сотрудники музея регулярно участвуют в «Астафьевских чтениях» и активно сотрудничают с филиалом «Красноярского краевого краеведческого музея», организовывая совместные выставки и мероприятия.

*Гребёнкин А. А.,
писатель
(г. Пермь)*

Долг памяти

Моё знакомство с творчеством Виктора Петровича Астафьева началось с прочтения книги «Пастух и пастушка».

В литературе существует два понятия: правда жизни и правда литературы. Его творчество — это правда жизни, окопная правда. Она не оставляет человека равнодушным, заставляет его сопереживать вместе с автором и вместе с героями книг искать себя в жизни. Искать, а не стоять на месте. Даже трагическая развязка оставляет в душе светлое чувство — стремление жить.

После отъезда в Вологду Виктор Петрович изредка приезжал в Пермь на свою вторую Родину. Его тянуло в места, где начиналась его творческая деятельность: г. Чусовой. Но каждый раз перед поездкой в Чусовой он останавливался в Перми и приходил в нашу писательскую организацию. В один из таких приездов я подошёл к нему и попросил надписать мне книгу. Он пригласил меня в гостиницу «Турист», где он остановился перед отъездом в Чусовой. Мы немного с ним поговорили. Он живо поинтересовался моим творчеством, расспрашивал обо мне, о моей семье. Именно вниманием к людям он запомнился мне во время редких, но интересных встреч. Я прикоснулся душой к человеку, о котором ещё при жизни складывались легенды. Он любил посидеть с друзьями, поговорить о жизни и творчестве, вспомнить интересные эпизоды из своей жизни. После очередного посещения Перми я пошёл проводить его и писателя Роберта Петровича Белова на станцию Пермь на электричку. И даже по пути к вокзалу он не был равнодушным, уделял мне своё внимание, расспрашивал о моих творческих делах и подарил мне свою книгу.

Я бережно храню его книги, надписанные им во время этих встреч. Позднее он перебрался на свою малую Родину — деревню Овсянку.

Незабываемая встреча с Виктором Петровичем Астафьевым произошла у меня на 7-м съезде писателей России, когда я вместе с писателями Николаем Вагнером, Львом Кузьминым, Николаем Домовитовым и Анатолием Гребневым был включен в состав пермской делегации на этот съезд. В Москве мы жили в гостинице на Старой

площади. На съезде был весь цвет писателей России. Но это тема отдельного разговора. Во время съезда я со стороны видел, что Виктор Петрович — лидер. Вокруг него всегда собирались собратья по перу и люди, равнодушные к его творчеству.

Он был среди литературной братии, как рыба в воде, всегда на виду, деловой, подтянутый, непоседливый. Вокруг него ключом кипела жизнь. На съезде звучали выступления писателей. Среди первых выступил Виктор Петрович. Он общался с писателями в перерывах между заседаниями и вечером в гостинице. В одном из перерывов мы и сфотографировались с Виктором Петровичем. У меня до сих пор хранится эта фотография, где я запечатлён с писателями: Виктором Астафьевым, Николаем Вагнером, Львом Кузьминым, Николаем Домовитовым. Фотография памятна и дорога моему сердцу.

После первого дня съезда мы собрались в гостинице в нашей комнате, и я открыл для себя в Викторе Петровиче прекрасного рассказчика. Его рассказы завораживали. Можно было часами сидеть рядом и слушать его. Это были неповторимые встречи. Он всегда был в центре внимания собратьев по перу.

К нам в комнату заходили писатели-делегаты съезда из разных городов и республик России. Были среди них и писатели из моей родной Удмуртии Зоя Богомолова, Владимир Емельянов, Геннадий Самсонов. В этот вечер я услышал из уст Виктора Петровича случай из жизни моего учителя — Н. Ф. Домовитова. Николай Фёдорович Домовитов и сам внимательно слушал Виктора Петровича, улыбался и подправлял его в ходе рассказа. Разговор шёл естественно и интересно. Я сидел и смотрел на этих двух разных, умудрённых жизнью писателей-фронтовиков, одновременно таких удивительно интересных людей и понимал, что именно благодаря таким людям жива наша русская литература, жива Россия. Ни тени чванства, ни высокомерия, лишь открытая русская душа раскрывалась друзьям, радовала и волновала. И час за часом, в ходе бесед, для меня открывался новый Астафьев — человек, делающий своё дело, возвращающий людям время нашей короткой, но счастливой человеческой жизни.

Были и другие встречи в том числе и в Доме писателей в Перми. И я видел перед собой человека равнодушного, упрямо делающего своё многотрудное дело. Можно по-разному относиться к В. П. Астафьеву, но то, что им написано, остаётся в памяти людей. И это не перечеркнуть и не предать забвению.

*Гурин И. П.,
писатель
(г. Пермь)*

«Не бояться правды» (из повести-эссе «Сокровенное»)

«Не бояться правды». Такой совет давал Виктор Астафьев начинающему писателю Петру Жукову. О нём, Жукове, только сейчас, спустя десятилетия после его смерти, сполна узнают в Чернушке, Чусовом и Верхнечусовских Городках.

Кем-то подмечено: смерть — факт в нашей биографии и не более того. Она раскрепощает её, даёт возможность оставшимся на земле людям узнать о неизвестных сторонах жизни ушедшего на тот свет человека, которые прежде по разным причинам

не предавались гласности. Судьба Петра Матвеевича, родившегося в мае 1922 года, необычна. Он — дальний родственник Георгия Константиновича Жукова.

В детстве Петя беспризорничал. (В роду Жуковых всякое бывало; известно, что отец Георгия Константиновича был подкидышем.) Петю определили в Ленинградский детдом по просьбе Сергея Мироновича Кирова, увидевшего оборвыша на вокзале.

В детском доме мальчик сочинял стихи в стенгазету. Они попались на глаза Самуилу Маршаку, заглянувшему к ребятам, и поэт благословил его на творчество. Пётр, верно, потянулся к литературе, но выучился на юриста. В войну участвовал в боях и служил адвокатом.

У Петра Жукова была аховая работёнка: он защищал в военном трибунале изменников, дезертиров, старост. Судебный материал не нашёл отклика в его душе, как это случилось с Владимиром Соколовским (Якушевым).

Забросив адвокатуру, Пётр Матвеевич обосновался в Верхнечусовских Городках, устроился в газету «Уральская вышка». Жуков тяготел к природе, к необычным судьбам людей. Прекрасен его очерк об участнике Цусимского боя Фёдоре Подшивалове. Вдова Петра Матвеевича, Юлия Ивановна — библиотекарь, показывала мне снимок с запечатлёнными защитниками Отечества из разновременности: Петром Жуковым и Фёдором Подшиваловым.

Публикуя заметки, очерки, он отсылал стихи и рассказы в Пермь. На его творчество обратил внимание Александр Спешников. Писатель подарил ему книгу «Бурлаки» с автографом: «Начинающему, хотя и немолодому, литератору, рыбаку, душевному парню Пете Жукову на память».

Пётр Матвеевич, приезжая в областной центр, общался с Олегом Селянкиным, Владимиром Черненко. А Виктору Астафьеву, жившему в Чусовом, отправил свой рассказ, и писатель пригласил его к себе:

«...У меня ночуете, а за ночь мы сможем о многом поговорить... А пока жму руку и жду. Астафьев. 3-1-58 года».

И Пётр Матвеевич поспешил к нему. Они, детдомовцы, покорешились.

Не раз Виктор Петрович с женой Марией Семёновной приезжали к Жуковым в гости. Чаше отдыхали на природе. Один раз развели костёр у реки. Мужчины, предвкушая хороший улов, взялись за удочки, а женщины ушли в лес по грибы. Астафьев с Жуковым, несмотря на все старания, не поймали ни одной рыбки. Пришлось лакомиться... грибовницей. Мария Семёновна и Юлия Ивановна собирали полные лукошки ядрёных грибов. Упивались и чаем, заваренным Виктором Петровичем из ароматных трав.

Последующие встречи, случалось, откладывались. Астафьев оправдывался:

«Дорогой Петро! Мы так и не выбрались к вам... Подвела нас тут одна старушка. Пообещала домовничать и не пришла, а так бросить дом в нашем городе всё ещё нельзя, всё ещё осадное положение, и когда только конец ему будет!»

Писатель тревожился не напрасно. «Осадное положение» в Чусовом, как и во всей России, продолжается до сих пор; люди ныне вообще бронируют двери, вставляя в окна стальные решётки.

В этом же письме Виктор Астафьев сообщал:

«Числа 11–12 еду в Пермь сдавать сборник и... уверен — сборник не пойдёт по цензурным соображениям...»

Осложнения с цензурой у него уже случались. Долго не давали ходу рукописи романа «Тают снега», сданной в декабре 1957 года. В ней «тоже были допущены по-

литико-идеологические ошибки», которых «не заметил редактор Лев Правдин» (писатель, в частности, поддевал ленивых земледельцев, надеющихся на шефов).

Виктор Астафьев тяжело переживал вмешательства цензоров в рукописи, но не поступался правдой, понимая, что без неё, как и дара Божьего, и изнурительного труда, нет писателя. Он и Петру Жукову советовал:

«Будь самостоятельной. И не бойся материала, т. е. правды, как бы она ни была горька».

Речь шла о работе Жукова над повестью о детдомовцах «Беглецы», и Виктор Петрович, желая удачи товарищу, журил его:

«Дорогой Петро! Название твоё новое мне не нравится... Слишком в лоб и слишком изношенное. При чём тут беглецы, когда речь идёт о трудной судьбе парней? Поищи-ка, поизобретай, брат. Название — это капля, в которой должно отразиться всё содержание повести, и в то же время эта капля должна быть яркой, свежей и привлекательной».

В другом письме наставлял:

«Ещё и ещё продумай каждое место, каждое слово. Помни, что сейчас я буду к тебе придираюсь ещё сильнее, ибо год прошёл и за год можно многому подучиться. Привет семейству твоему. Лодку делай. Пригодится... Жму руку. Виктор».

Самому Виктору Петровичу помогала войти в литературу Клавдия Рождественская — его «благодетельница и наставница». Она занималась с ним даже в день смерти Сталина.

В Чусовом жизнь Виктору Астафьеву облегчала дружба с Жуковым.

— Мне нравилось, — вспоминала Юлия Ивановна, — что Виктор Петрович и муж обходились без спиртного. Без него хватало душевных бесед, веселья и шуток. Помню, Виктор Астафьев на пикнике, шутя, предложил Петру поменяться жёнами, поскольку он одного года со мной, а мой муж — ровесник Марии Семёновны. Посмеялись мы и забыли про ту болтовню...

После смерти мужа Юлия Ивановна жила с Петром Лузиным, режиссёром народного драмтеатра в Чернушке. По этому поводу она шутила:

— У меня в жизни было два Петра: Пётр Первый и Пётр Второй.

Юлия Ивановна была старше Виктора Астафьева на неделю. Отметив день рождения, она и его, жившего в Красноярске, поздравила с 70-летним юбилеем и напомнила о давней поре и душевном парне — Петре Жукове.

Виктор Петрович не оотказался. Наверное, из-за занятости или болезни. Возможно, Мария Семёновна, сортировавшая почту, умышленно не показала мужу письмо «соперницы», остававшейся до конца жизни статной.

В преддверии 90-летия со дня рождения Виктора Астафьева в журнале «Литературная Россия» (28 марта 2014 г.) была опубликована статья Антона Нечаева «Понимаем ли мы, что будем праздновать».

Отчётливо понимаем: юбилей писателя с мировым именем. Понимаем и то, к чему автор подталкивает читателей: «...В условиях Советской власти работа писателя могла иметь только одно определённое направление: идеологическое. Степень идеологичности могла быть разной: от оголтелой безоглядной советскости до вынужденного соблюдения необходимых минимумов при попытке создать что-то по-настоящему художественно достойное... Но Астафьев, при всём том, что он никогда, за исключением последних лет жизни, не был фрондёром, так и не стал стопроцентно советским...»

Антон Нечаев как бы противопоставляет Виктора Петровича советскому народу, из которого он вышел. Ссылаясь на имя Виктора Астафьева, имевшего, по словам Антона Нечаева, трудный, даже в чём-то больной характер, запальчивость, упрямство, противоречивость, нам внушают: творите не «по идеологической канве правильности и неправильности, а сквозь художественную кальку жизненной правды».

Кто бы с этим спорил! Но сейчас-то либеральные писатели тоже творят по идеологической канве, только иной окраски: антисоветской, антирусской, оскверняя многое из замечательного прошлого страны, опошляя её историю и героев. Где же ныне она, «художественная калька жизненной правды»?!

Виктора Астафьева, писателя истинно русского, советского, чьи книги пронизаны идеями «национального самосохранения, противодействия нравственному распаду, с опорой на корневые устои национальной жизни», нельзя отнести к либералам, и мы им его не отдадим.

Они, либералы, ненавидели Виктора Петровича за расприю с Натаном Эйдельманом, за русскость, но в то же время готовы были в нужный момент использовать имя великого писателя в своих интересах. Такой случай выпал на октябрь 1993 года, когда Борис Ельцин расстрелял Белый дом — нашу законодательную власть. Политика, допустившего противоправные действия, поддержали десятки писателей, предложивших в письме, которое, не читая, подписал и Виктор Астафьев, жёстко расправиться с оппозицией.

В доказательство того, что он не читал его, сошлюсь на письмо Валентина Курбатова:

«Дорогой Виктор Петрович! Сразу (чтобы не мучиться самым тяжёлым) — я был очень расстроен, увидев Вашу подпись под категоричным призывом Черниченко и Нуйкина “разогнать, остановить, прекратить” (“Раздавите гадину”, обращение писателей в газете “Известия”...). Так русские писатели ещё не разговаривали. Это уж, простите, от холопства, которое успело процвести в наших новодельных демократиях, от привычки решать вопросы райкомовскими способами. Судя по тому, что Ваша подпись, вопреки алфавитным ранжирам, явилась за г-ном Чулаки, Вас “прописали” простой телефонной просьбой!»

Виктор Петрович не ответил Курбатову. Он, человек умный и мудрый, осознал, видно, что спонтанно втянулся в старую идеологию, и, возможно, подумал: чем подставившие его под удар господ писатели, осуждавшие простых людей с фабрик и заводов, требовавших в 1930-х годах уничтожать «врагов народа», лучше их?! Они ж повторяли то же самое!

Под «расстрельными» письмами в своё время подписывался Борис Пастернак с сотоварищами. Про то пишет поэт, публицист Станислав Куняев в книге «Жрецы и жертвы Холокоста», подаренной мне с такой надписью:

«Ивану Петровичу Гурину от его земляка (поскольку я жил в раннем детстве в Перми. — И. Г.) на добрую память. Это моя новая книга, книга, которую я писал всю жизнь и ещё два года...»

В ней Станислав Юрьевич ссылается на номера 32 и 33 «Литературной газеты» за 1937 год и на заголовки откликов по делу Тухачевского, Уборевича, Корка и «других мерзавцев»: «Мы требуем расстрела шпионов», «Не дадим житья врагам Советского Союза» и другие короткие проклятья, подписанные не от имени каких-то... заводских, фабричных коллективов и не какими-то безвестными «шариковыми», а Пастернаком, Сельвинским, Кассилем...

Станислав Куняев ни под одним «расстрельным» письмом не встретил имён Леонова и Михаила Шолохова.

Да нет, господа, никогда Шолохов не был кровожадным! Он не воспевал «деяния» ЧК и ГУЛАГа, как это делали Борис Пастернак, Виктор Шкловский, Михаил Светлов...

Пастернак дрался с Есениным, но не «по-джентльменски», а налетал на него, крепкого рязанского парня, всей сворой, втроём или вчетвером. Всеволод Рождественский видел однажды, как на московской улице Борис Пастернак держал Сергея Есенина, избиваемого двумя громилами. За что же Борису Леонидовичу в Перми, где он «косил» от армии, установлен памятник? По этому поводу недоумевает поэт Владимир Пантелеев:

*...Я смотрю и не верю:
Что-то в крае не так.
Почему в этом сквере
Ты стоишь, Пастернак?*

На этом месте, по его мнению, должен стоять памятник уральскому поэту Владимиру Радкевичу, или, на мой взгляд, Виктору Астафьеву.

Виктор Петрович имел, как всякий фронтовик, свой взгляд на войну:

«Сойдутся <...> на убийство друг друга, перебыют, перекалечат <...>, а потом будут служить благодарственный молебен за то, что побили много людей <...>, полагая, что чем больше побито людей, тем больше заслуга...»

Исходя из тех взглядов на бойню, он и выносил в мирное время мысль о том, что Ленинград в блокаду следовало сдать.

Понятно, Виктор Петрович болел за погибших ленинградцев, но было очевидно: сдай Красная Армия Ленинград, повязавший огромные вражеские силы вокруг себя, мы бы не отстояли Москве.

Потеря столицы означала бы если не полное поражение, то затягивание войны ещё лет на пять-десять. На сдачу Москвы среагировали бы японцы. Они, чего и боялся Сталин, полезли бы на наши земли. Да и белоэмигранты зашевелились бы. Тот же забайкальский атаман Семёнов горел желанием создать в России Монголо-Бурятскую Республику. Нам бы изменили, как пить дать, Америка с Англией — и задушили бы всем враждебным миром.

Враги успели бы создать и «оружие возмездия» — атомную бомбу. Чем нам это грозило в войну — объяснять не надо. Сдача Ленинграда не уменьшила бы числа жертв, а, наоборот, увеличила.

О той мысли Виктора Астафьева, возможно, неодобрительно отозвался бы и Пётр Жуков, доживи он до этой поры.

Судьба у Петра Матвеевича, перебравшегося в 1960 году в Чернушку, в газету «Красное Предуралье», переименованную в «Маяк Приуралья», сложилась не слишком удачно. Он тосковал без края, где жил Виктор Астафьев, и хотел переехать в Чусовой. Но Виктор Петрович, учившийся на Высших литературных курсах в Москве, отговорил его от задуманного. Он сам собирался перебраться в Пермь.

В дорогое прошлое Пётр Жуков вернуться не мог, а будущего у него из-за тяжёлой болезни не было. Он похоронен в Чернушке. Прах жены покоится на смоленском кладбище. Юлия Ивановна умерла 21 января 2010 года.

Замечательная была пара.

Не стало и Виктора Астафьева. Его имя продолжают «трепать» недруги. Они то и дело осознанно ссылаются на авторитетное мнение писателя, в частности, в отношении войны и Георгия Жукова, направлявшегося Верховной Ставкой туда, где было всего трудней. И войска знали: где Жуков — там и наступление, там и победа.

О военном таланте Георгия Жукова стали говорить чаще. Взять хотя бы Берлинскую операцию. Его ругали и ругают за неё: мол, не жалел «мясник» солдат. А он, наоборот, немало их сберёг, разбив сначала врага на Зееловских высотах и не дав 9-й немецкой армии войти в Берлин, что было чревато более крупными потерями наших бойцов при штурме германской столицы. В неё с Зееловских высот прорвались жалкие остатки 56-го танкового корпуса.

За берлинские потери полководца ругал и Виктор Астафьев. Но ведь он, великий писатель, не слыл великим стратегом, каковым был Георгий Жуков.

С горечью слушал я выступление украинского представителя на сессии Европарламента, ратовавшего за введение санкций против России, «аннексировавшей Крым». Он, оскорбляя наш народ, говорил буквально следующее: «Русскую душу хорошо раскрыл писатель Виктор Астафьев: “Русский человек — добрый человек: чаем напоит, обогреет, но он же тебя и прирежет...”». Представитель Украины оскорбил не только наш народ, но и писателя, не озвучив концовку цитаты: «...если ты, сука, будешь ложечки тырить» (или газ. — И. Г.) Полная фраза обретает несколько иную окраску.

Знатоки творчества Астафьева уверяют, что у писателя есть совершенно другие слова: «...Умён, собака, практическим, выстрадавшим умом умён этот мой вечный “герой”: то полпайки отдаст кровной, то прирежет невзначай». В них, однако, и намёка нет на национальность.

Ненавистникам нашего народа надо бы знать мысли Виктора Астафьева из романа «Прокляты и убиты»:

«Русские люди, как обнажено и незлопамятно ваше сердце! Можно рукой потрогать его под полущубком, услышать ладонью его тревожный стук, его доверчивое тепло почувствовать».

Уверен, будь Виктор Петрович жив, ему самому неприятно было бы слышать клевету на него, и возмущился бы такому обобщению.

Россию чернят и пытаются развалить такие люди, как Альфред Кох, — «Приватизатор-2». Так назвал его Михаил Полторанин в книге «Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса». Этот казахстанский немец, стажировавшийся в Чили, откровенно говорил:

«Ну, народ ограблен не был, поскольку ему это не принадлежало... Как можно ограбить того, кому это не принадлежит?» «Двойнику Чубайса, — пишет дальше Михаил Полторанин, — и в голову не приходило, что хозяином российского имущества может быть народ, который накопил его своим трудом. Его же, Коха, инструктировали иначе: хозяином страны должны быть они, кого Ельцин поставит с черпаком на раздаче...»

Да, их, «мальчиков в розовых штанишках», обрабатывали матёрые профи.

Егора Гайдара учили предательству социализма во Всесоюзном научно-исследовательском институте системных исследований, считавшемся Московским филиалом кадрового центра масонского ордена.

Анатолий Чубайс варился в тех же кругах.

Бориса Ельцина, не имевшего глубоких знаний, какими обладали Ленин и Сталин, консультировал американский экономист Джеффри Сакс. Он, по словам Полторанина, — творец шоковой терапии, опробовал её с мандатом МВФ на нефтегазовой Боливии, и так распределил богатства в пользу кучки транснациональных олигархов, что 70 процентов населения стало бедным.

В России Борис Ельцин с его «помощью» тоже обобрал свой народ, за что, видимо, и был награждён масонским орденом.

Джеффри Сакс — «мальчишка» по сравнению с Ельциным (ему в 1990 году было 36 лет. — И. Г.) — оправдывался по случаю неудачных реформ в России. Он говорил: «Российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карман как можно больше денег и поскорее. Это — не шоковая терапия. Это — злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция...»

Впрочем, она продолжается. Альфред Кох (продолжу цитировать Полторанина. — И. Г.) «на вопрос, что будет представлять Россия после реформы, с присущим... чинушам цинизмом ответил: “Сырьевой придаток. Безусловная эмиграция всех людей, которые могут думать... Далее — развал, превращение в десяток... государств»».

Это же — конечная цель расчленения СССР (России) и уничтожение самого непокорного русского народа по доктрине Аллена Даллеса, разработанной им, будущим шефом ЦРУ, ещё в 1945 году!

Она многим известна, и всё же я напому об отдельных её положениях:

«...Посеем там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдём своих единомышленников, своих союзников в самой России...»

И нашли: горбачёвых, ельциных, яковлевых...

Далее: «Честность и порядочность будут осмеиваться... Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность..., национализм и вражду народов — прежде всего вражду и ненависть к русскому народу, — всё это мы будем ловко и незаметно культивировать, всё это расцветёт махровым цветом...»

Расцвело уже!!! Даже у нас со здания Пермского отделения Союза писателей России готовы убрать мемориальную доску за то, что ушедшие из жизни прозаики и поэты, в том числе Виктор Астафьев, названы русскими. Восстают русофобы и против названия «Русские встречи». Это смахивает на потуги бандеровцев, жаждущих запретить на Украине русский язык и изжить в Донецке и Луганске русских людей. Бандеровцы желают с натовцами видеть Россию выжженным полем, а наши либералы вопиют: «У России нет врагов, их придумывают!»

Усыпляют бдительность россиян. Ещё — спивают, травят наркотой. И раздробляют политические партии.

Не удержусь от выдержки из воспоминаний атамана Григория Семёнова:

«Существующие политические партии в стране свидетельствуют о наличии в ней глубоких разногласий и раздоров между различными слоями населения, подтачивают устой национального единства и расшатывают фундамент государства. Увлечение партийной борьбой погубит нашу Родину, и я твёрдо убеждён, что теперь, наученный горьким опытом, народ наш не пойдёт ни на какие партийные посулы...»

Ошибался атаман. Раздробленные люди по партийным признакам, лукаво признаваемым у нас за демократию, до сих пор внимают обещаниям вождей.

Виктор Астафьев, чьи политические воззрения я не во всём разделяю, а литературный талант чту и ценю, осудил незадолго до смерти, противореча самому себе, бесчинствующий чужой, злобный, порочный мир, которому, как ни крути, подслащивал. И всё же благодаря своей «внутренней консервативно-совестливой, исповедально-проповеднической природе», по словам Юрия Беликова, не мог близко к сердцу принять его. Потому-то и вспомнился Виктору Петровичу мир добрый и родной, существовавший при Советской власти, хотя и разносил её в пух и прах.

К чести писателя, он в конце жизни нашёл мужество признаться, что в пылу полемике наговорил много чего лишнего. И за это ему — низкий поклон.

Тот мир, добрый и родной, не опошленный окончательно либералами, помнит и любит его, Виктора Астафьева. В Перми и Чусовом проводятся Большие и Малые Астафьевские чтения, и писатели считают за честь участвовать в них.

Я удачливо вписался в Малые Астафьевские чтения, самые добрые и красочные, искромётные и искренние. Они оттого такие, что — детские, а зачинатели их — Альмира Кардапольцева, хозяйка центральной библиотеки города, и Владимир Маслянка, директор музея В. П. Астафьева, — люди высокой культуры, отзывчивые и душевные.

...В августе 2014 года я с Геннадием Вершининым и Михаилом Левиным, моими приятелями, был в Этнографическом парке истории реки Чусовой, состоявшем из одной улицы деревни Ключики. Мы в компании Андрея Астафьева, сына писателя, Альмиры Кардапольцевой, местного поэта Валерия Трифонова и иных гостей отмечали 60-летие творческой деятельности великого подвижника России Леонарда Постникова и 60-летний юбилей Владимира Маслянки.

Нас с Владимиром Николаевичем свели Чусовой и Капустин Яр, откуда он родом, и где я, солдат, запускал с однополчанами межконтинентальную баллистическую ракету стратегического назначения.

Там, на первом космодроме, 11 февраля 1962 года испытывалась ракета Р-14 «Чусовая». Созданная, видно, с участием нашего земляка, она из класса тех ракет, что завозились на Кубу в Карибский кризис. А Владимир Николаевич здесь, в Чусовом, взял свою высоту — творческую, став директором музея В. П. Астафьева и талантливым фотомастером.

В Этнографическом парке, граничащем со спортшколой «Огонёк» по речке Архиповке, нас подпитывал русский дух. Оба детища — и парк, и «Огонёк», — Леонарда Постникова. Он не смог из-за болезни быть на празднике, и мы пришли к нему домой сами. Подбодрив патриарха, не говорившего уже, вышли на улицу посмотреть на творения его рук и ума.

«Порулили» на велосипеде Артамонова, осмотрели крестьянскую усадьбу, пасеку, колодец с журавлём для подъёма воды, пожарное депо, доставленное из деревни Атыбары — родины «альфовца» Геннадия Зайцева, и пожарную машину, звавшуюся «Красным факелом».

Богатый на иные достопримечательности — музей Ермака, кузницу, водяную мельницу, казачью заставу — парк жил таинственной и обыденной жизнью. В тенистом закутке вязали венки на продажу. Три прехорошенькие барышни, купив по связке веток, пошли в баню по-чёрному.

Мы, любуясь ими без утайки, созорничали:

— Не помочь ли вам, милые леди, в парилке?

Они стыдливо обронили:

— У нас есть свои парильщики...

Всё верно: на чужой каравай рот не разевай. Вдохнув непритворно, мы пожела-ли им лёгкого пара и вернулись в Гостиный двор.

Утром выехали в город навестить памятные места Виктора Астафьева. По пути завернули на родник, обустроенный Александром Беликовым, бывшим механиком Старопрокатного цеха металлургического завода. Он, отец поэта Юрия Беликова, встречался с Виктором Астафьевым, жившим по соседству с ним на улице Нагорной, 60.

Сначала-то Виктор Петрович построил домик на улице Партизанской, а в конце сентября 1957 года купил у Валентины Туевой дом просторней — в той же нагорной части города.

«Однажды, — сказал Александр Иванович, — я застал его у родника задумчивым. «Мысли кое-какие обдумываю, — пояснил Виктор Петрович. — Хочу изложить их на бумаге...» Помолчав, Астафьев обронил: «Журчит вода, журчит... Хороша водица, а может, Санёк, покрепче что выпьем?»»

И они сживали у родника.

Александр Ивановичу — за восемьдесят, но выглядит моложе. Он бодр и энергичен, строит дом второму сыну Ивану, которого родил в 57 лет.

В молодости, в пятидесятые годы, сержант Александр Беликов в городах Андунь и Мугден обслуживал, будучи начальником радиостанции, наши самолёты в Северной Корее. Он рассказал нам о том, как в Корейскую войну против американских асов сражался на МиГе трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб. Ему, командующему авиадивизией, Москва запрещала летать, но он, видя неудачи слабо подготовленных на первых порах корейских лётчиков, рвался в бой и показывал на деле, как надо сбивать «мустанги», «метеоры» и «сейбры». В небе Кореи «кожедубцы» сбили более 260 самолётов противника...

Поговорив с нами, Александр Беликов поспешил на стройку. Спустились вниз и мы с Андреем Астафьевым, и опять потянулись вверх, на улицу Партизанскую, к домику-музею писателя (его дом на улице Нагорной, где бывал и Пётр Жуков, не сохранился. — И. Г.). Вдруг идущая навстречу женщина остановилась подле Андрея Викторовича:

— Ты что, Андрей, не узнал меня? Я — Леконцева Нина, ныне — Макушина, мы в детстве вместе играли.

— Не припомню.

— Не удивительно, ведь я на пять лет старше тебя.

Поговорив с нею, пошли дальше по дорожке, с сохранёнными островками травы. Глядя под ноги, Альмира Михайловна сказала:

— Нравятся мне такие тропки.

Наши взгляды с нею, как и с Владимиром Маслянской, на многое совпадают. Вчере в парке мы одинаково рассуждали о малой родине.

Малая родина — то заветное место, где человек родился. Но оно и для приезжих, прикипевших к нему душой, становится родным. Коли любишь Россию, то и чья-то малая родина мила твоему сердцу, тем более если там жил или живёт близкий тебе по духу человек. Это касается и Владимира Маслянки, и Альмиры Кардапольцевой, и меня, и всех нас.

Альмира Михайловна приветлива и начитанна, умна и привлекательна. Поэты сыплют ей экспромты: «Мы в прекрасном этом мире лишь поклоняемся Альмире», «Кружит голову не пир, её теряем от Альмир»...

В детстве она жила в Зеленодольске, где и мне доводилось бывать:

*...Я сердцем полюбил Зелёный Дол,
Свою печаль я из души шугаю.
Смотрю — берёзки, приподняв подол,
Через ручьи и лужицы шагают...
...Остался позади Зелёный Дол.
Наверное, и я отсюда родом.
По-честному, я на судьбу не зол,
Коль к счастью прикасаюсь мимоходом.*

Школьные Альмирины годы отшумели в Кизеле и Губахе; высшее образование получила в Пермском пединституте; работала в Гремячинске. Там и замуж вышла.

Девушке случалось проезжать город Чусовой на поезде. Разглядывая его из окна вагона, представляла, как по здешним улицам ходил Виктор Петрович Астафьев, чьи книги любила с юных лет. Альмиру Михайловну вечно тянуло в эти места, и судьба благоволила к ней: в 2000 году она с семьей перебралась в Чусовой.

Астафьевские чтения оказались неотрывными от её судьбы и сущности.

Выйдя на взгорье, мы спустились к домику Астафьева. Вездесущий Гена Вершинин залез в сад, набрал ягод и давай виться подле нас:

— Отведайте малины от Виктора Петровича.

Отведали. Сладкая. В памяти всплыл рассказ классика «Горсть спелых вишен». Здесь, куда ни кинь взгляд, всё напоминает о Викторе Петровиче.

Зашли в дом-музей. Андрей Астафьев на правах хозяина забрался и в спальню. Он рассказывал о семье, снимках, вышитой рубашке отца...

Андрей Викторович, как и его отец, служил связистом в артиллерии (катушка и орудия были точь-в-точь военной поры. — *И. Г.*), и Виктор Петрович для освежения памяти расспрашивал сына о гаубице.

В Чусовом перед нами открывались все двери, а в Большие Астафьевские чтения меня и Фёдора Вострикова не пускали в зону «Пермь-36»: мы-де не с того рейса. Отстоял нас Виталий Богомолов.

В зоне, считаю, неправомерно используют имя Виктора Астафьева, играя на том, что у него был репрессирован отец. Не лучше ли было сослаться на сидевших в лагерях писателей: Николая Домовитова, Льва Правдина... Да и репрессированные репрессированным — рознь. Одни несмотря ни на что оставались патриотами, другие люто ненавидели Россию.

Я сделал в зоне ошибку: подарил «мавзолею предателей», по выражению писателя Романа Юшкова, свою книгу «Против течения». Ныне я — на стороне Валентина Курбатова, высказавшегося в музее за его закрытие (в тот раз он пожаловал Виталию Богомолову, Фёдору Вострикову и мне по сборнику «Крест бесконечный» — переписку с Виктором Астафьевым. — *И. Г.*).

По-моему, если уж сохранять лагерь в Кучино, то ради прежнего его назначения: водворять в камеры необандеровцев.

Среди сидельцев был поэт Василь Стус (псевдоним — Василь Петрик). Он родился в Рахновке Винницкой области. Я солдатом проезжал те места в поиске брата Виктора, служившего в Вапнярке. Стус учился в Донецком пединституте, работал учителем украинского языка и литературы. В 1956 году служил на Южном Урале, а в

1963-м стал аспирантом Киевского института литературы имени Т. Г. Шевченко. Мне по-человечески жаль его, выбравшего не тот путь борьбы.

Всё началось 4 сентября 1965 года. Перед показом фильма Сергея Параджанова «Тени забытых предков» в киевском кинотеатре «Украина» восстала группа диссидентов. Иван Дзюба сообщил об арестах антисоветски настроенных интеллигентов. Масла в огонь плеснул создатель Народного Руха (политической партии. — *И. Г.*) Украины Вячеслав Черновол. Он, подвергавшийся арестам, бросил:

— Кто против тирании — встаньте!

Встали единицы, и с ними — Василь Стус, будущий сиделец зоны «Пермь-36».

Ажютажа добавил фильм режиссёра Юрия Ильенко «Белая птица с чёрной отметиной», снятый в 1970 году. Он — о событиях, происходивших до войны и после неё, о судьбе семьи Леся Звонаря. Один его сын ушёл к красным, другой — к бандитам-националистам. Киноленту показали партактиву. Её признали вредной. Но на защиту фильма встал Первый секретарь компартии Украины Пётр Шелест, перший, видно, националист, — и фильм пошёл в народ, будоража и нездоровые, в том числе, чувства людей.

В январе 1972-го Василя Стуса сослали в Мордовию на пять лет, потом — в Магаданскую область, позднее — в зону «Пермь-36». Здесь он, истощённый, измотанный лагерями, объявил голодовку и умер в карцере 4 сентября 1985 года. Его прах перезахоронен на Байковом кладбище Киева.

Ему, как и Бандере по кличке Баба, воевавшему против нас, присвоено звание «Герой Украины».

Соратник Стуса, Вячеслав Черновол, человек разумный, начавшиеся события на Украине не приветствовал. В интервью газете «Независимость» от 26 февраля 1999 года на вопрос «Когда Вам, Вячеслав Максимович, было тяжелее — когда Вам противостояла вся советская система или теперь?» он ответил: «Теперь! Происходящее — такая неожиданность для меня, такое потрясение... Люди, охваченные желанием иметь деньги и должности, становятся неузнаваемыми. Хочу провести такую параллель. В своё время первое накопление капитала сопровождалось выстрелами из-за угла, ударами ножей в спину, обманом партнёров... Так вот, то, что происходит... у нас — первичное накопление политического капитала и приёмы... аналогичные».

Черновол, в отличие от Стуса, раскусил суть насаждаемой им извне «демократии» и «незалежности». В Кировограде он 25 марта 1999 года сказал: «Я думаю, что сейчас Рух мы отстоим, но на первом плане должна быть идея, политики должны быть идейными. Если они пошли на лоббирование каких-то финансовых интересов, то пусть себе идут в бизнес, им нечего делать в руководстве политических партий. Вот моё убеждение...»

Вячеслава Черновола, претендовавшего ранее на пост президента Украины, устранили в тот же день: он «попал» в автоаварию. Его тоже похоронили на Байковом кладбище, недалеко от Василя Стуса.

Пока Стус воевал с «советской тиранией», к власти шли олигархи, исповедующие одну идею: обобрать народ. Незалежность для них — нажива, нажива и ещё раз нажива. Эта власть, не признаваемая Черноволом, и устранившая его, присвоила и ему — не ирония ли судьбы? — звание Героя.

Иным сидельцем зоны «Пермь-36» был писатель Леонид Бородин. Он, пожалуй, единственный русский из них, оказался куда умней Стуса. Бородин понял: их борь-

ба оказалась никчёмной. «Против чего мы боролись, — говорил он нам на “Русских встречах” в Перми, — на то и напоролись...»

Напоролись на ещё худшее!

Наверное, музей политзаключённых нужен, но зона «Пермь-36» не для него. Такого же мнения придерживался пермяк, русский командир Александр Стефановский (Мангуст), который, побывав в ней, ушёл воевать за Новороссию и погиб там 5 августа 2014 года.

Мне, не приемлевшему этот музей, по душе город Чусовой и Малые Астафьевские чтения. Их украшают талантливые ребята из Верхнечусовских Городков, где жил и творил Пётр Жуков: Алёна Рожкова, Виктор Горшков... Горжусь талантливыми, статными девушками из Подтёсовской школы Красноярского края: Марией Аникеевой, Татьяной Ерёминой, Анастасией Герасимовой, Валерией Черниковой, пишущими рефераты, снимающими фильмы о писателе и играющими сценки по его произведениям. Им не уступают ни в творчестве, ни в статности Ксения Калашникова и Ксения Подсkochинова из Добрянки, Серафима Коломейцева из Чусового, пермячка Диана Дубинская и ученицы Октябрьской школы Анастасия Коробицына, Лолита Игамова, Ульяна Болёва и Дарья Мережникова...

Прекрасная подрастает смена, и русский дух в ней не так-то просто истребить. Юная поросль, как и светлые произведения Виктора Петровича, — крепкая опора для противостояния безнравственности.

...Последний раз Виктор Астафьев был в Чусовом в 1997 году. Я представил, какие чувства испытывал он здесь, понимая, какой огромный скачок во времени и творчестве сделан им, весёлым солдатом, с того дня, когда, возвратясь с фронта, срубил на Партизанской улице скромный домик.

БИБЛИОТЕЧНО-ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

*Гудкина З. Н.,
учитель русского языка и литературы, руководитель музея
(МАОУ «Гимназия № 10», г. Красноярск)*

Совместная деятельность музея сибирских писателей и библиотеки гимназии № 10 по изучению и пропаганде творчества В. П. Астафьева на Малых Астафьевских чтениях в городе Перми

Музей сибирских писателей и библиотека как структурные подразделения гимназии № 10 Кировского района города Красноярска принимают участие в решении задач образовательной программы гимназии, главными среди которых является духовно-нравственное развитие ребёнка, его социализация. Для решения этого мы занимаемся изучением жизни и творчества как сибирских, так и российских писателей, пропагандируем их творчество среди учащихся гимназии, педагогов, родителей, общественности района, города, края.

Свою работу мы проводим в содружестве с Литературным музеем им. В. П. Астафьева, Красноярским государственным педагогическим университетом имени В. П. Астафьева, НИЦ В. П. Астафьева, Библиотекой-музеем В. П. Астафьева в с. Овсянка, Литературным лицеем, библиотеками города Красноярска.

Немного о системе работы с детьми. Одарённые дети — это не только дети с необыкновенно высокими общими интеллектуальными, лидерскими способностями, но и не достигающие по каким-либо причинам успехов в учении, но обладающие яркой познавательной активностью, оригинальностью мышления и психического склада.

Наша задача — помочь ребёнку раскрыть этот талант, раскрыть свои способности.

Цель «Образовательной программы гимназии» — проектирование и построение различных «мест» образовательного пространства, различающихся по содержанию, видам деятельности, способам работы в них с учетом интересов, возраста. Поэтому музей и библиотека как раз и являются местами, где проводятся внеурочные мероприятия.

Ещё Шопенгауэр говорил, что всякий ребёнок в известной мере есть гений, и всякий гений в известной мере ребёнок. Поэтому мы стараемся в своей работе делать не один огромный шаг и тут же обеспечить ребёнку достижение цели, нет, любая нужная цель достигается через множество мелких и вполне обычных шагов.

Направления деятельности: образовательная, проектная, исследовательская, поисковая, экспозиционно-выставочная, фондовая.

Надо отметить, что с Красноярским краем, с Сибирью связана жизнь и творчество многих писателей, среди которых Сергей Сартаков, Алексей Черкасов, Анатолий Чмыхало, Александр Щербаков, Роман Солнцев, Иван Пантелеев, Валентин Распутин, Владимир Шанин, Зорий Яхнин, Мария Корякина-Астафьева, Борис Петров и, конечно же, Виктор Петрович Астафьев. О каждом из них может быть отдельный разговор, творчество многих представлено в нашем музее. Ему 9 лет. Открытие состоялось в 2006 году.

Сегодняшнее выступление посвящено нашему великому земляку — В. П. Астафьеву. В нашем музее две витрины и два стенда посвящены жизненному и творческо-

му пути писателя. Что мы разместили в них? Книги писателя, в том числе и с автографами, визитки, открытки, значки, личные вещи писателя (у нас в этом году, буквально недавно появился письменный стол, за которым работал Виктор Петрович, это дорогой подарок от Библиотеки-музея с. Овсянка нашему музею (стол и фото Виктора Петровича за этим столом); чемодан, с которым В. П. много изъездил; керамический подсвечник; камень, подаренный музеем другом Астафьева — вологодским писателем Анатолием Васильевичем Петуховым, его книги с автографами; книги, сборники, изданные в Чусовом; ваза, изготовленная в парке реки Чусовой; исследовательские работы учащихся, посвящённые Астафьеву, их награды; книги об Астафьеве; альбомы издательства «Буква С»). Мы дорожим автографом Виктора Петровича за 1995г.

Исследовательская работа. Ребята вместе с учителем подбирают произведение В. П. Астафьева, читают его, выбирают тему исследования, обосновывают её актуальность для них самих, для музея, нашего города, работают в библиотеках, в том числе и в Овсянке.

В музее проводится большая исследовательская работа, связанная с изучением творчества В. П. Астафьева, языка его произведений. У самого Виктора Петровича много строк о языке, он много работал со словарями, переживал, что русский язык подвержен «небывалому браконьерству» (Антонина Фёдоровна Пантелеева, «Пророк в своём Отечестве», Москва-Ярославль, 2015, с. 58). Вот некоторые темы работ наших учащихся:

- Юшков Максим — «К истории просторечной и диалектной лексики в повести В. П. Астафьева «Стародуб»;
- Бушкова Дарья и Потапенко Наташа — «Функция просторечных и разговорных слов в повести «Последний поклон»;
- Канаева Кристина — «Диалектные слова в повести «Последний поклон»;
- Канаева Кристина — «Диалектные слова в повести «Кража»;
- Науменко Арина — «Разговорная и просторечная лексика в рассказе «Тревожный сон»;
- Холина Полина — «Сравнение как основа выразительности в прозе Б. М. Петрова и В. П. Астафьева»;
- Холина Полина «Сравнение как основа выразительности в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»;
- Буланова Анна — «Образ солдата-воина в рассказах В. П. Астафьева»;
- Буланова Анна — «Варианты реализации образа воина-солдата в малой прозе» (По произведениям В. П. Астафьева «Сибиряк», М. А. Шолохова «Судьба человека», А. Н. Толстого «Русский характер»).

Результаты НОУ используются в оформлении музейных выставок, при проведении музейных уроков, внеклассных мероприятий. Например, составленные детьми словарики диалектных слов по книге «Последний поклон» и по повести «Кража» могут использоваться любым учителем, учеником при чтении произведений В. П. Астафьева, а словарь разговорной и просторечной лексики поможет учащимся правильно говорить, чувствовать, понимать язык простых жителей деревни. Этому помогают созданные юными исследователями словарики.

Профессор КГПУ Л. Г. Самотик отметила важность, нужность этой работы, поэтому наши ученики вдохновлены таким отзывом, продолжают начатое, гордятся тем, что теперь умеют увидеть такую лексику, понимают замысел писателя, отмечают яркость, образность его языка.

Известны успешные выступления учащихся на районных, городских, краевых, межрегиональных (Енисейский район) и Всероссийских научно-практических конференциях (г. Москва, г. Обнинск, г. Пермь, музей «Пермь-36»); работы Холиной Полины два раза отмечались специальным Дипломом на краевых конференциях «Шаг в будущее», а автореферат Анны Булановой вошёл в сборник «Национальное достояние России».

Проектная работа. В рамках проекта «Тропой Астафьева» мы побывали дважды в городах Чусовой, Пермь, Вологда, в п. Подтёсово, в с. Ирша и, конечно, многократно в с. Овсянка — местах, в которых жил, работал или просто бывал В. П. Астафьев. По окончании, весной 2012 года мы провели конференцию «Содружество Астафьевских музеев», на которую съехались гости из школьных музеев края и других областей РФ, сотрудники Библиотеки-музея В. П. Астафьева, учителя литературы города Красноярска, Дивногорска, преподаватели, студенты филологического факультета КГПУ им. В. П. Астафьева, сотрудники НИЦ В. П. Астафьева, заслуженная артистка РФ С. А. Сорокина. В рамках этого мероприятия прошли необычные открытые уроки по «Затесям», «Последнему поклону», «Печальному детективу».

Творческая деятельность. Многие наши учащиеся занимались в разное время в мастер-классах у известных писателей: Романа Солнцева, Марины Наумовой-Саввиных, сейчас эти занятия с ними продолжает детская писательница Елена Тимченко. Работы учащихся печатаются в журнале «День и Ночь», «Енисей», в «Детском районе» — приложении к газете «Городские новости», в городских поэтических сборниках. Много печатается Лера Абрамова, получившая в 2014 году краевую именную стипендию (кстати, это четвёртая премия наших уч-ся в области литературного творчества, до этого её получили Князева Светлана, Толстихина Анастасия, Дорохин Алексей).

Культурные события города. Дважды наш музей принимал участие в юбилейных торжествах «Астафьевские дни» (2009, 2013), в культурных событиях города, посвящённых В. П. Астафьеву, И. Д. Рождественскому. Стало традицией 8 июня, в начале лета, бывать у памятника В. П. Астафьеву. Мы возлагаем венки, принимаем участие в митингах, даём интервью телевидению (например, Марина Мякушева — ТК «Енисей-регион», З. Н. Гудкина — ТК «Красноярск-Центр»).

«Душа Сибири». Не раз учителя, учащиеся нашей гимназии принимали участие в творческой конференции «Душа Сибири», участие в которой — запоминающееся событие. В этом году, Году литературы, оно проходило по-особенному. Вначале три ученицы нашей гимназии представили свои исследовательские работы на конкурс: Анна Буланова — в области литературоведения, Арина Науменко и Полина Холина — в области лингвистики. Затем в педуниверситете 1 мая, в день рождения Виктора Петровича, на секциях ребята рассказали о своих исследованиях, о своих открытиях. Затем поехали в Овсянку, где побывали на концерте, а затем в торжественной обстановке состоялось награждение учащихся: все три работы были отмечены Дипломами 2-й и 3-й степени. Это очень обрадовало.

Основные массовые мероприятия, проводимые библиотекой и музеем: конференции «Он себя не мыслил без Сибири» (О жизни и творчестве И. Д. Рождественского — поэта, учителя В. П. Астафьева); по рассказам, повестям В. П. Астафьева, театрализованные постановки по произведениям В. П. Астафьева, конкурсы чтецов произведений В. П. Астафьева, творческая мастерская заслуженной артистки РФ С. А. Сорокиной, экскурсии по астафьевским местам (Дом-музей в с.Овсянка, кабинет семьи Астафье-

вых). Всё это хорошо, но главное, что мы видим для себя — это то, чтобы дети прикоснулись частичкой своей души к произведениям Виктора Петровича.

В 2014 году были проведены литературные конференции со 2-го по 9-й класс — то есть в 32-х классах по полтора часа затрачено. Но сколько удовольствия получили учащиеся, а сколько радости принесли нам открытия ими астафьевской прозы! Потом они приходят в музей с желанием что-то сделать, что-то подарить, например, после обсуждения рассказов «Капалуха», «Стрижонок Скрип» принесли поделку — гнездо капалухи. Теперь она занимает своё место в витрине.

После обсуждения рассказа «Белогрудка» у нас появилась поделка. Телевидение сняло даже сюжет об этом — «Литературные поделки».

Стараемся, чтобы наши дети ежегодно становились активными участниками литературных конференций. Для этого даем в классе опережающее задание — прочитать указанные рассказы и те, что сами ребята пожелают. Затем они приходят в музей, где и проходит конференция. Буквально на днях в двух шестых классах мы провели литературную конференцию по рассказам «Мальчик в белой рубашке», «Ангел-хранитель» с тем, чтобы ребята знали творчество писателя, знали историю нашей страны, хотя бы после чтения поняли, насколько трудной была она, сопоставили с сегодняшним днём. Мы попросили учащихся несколькими словами охарактеризовать эти произведения. Вот что писали ребята из 6-х классов:

- Скрипка Данил: «Трогательные рассказ «Ангел-хранитель» показывает, что с самым маленьким, преданным, тянущимся к маме, жизнь сыграла злую шутку. А Витю пощадила судьба и будущий писатель выжил»;

- Шихова Вероника: Люди, которые выжили в тех условиях, для меня стали невероятными людьми. Я советую прочитать рассказы тем, кто думает, что наша жизнь сложная;

- Куркина Дарья: «Эти истории заставили задуматься над тем, какие несчастья порой выпадают на долю людей. Читать Астафьева — одно удовольствие»;

- Глухова Сара: «Мне жаль всех, кто пережил такое горе, и надеюсь, что с нами этого не произойдёт. Я сделала вывод, что не имею права жаловаться на жизнь, потому что у меня есть возможность есть, отдыхать, учиться».

Встречи с писателями. С большой охотой наши учащиеся приходят на встречи с писателями, готовятся к ним. Перед встречей знакомимся с творчеством писателя, готовим выставку произведений. Автографы на память, фотографирование, вопросы писателю. Затем работа на сайте. Состоялись встречи с Виктором Астафьевым, Михаилом Кураевым, замечательными прозаиками Александром Щербаковым, Александром Астраханцевым, мы слушали их воспоминания о Викторе Петровиче; Мариной Наумовой-Саввиных — первым лауреатом Фонда В. П. Астафьева, с другими лауреатами Фонда — Антоном Нечаевым, Татьяной Долгополовой, Иваном Клиновыми многими другими прозаиками, поэтами, краеведами.

Среди красноярских писателей-фронтовиков были Виктор Астафьев, Мария Корякина-Астафьева. Мы были знакомы с ними, встречались в Овсянке, на конференциях, бывали в доме В. П. и М. С. Астафьевых, познакомились с внучкой писателя Полиной Геннадьевной, с издателем его произведений Геннадием Сапроновым.

Уже после того, как Виктор Петрович ушел от нас, мы сняли фильм «Литературный Красноярск». Он рассказывает об удивительном умении нашего великого земляка быть не только творцом, но и хорошим человеком, который запомнился тем, кто виделся с ним.

Распространение опыта работы. Неоднократно мы делилась опытом работы музея, библиотеки, кафедры русского языка и литературы, участвуя в городских конференциях — «Деятельность музея по работе с одарёнными детьми» (2015), «Формы проектно-исследовательской работы в музее сибирских писателей» (2015), в двух конференциях в Минусинском краеведческом музее имени Мартынова, на конференции «Золотая осень В. П. Астафьева».

Статьи о музее можно было увидеть в СМИ («Городские новости», «Красноярский рабочий», «Литературный Красноярск», «Чусовской рабочий»), в журнале «Новый Енисейский литератор» были опубликованы статьи З. Н. Гудкиной и В. П. Дёмкиной «И снова встреча», «Созвучье душ» о поездках в Чусовой и Вологду, услышать передачу о музее (интервью Л. Н. Базаровой с З. Н. Гудкиной) на «Радио Россия», сюжеты о музее, об учащихся наших, работающих в нём были показаны на телеканалах «Афонтово», «Енисей-регион», «Вести Красноярск», «Красноярск-Центр», «Енисей-Информ ТВ». В сборнике «Музей как образовательная ниша» в 2013 году была опубликована статья, связанная с работой нашего музея.

Несколько учащихся, работающих вначале в клубе «Литературный Красноярск», а теперь в музее, работают на краевом телевидении, в газетах, а одна из создательниц фильма «Красноярск литературный» работает на ТВ «Лайф Ньюс» в Москве.

В экспонатах музея хранится народная память о жизни наших писателей, о нашей родной земле. Задача музея сибирских писателей и библиотеки гимназии — сохранить эту память, изучая творческое и жизненное наследие В. П. Астафьева, пропагандировать его.

*Губарева Т. Д.,
руководитель школьного литературного музея В. П. Астафьева
(МБОУ «Подтёсовская средняя общеобразовательная школа № 46
имени В. П. Астафьева», с. Подтёсово, Красноярский край)*

Формирование исследовательской компетенции учащихся на базе школьного литературного музея

Формирование исследовательской компетенции учащихся — одна из важнейших задач современной школы.

Работа по федеральному государственному образовательному стандарту (ФГОС) предусматривает развитие у учащихся универсальных учебных действий, способствующих решению метапредметных задач, а именно, освоение обучающимися обобщенных способов деятельности, применимых как в рамках образовательного процесса, так и в реальных жизненных ситуациях.

К результатам, которые подлежат проверке и аттестации уже в начальной школе, относятся умения учебно-познавательной, исследовательской, практической деятельности.

Поэтому выработке исследовательской компетенции отводится значительное место в федеральном стандарте образования (раздел 2, п. 10, 11 и раздел 3, п. 18), где определен следующий «портрет выпускника школы»:

- любящий свой край и свою Родину, уважающий свой народ, его культуру и духовные традиции;

- креативный и критически мыслящий, активно и целенаправленно познающий мир, осознающий ценность науки, труда и творчества для человека и общества, мотивированный на образование и самообразование в течение всей своей жизни;
- владеющий основами научных методов познания окружающего мира, мотивированный на творчество и современную инновационную деятельность; готовый к учебному сотрудничеству, способный осуществлять исследовательскую проектную и информационную деятельность.

Исследовательская деятельность как нельзя лучше способствует формированию именно такого выпускника, а так как в нашем случае эта деятельность организуется на базе музея, то этим определяется и её специфика. Вся работа музея строится на исследованиях, которые ведутся в соответствии с тематикой музейных экспозиций, основаны на материалах музейных экспонатов и используются в оформлении музейных выставок, проведении музейных уроков, внеклассных мероприятий.

Исследования в нашем музее направлены на изучение жизни и творчества В. П. Астафьева, М. С. Астафьевой, творчества сибирских писателей, истории и культуры края.

В зависимости от характера исследований каждый желающий может творчески проявить себя и быть успешным. Но для этого необходима правильная организация исследовательской деятельности учащихся, в процессе которой они приобретают навыки поисковой работы, проектирования, развивают умения классифицировать и систематизировать собранный материал.

Проведение научного исследования с учащимися имеет следующие цели:

- приобщить их к процессу освоения новых знаний;
- научить пользоваться нормативной, учебной, монографической литературой, практическими материалами, информационной системой Интернет; обобщать, описывать, оформлять полученные результаты.
- предоставить возможность выступать публично, вести полемику, донести до слушателей свою точку зрения, обосновать её.

Таким образом, организация исследовательской деятельности учащихся предполагает определение общей темы исследования, предмета и объекта исследования; выявление и формулирование общей проблемы; определение методов сбора и обработки данных; обсуждение полученных данных; формулировку понятий, обобщений, выводов.

Примером такого подхода может служить работа по изучению биографии В. П. Астафьева. С 2008 по 2011 год мы занимались литературно-краеведческим исследованием «По астафьевским местам». Побывали в селе Овсянка, Игарке, Перми, Чусовом, Вологде, Красноярске. Завершая реализацию проекта «По астафьевским местам», мы пришли к выводу, что один из важнейших этапов биографии В. П. Астафьева не был нами изучен. Так возникла идея работы по теме: «Великая Отечественная война в судьбе и творчестве В. П. Астафьева». Был составлен план работы на четыре года. Так как данное исследование логически было связано с предыдущим («По астафьевским местам»), мы начали его с изучения материалов, собранных в ходе реализации проекта. Это была книга В. Н. Маслянки «По следам веселого солдата», подаренная нам автором в г. Чусовом. Итогом стала работа «Весёлый солдат» Виктор Астафьев», на основе которой была оформлена выставка в музее и проведены экскурсии.

В сборнике «И открой в себе память» опубликована анкета, на вопросы которой

В. П. Астафьев отвечал в 1990 году. На вопрос: чего вы боитесь больше всего? — писатель ответил: «Войны». Почему же именно войны Виктор Петрович боялся больше всего? Проводя исследование по данной теме, мы пытались найти ответ на этот вопрос. Тема войны волновала В. П. Астафьева и стала одной из главных в его творчестве. К ней он обращается в своем первом рассказе «Гражданский человек». Последние его произведения «Так хочется жить», «Обертон», «Веселый солдат», «Пролетный гусь» — тоже связаны с этой темой.

Таким образом, мы вышли на чтение и анализ произведений В. П. Астафьева о войне, на основе которых решили составить карту «Фронтовые дороги В. П. Астафьева», сопровождаемую цитатами из произведений писателя.

В ходе работы были проанализированы тексты произведений В. П. Астафьева: «Где-то гремит война», «Прокляты и убиты», «Веселый солдат», «Звездопад», «Последний поклон», «Затеси» и др.

В повести «Где-то гремит война» В. П. Астафьев описывает жизнь деревни в начале войны. Будущий писатель в это время заканчивал обучение в железнодорожном училище.

Творческая группа музея проехала по маршруту, пройденному героем повести, побывала в железнодорожном училище № 19, которое закончил Виктор Петрович. Сохранился в Овсянке и дом тетки Августы, в котором происходят события, описанные в произведении. Двоюродная сестра писателя Капитолина Тимофеевна, которую В. П. Астафьев описывает в этой повести, подтвердила, что все события, изображенные В. П. Астафьевым, происходили на самом деле.

Такой подход к теме исследования способствует развитию заинтересованности учащихся, мотивирует их на чтение.

Как известно, В 1942 году В. П. Астафьев уходит добровольцем на фронт, несмотря на положенную ему бронь. Об этом он пишет в рассказе «Соевые конфеты»: «На станции отцепили от поезда, идущего с эвакуированными из Ленинграда, ледник, набитый покойниками. Ближний Березовский совхоз выделил подводы и возчиков. Похоронами я был не просто раздавлен, я был выпотрошен, уничтожен ими и, не выходя на работу, отправился в Березовку, в военкомат — проситься на фронт». Мы написали письмо в Березовский райвоенкомат с целью найти документы о призыве В. П. Астафьева, но из военкомата нам сообщили, что документы были утрачены при пожаре. Таким образом, первой точкой на нашей карте стал населенный пункт Березовка.

В автобиографии Виктор Петрович пишет, что война для него началась в г. Бердске Новосибирской области. Эти события он описал в первой книге романа «Прокляты и убиты»

Неожиданной «находкой» для нас стала статья в газете «Енисейская правда», из которой мы узнали, что ветеран войны П. В. Граур, живущий в г. Енисейске, так же, как и В. П. Астафьев, начинал свой воинский путь в 1942 году в г. Бердске Новосибирской области. Беседа с ним помогла глубже понять содержание романа «Прокляты и убиты». Он считает роман «Прокляты и убиты» очень правдивой книгой о войне.

Действие второй книги романа «Прокляты и убиты» происходит в конце сентября 1943 года — начале октября 1943 года на Днепре. Прообразом Великокриничского плацдарма автору послужил Букринский плацдарм, в боях на котором он участвовал.

В первом номере альманаха «Затесь» за 2011 год опубликованы воспоминания

однопольчанина В. П. Астафьева Г. А. Васильева «Мы прошли одной дорогой — фронтовой». Георгий Александрович пишет: «В. П. Астафьев воевал с иноземными захватчиками с мая 1943 года, будучи рядовым связистом-телефонистом 17-й артиллерийской Киевско-Житомирской орденов Ленина, Красного знамени и Суворова второй степени дивизии прорыва РВГК. Эта дивизия находилась непрерывно в боях, причем передавалась в подчинение тем армиям, которые действовали на главных направлениях своих фронтов (Волховский, Брянский, Воронежский и 1-й Украинский). Рядовому Астафьеву довелось сражаться в таких стратегической важности битвах, как Курская и Киевская, а также в Корсунь-Шевченковской, Житомиро-Бердичевской, Проскуровской, Тарнопольской, Львовско-Сандомирской, Карпатско-Дукельской и других крупных операциях. Получив тяжелое фронтовое ранение в сентябре 1944 года, В. П. Астафьев лечился в госпиталях и в дальнейших боевых действиях 17-й артиллерийской дивизии не участвовал». Все эти населенные пункты обозначены на нашей карте.

Об участии В. П. Астафьева в боевых событиях говорят также и его боевые награды. Для того чтобы найти этому документальное подтверждение, мы обратилась в библиотеку-музей Овсянки, Краснодарский литературный музей, к сотрудникам экспозиции «Жизнь и творчество семьи Астафьевых» и получили копии наградных документов писателя. За каждым из этих документов — реальные военные события, за участие в которых награжден В. П. Астафьев.

В. П. Астафьев был несколько раз ранен, дважды — тяжело. В повести «Веселый солдат» он пишет о госпитале в станице Хасюринской. Нам захотелось узнать, есть ли на самом деле станица Хасюринская и где она находится. Оказалось, что это станица Васюринская. Руководитель поискового отряда Александр Иванович Попов рассказал, что станица Васюринская находится в 32 км от Краснодара. Сохранилось здание школы № 14, где располагался госпиталь, в котором проходил лечение В. П. Астафьев. Александр Иванович прислал в наш музей фото госпиталя и фото Федяниной Галины Ивановны, которая работала в этом госпитале. Сейчас ей 95 лет, и она, конечно, не смогла через 70 лет вспомнить по фотографии В. П. Астафьева, но рассказала, что все раненые были как бы на одно лицо, очень худые, изможденные.

В этой же повести («Весёлый солдат») Виктор Петрович пишет, что после этого госпиталя он лечился в другом, который располагался на улице Чкалова в городе Краснодаре. Эти события описаны в повести «Звездопад». Найти госпиталь в Краснодаре было непросто. Мы обратились в департамент образования Краснодарского края, по их совету — в государственный архив, а затем в Санкт-Петербургский военно-медицинский музей, где получили информацию о том, что на улице Чкалова в Краснодаре был лишь один эвакуогоспиталь № 378. Сейчас это школа № 39. Сотрудники школы подтвердили, что именно в этом здании располагался госпиталь и прислали фотографии.

После госпиталя В. П. Астафьев был направлен в нестроевую часть, располагавшуюся в селе Станиславчик, где встретился со своей будущей женой М. С. Корякиной. Так на нашей карте появилась ещё одна точка.

После демобилизации они поехали в г. Чусовой, на родину Марии Семёновны. О сложной послевоенной жизни писатель расскажет во второй части повести «Веселый солдат» («Солдат женится»). Этот город стал последней точкой на нашей карте «Фронтовые дороги В. П. Астафьева».

Читая произведения В. П. Астафьева о войне и находя в них факты его биогра-

фии, участники исследования поняли, насколько важна для него эта тема. Данная работа помогла не только лучше понять личность писателя, но и глубже изучить историю Великой Отечественной войны. Таким образом, одна тема проходит через несколько исследований, и работа может продолжаться в течение нескольких лет и разными учащимися. Участники исследования получили навыки работы с художественной, научной, монографической литературой; получили опыт проектной деятельности, опыт самостоятельной работы и работы в творческой группе.

Систематизировав и обобщив исследовательскую деятельность в школьном музее, я пришла к следующим выводам:

Первым условием успеха работы является выбор темы: она должна иметь свою «изюминку», быть интересной для ученика и для руководителя.

В исследовании обязательно должен такой быть вопрос, который заставит ученика думать, искать, добираться до истины; поэтому, подбирая тему для исследования, я всегда обозначаю в ней проблему, которую мне самой хочется обязательно решить, и решаю её вместе с учеником.

Ученик должен чётко представлять цель своей работы и понимать её значимость.

У исследования обязательно должен быть результат, причем, не только призовое место на конференции. В нашем музее это экскурсии, литературные гостиные, музейная ночь и др.

Хорошо, если одно исследование продолжает другое, в этом случае поиск дополняется новыми и новыми данными, которые помогают сделать конечный результат более глубоким и значимым.

К сожалению, в современном обществе наблюдается ослабление познавательных интересов, неспособность осознать свою принадлежность к русской истории и культуре. Современному молодому человеку необходима альтернатива, дающая возможность научиться противостоять негативному влиянию, ориентироваться в различных проблемных ситуациях, критически относиться к окружающему и анализировать происходящие процессы.

Участвуя в исследовательской работе, учащиеся усваивают новые формы социальной жизни, приобретают собственный социальный опыт, занимают активную жизненную позицию, которая помогает добиться позитивной самореализации. Полученные в процессе творческой деятельности компетенции позволяют учащимся чувствовать себя приобщенными к культуре и науке.

*Охорзина Л. А.,
заведующая отделом обслуживания
(МБУ «Осинская межпоселенческая центральная библиотека»,
Осинский район, Пермский край)*

«Вспоминая Астафьева»: опыт работы по выпуску сборника воспоминаний

В 2014 году исполнилось 90 лет Осинскому муниципальному району. Ровесником нашего района был и выдающийся писатель XX века Виктор Петрович Астафьев. Символично и то, что в 2014 году исполнилось 50 лет со дня его визита в наш город Оса. Празднуя 90-летие со дня образования района и отдавая долг памяти велико-

му русскому писателю, мы решили вспомнить те исторические события. Поставили перед собой цель — выпустить сборник воспоминаний «Вспоминая Астафьева».

Началась работа по сбору материалов. Сразу определили для себя, что сборник должен состоять из 4-х частей.

1-я часть «В. П. Астафьев глазами российских писателей». В неё вошли воспоминания, высказывания писателей и деятелей культуры, которые так или иначе связаны с городом Оса. Например, в Осе есть музей Евгения Колобова, главного дирижера московского театра «Новая опера», который был открыт ещё при жизни выдающегося музыканта в здании Детской школы искусств, а переговоры о его открытии состоялись на Астафьевских чтениях в Перми в 2003 году, тогда прошла личная встреча осинской делегации с Евгением Колобовым. С открытием музея лучшие юные музыканты Осы получили возможность бывать на репетициях и спектаклях этого театра в Москве. Длительное время все осинцы имели возможность посещать театр «Новая опера», по паспорту с осинской пропиской. Таким образом, память о Викторе Астафьеве подружила осинцев с великим музыкантом и его театром «Новая опера». Эти творческие связи продолжают и сегодня.

Вспомнив эти события, мы решили поближе познакомиться с Валентином Курбатовым, и написали ему письмо. Он был среди гостей и присутствовал на выездных Астафьевских чтениях в Осе, которые проходили 21 мая 2005 года. Тогда он подарил библиотеке книгу «Крест бесконечный» с автографом: «Библиотеке города Оса, ради бога не держите на полке, пусть читают все, кто захочет, этого хотел Виктор Петрович. Ваш Валентин Курбатов. 17.05.05».

К сожалению ответа на наше письмо мы не получили, но включили в издание наиболее яркие цитаты из подаренной им книги.

В 2008 году состоялся Всероссийский фестиваль памяти В. Астафьева и 27 ноября Осу посетил литературный десант. В числе гостей был известный московский писатель Владимир Крупин, который обратил внимание на слоган над входной дверью в библиотеку «Путь к успеху лежит через библиотеку» и сказал: «Вы абсолютно правильно написали, я верю, что так и будет». Поэтому высказывание В. Крупина также вошел в наш сборник. Не могли мы обойти вниманием и Марию Корякину, жену писателя. В сборник воспоминаний вошел её диалог с Виктором Петровичем, который состоялся когда они приехали после войны в г. Чусовой. Книги Марии Корякиной в библиотеке любят и читают.

2-я часть сборника называется «В. Астафьев глазами пермских деятелей культуры». В эту часть мы включили воспоминания Людмилы Пятиловой, корреспондента городской газеты «Искра» (г. Кунгур) и Елены Рождественской, корреспондента газеты «Звезда» (г. Пермь).

Людмила Пятилова поделилась воспоминаниями о встрече с В. Астафьевым в Кунгуре 1997 года: «Мы были в плену обаяния, силы духа Астафьева. Чувствовали, что времени мало, а спросить еще хочется. Глубина его высказываний необыкновенна».

Елена Рождественская благодарит Виктора Петровича, что он вспоминает ее маму Клавдию Васильевну Рождественскую и всегда называет «благодетельницей своей и наставницей»! Клавдия Васильевна стояла у истоков Пермской писательской организации.

И вот мы приступили к составлению **3-й части, которую назвали «Астафьев глазами осинских очевидцев»**. Где найти, с чего начать?

Решили, что нужно сначала сходить в краеведческий музей и ещё раз пролистать местные газеты за 1964 год, вдруг что-то раньше упустили? Но, к сожалению, ничего нового не нашлось. Зато обратили внимание на статью студентки педучилища, которая описывала, как весело и с пользой они проводят время. В конце статьи были перечислены фамилии особо активных студентов. Зная, что встречи с писателем проходили в библиотеке и в педучилище, мы решили написать обращение в газету «Осинское Прикамье» и попросили откликнуться очевидцев той встречи. Думали, что будет очень много откликов, но ничего не было.

Из краевой библиотеки им. Горького через электронную доставку заказали статью Л. Копылова «Писатель в гостях у читателей» (о встрече писателя В. П. Астафьева с учащимися Осинского педучилища) из газеты «Советское Прикамье» от 20 октября 1964 года (в нашем музее эта газета отсутствует).

И буквально через несколько дней в библиотеку пришла женщина и сообщила, что хорошо помнит эту встречу с Астафьевым. Мы записали её воспоминания, а напоследок она перечислила своих однокурсников, которые и ныне живут в Осе, таким образом, мы получили дополнительную информацию о возможных участниках встречи и начали работать с ними.

1-й звонок: «Нет, встречу не помню, но хорошо помню, как все чистили, мыли перила и приводили в порядок коридоры и актовый зал, да вы спросите у...»

2-й звонок: «Конечно, помню 1964 год, а встречу с Астафьевым? А когда это было? В ноябре. Да вы что? В это время я ездила защищать честь педучилища на соревнования в Самару. Очень жаль, да вы спросите у...»

3-й звонок: «Да готовились, помню, но потом я уже ушла в декрет и у меня первенец родился. Вот так запомнился визит писателя в наш город осинским студентам».

4-я часть нашего сборника называется «Притяжение сибирского старца». Здесь отражена работа библиотеки в рамках акции «Пермский край читает Астафьева». А делается в этом плане в нашей библиотеке много: проходят электронные презентации «В. Астафьев и Осинский край», «Уроки доброты», где читаются произведения В. П. Астафьева «Бабушка с мамой», а затем обсуждается рассказ. Идею проведения такого мероприятия мы взяли на краевом дне специалистов (работников отдела обслуживания). Дети с удовольствием включаются в игру, сами анализируют и просят еще что-нибудь почитать.

Ежегодно в библиотеке проходят Дни памяти жертв политических репрессий, всегда напоминаем участникам о создании мемориального комплекса «Пермь-36», идею создания которого поддержал Виктор Астафьев. Рассказываем о его творчестве, о книгах.

В 4-ю часть сборника вошли также фрагменты их Хроники событий библиотечной жизни, много фотографий с Астафьевских чтений, в т. ч. с сыном писателя, включена работа студентки осинского педучилища «Астафьев и Оса».

В ноябре 2014 года в нашей библиотеке состоялся вечер памяти «Дар слова», на него были приглашены жители района, краеведы и конечно, студенты педучилища. На вечере был представлен сборник «Вспоминая Астафьева», выступила преподаватель педучилища Ю. Н. Литвинова, она рассказала о работе со студентами по творчеству Виктора Астафьева, как собирается материал. Затем выступила студентка

училища 1964 года, училась она тогда на 2-м курсе и было ей в то время 15 лет. Сейчас ей 64 года, а она помнит этот день очень хорошо. Поделилась своими впечатлениями о встрече с писателем.

Людмила Карташова, студентка педучилища участница встречи 1964 года в г. Оса:

«...В 1964 году я училась на 2-м курсе педучилища. Очень хорошо помню встречу с писателем Виктором Астафьевым. Встреча проходила на втором этаже педучилища, было очень много студентов. Он вошел в зал, сразу прошел на сцену, а я поймала себя на мысли, что он очень похож на актера Анатолия Кузнецова. Сначала он рассказывал о своей жизни, о бабушке, о творчестве. И рассказывал не как актер, а очень проникновенно. Слушать его было приятно. В то время мы об Астафьеве знали немного. Незадолго до этой встречи вышла его книга “Тают снега”.

Одет был в обычный костюм. Такие носили наши преподаватели. Выглядел очень интеллигентно. После того, как Виктор Петрович рассказал о своем творчестве, он взял книгу и прочитал только, что вышедший рассказ “Конь с розовой гривой”. Мне рассказ тогда понравился, и захотелось перечитать его снова. Читал он его просто, как будто рассказывал.

Далее на сцену пригласили студентку Людмилу Орлову (Шмуратко). И она исполнила песню, где были слова “Я иду, и пою, и весна поет, а мне 17 лет”. А аккомпанировала ей тоже студентка Люба Шатрова.

Затем ведущие мероприятия (к сожалению, их имена и фамилии я не помню) предложили задавать вопросы Виктору Петровичу. Запомнился вопрос студентки Людмилы Кузнецовой, которая спросила: “А ваша жена это ваша первая любовь?” Ответа писателя я не запомнила, а может быть, он вообще не ответил. Но зато на следующий день нам всем попало от завуча М. Нечаевой, которая сочла данный вопрос в высшей степени неприличным.

В фойе педучилища продавали книги Астафьева, очень недорогие. И кто покупал книгу подходил к писателю за автографом. Виктор Петрович всегда спрашивал имя, кому подписывал книгу и, обращаясь по имени, обязательно оставлял краткое пожелание. Очень жалею, что у меня с собой было только 30 копеек, и я не смогла купить книгу, а значит и получить автограф писателя.

Встреча располагала к общению, обстановка была непринужденной, было весело.

Для нас вечер закончился танцами, которые организовали после встречи с писателем».

Учащиеся задавали много вопросов, на них были получены обстоятельные ответы. Встреча прошла в уютной теплой атмосфере. Все присутствующие на память об этой встрече получили сборник «Вспоминая Астафьева». Анализируя выпущенный сборник, мы не раз убеждались, что все выступающие отмечали великий талант писателя, его правдивость, честность, искренность.

При проведении таких мероприятий мы всегда советуем учащимся, чтобы они не упускали возможность встречаться с писателями, творческими людьми.

Может быть, лет так через 50 и вы попадете на страницы изданий, как в далеком 1964 году студентка 2-го курса педучилища Люда Кислицына (Карташова), чтобы не выбирать, как она: сходить на танцы или купить книгу писателя.

*Эрман О. П.,
учитель русского языка и литературы
(МБУО «Северокоммунарская средняя общеобразовательная школа»,
п. Северный Коммунар, Сивинский район, Пермский край)*

Сопоставительный анализ рассказа В. Астафьева «Царь-рыба» и Э. Хемингуэя «Старик и море» на уроке литературы в старших классах

Духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения в настоящее время становится первостепенной задачей для педагогов, родителей и всех неравнодушных взрослых людей. Многие годы дети наши копировали западные идеи, моду, мораль..., причём самые худшие образцы. Выросло целое поколение потребителей, циников и эгоистов. До сих пор мы можем услышать: «люби себя, достигай своих целей». Масса советов, как стать богатыми, успешными... и всё? Это то, к чему должен стремиться Человек в своей жизни? А нравственные принципы, а «жить в гармонии с самим собой и с миром», «жить по совести», библейские заповеди... Возвращение к своим истокам, к истории своей страны, к своим героям, к тому духовному наследию, что оставили нам и нашим детям советские и российские писатели, так необходимо нашему обществу.

Так произведения представителей «деревенской прозы» до сих пор не теряют своей актуальности и имеют огромное значение для сохранения национально-русской культуры и исторической памяти. Именно писатели-деревенщики в своё время «били во все колокола» о потере нравственных основ российского общества 1990-х.

Обращение к прозе Виктора Астафьева на уроках литературы позволяет нам воспитать в детях такие человеческие качества, как: доброту, щедрость души, сострадание. Герои произведений разные по типам характера и неоднозначные для оценки читателя, нельзя назвать героя только положительным или отрицательным. Чаще всего характеры показаны в развитии. Воспитание на положительных примерах не всегда успешно, особенно в подростковом возрасте. Нотации, воспитательные беседы назидательного характера не имеют результатов. Подросток сам должен сравнивать, искать и приходить к выводам. Для этого и существует в образовании современная технология критического мышления.

В духовно-нравственном воспитании невозможно опираться только на отечественную литературу, поскольку мир открыт, современное поколение не признаёт границ и посредством Интернета имеет возможность знакомиться с разными текстами, важно направлять интересы детей в нужное русло, воспитывать взыскательного читателя. Стоит отметить, что зарубежная литература всегда была интересна ученикам, поскольку находилась «на задворках» основной программы по литературе. Современные программы носят более интегративный характер и позволяют составить общую литературную картину мира. Учителям литературы особое внимание стоит уделять изучению произведений зарубежных и русских авторов в сопоставлении.

Интересен и полезен в этом отношении, на наш взгляд, может быть урок литературы в старших классах по произведениям В. Астафьева «Царь-рыба» и Э. Хемингуэя

эя «Старик и море». Опыт таких уроков не нов, и в литературоведческих кругах это сопоставление проводилось многократно. Но, тем не менее, хотелось бы рассмотреть вариант проведения данного урока с использованием современных образовательных технологий и требований федеральных образовательных стандартов.

Технология смыслового чтения позволяет читателям постигать ценностно-смысловые аспекты художественного текста, осуществлять процесс интерпретации и наделения личностным смыслом. Каждый читатель, по мнению А. Н. Леонтьева, решает «задачу на смысл», на понимание «значения для меня». Интеграционный подход данной технологии состоит в том, чтобы использовать знания не только по литературе, но и истории, психологии, философии, культурологии и т. д.

Рассмотрим фрагменты уроков литературы по произведениям В. Астафьева и Э. Хемингуэя с использованием технологии смыслового чтения.

Этапы работы с текстом	Деятельность учителя	Деятельность обучающихся
I этап		
Работа с текстом до чтения А н т и ц и п а ц и я (предвосхищение, предугадывание предстоящего чтения)	Предлагает осмыслить названия произведений: «Старик и море» «Царь-рыба» Сравнить. Составить кластеры	Работа в группах. - составляют кластеры; - находят сходство и различия; - предполагают о чём эти произведения.
Данный этап можно провести до чтения обоих произведений. Рассказ В. Астафьева «Царь-рыба» лучше прочитать на уроке, а повесть Э. Хемингуэя «Старик и море» даётся в качестве домашнего задания. Примеры получившихся кластеров: <pre> graph TD A[сказка] --- B[Старик и море] C[рассказ] --- B B --- D[рыбак] B --- E[стихия] </pre> После прочтения учащиеся делают поправки в своих кластерах. Этап позволяет развивать фантазию, интуицию и пробуждает интерес к чтению произведений. <pre> graph TD A[главная героиня] --- B[Царь-рыба] C[царящая в реке] --- B B --- D[сказка] B --- E[царство] </pre>		

Этапы работы с текстом	Деятельность учителя	Деятельность обучающихся
II этап		
Работа с текстом во время чтения	Читает текст рассказа. Во время чтения учитель может останавливаться и спрашивать о том, что будет происходить дальше?	Критики: Слушают и записывают вопросы, которые у них возникают по ходу чтения Художники: Делают зарисовки по ходу чтения (возможны только цветовые пятна).
	Спрашивает о первичном впечатлении от рассказа, о результатах индивидуальной работы	Делятся своими мыслями и чувствами. Показывают зарисовки Проверка предположений по тексту
Домашнее задание: 1. Прочитать повесть «Старик и море». 2. После прочтения — цветовые пятна или вопросы к вдумчивому читателю 3. Инд. сообщения о биографии писателей. Задача: удивли! (самое яркое и запоминающееся)		
III этап		
Работа с текстом после чтения 1. Знакомство с писателем 2. Концептуальная (смысловая) беседа по тексту	Учитель задаёт уточняющие вопросы по названиям: Почему не «Старик и рыба»? Что значит символика моря? С чем ассоциируется море? Почему из названия рассказа В. Астафьева исчезает человек и остаётся «царь-рыба»? В каких произведениях встречается образ сказочной рыбы, царицы-рыбы? Какое чувство рыба вызывает у героя? У читателя? В чём сходство сюжетов? В чём разница?	Инд. доклады о писателях (УДИВИ!) Что общего? Слово литературоведам. Т. М. Вахитова отмечает, что «в образе царь-рыбы ощущается древний фольклорный слой, связанный с русскими сказками и преданиями о могучей рыбе (кит, щука), обладающей чудесными возможностями, плодотворящей силой, умеющей исполнять все желания (золотая рыбка). На ней держится земля, все мироздание, с ее смертью наступает катастрофа, все-ленский потоп». А. В. Бармин также сопоставляет астафьевскую царь-рыбу с золотой рыбкой А. С. Пушкина: «значимость образа в архаической сказке одна: везде «рыбка» — владычица природных сил, и добро ее имеет пределы. Так понят был этот образ Пушкиным, таков он и у Астафьева»
		Находят в тексте описание рыб

Этапы работы с текстом	Деятельность учителя	Деятельность обучающихся
2. Концептуальная (смысловая) беседа по тексту	Сравните слова: борьба, единоборство, поединок, битва, война Соотнесите их с произведениями. Подтверждение в тексте Сравнительная характеристика героев: старика и Игнатича • портрет • история жизни • семья, близкие люди, друзья • занятия • дом, лодка	Перед читателем противостояние человека и гигантской рыбы (марлин и осётр тоже внешне похожи). Поединок «Старик и море» Война «Царь-рыба» “Её судьба была оставаться в тёмной глубине океана, вдали от всяческих ловушек, приманок и людского коварства. Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти её там, куда не проникал ни один человек. Теперь мы связаны друг с другом”, — говорит старик. “Так вот оно как, на войне-то...” — думает Утробин. “...зачем же перекрестились их пути? Реки царь и всей природы царь — на одной ловушке. Караулит их одна и та же мучительная смерть”. Работа по группам Старик. «Всё у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, весёлые глаза человека, который не сдаётся...» «на руках виднелись глубокие шрамы, прорезанные бечевой, когда он вытаскивал крупную рыбу. Однако свежих шрамов не было».
	Сравнительная характеристика героев: старика и Игнатича • портрет • история жизни • семья, близкие люди, друзья • занятия • дом, лодка • отношение к миру (сформулируйте жизненное кредо) • отношение к женщине (природа тоже женщина)	Утробин. «Лицо у Игнатича цветущее, с постоянным румянцем на круто выступающих подглазьях и чуть впалых щеках. Стрижен Игнатич под бокс, коротко и ладно»; руки «без трещин и царапин, хоть и с режущими инструментами дело имеет». Жизненное кредо: Старик. «Но человек не для того создан, чтобы терпеть поражения, — сказал он. — Человека можно уничтожить, но его нельзя победить» Утробин. «Хищничество, враждебность, желание урвать свой кусок, жадность. А ещё гордыня — не гордость. О море — старик. «постоянно думал как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них». Это понимание приходит в конце концов и к Утробину: «Природа, она, брат, тоже женского рода!»

Этапы работы с текстом	Деятельность учителя	Деятельность обучающихся
3.Творческие задания	Мотив греха Меняются ли герои повременья повествования? Если да, то как? Дополнить цветные пятна. Подобрать иллюстрации. Просмотр фрагмента мультфильма «Старик и море»	Работа индивидуальная и в микро-группах
ВЫВОДЫ. • круг проблем, затронутых авторами; • авторская позиция; • ваша точка зрения на решение проблемы; • выбор тезисов (эпиграфов) к уроку.		

Обучающие должны прийти к выводу о том, что оба автора поднимают общую проблему — отношение человека и природы.

Природа выступает в роли судьбы, который наказывает, и в то же время в роли Бога, который принимает раскаяние и даёт покой. В погоне за добычей, за материальными благами человек теряет себя, своё человеческое достоинство, теряет связь с матушкой, с царницей-природой. А это ведёт к неминуемой гибели.

Герой Хемингуэя вынужден заниматься рыбной ловлей, это его жизнь. Для него и море, и рыба — друзья. И он вступает в честный поединок с рыбой. Утробина же гонит на реку жадность. Он как вор, постоянно оглядывается, боясь наказания от рыбнадзора. Но наказывает его царь-рыба, его же жертва. Оба героя к трудный момент обращаются к Богу с просьбой о прощении за грехи. Старик выживает и, хотя и без добычи, возвращается домой. А финал рассказа Виктора Астафьева остаётся открытым. Каждый читатель вправе по-своему распорядится судьбой Игнатича: простить или не простить, поверить в духовное очищение героя или нет, каждый решает сам по мере доброты своего сердца.

Список используемой литературы:

1. Астафьев В. П. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 6. Царь-рыба. — Красноярск: Офсет, 1997. С.183. — (В дальнейшем ссылка на это издание с указанием страниц в тексте).
2. Хемингуэй Э. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Старик и море; Опасное лето; Праздник, который всегда с тобой; Острова в океане / Пер. с англ.; Послесл. А. Старцева. — М.: Худож. лит., 1982. — С. 60. — (В дальнейшем ссылка на это издание с указанием страниц в тексте).
3. Старцев А. От Уитмена до Хемингуэя. — М.: Сов. писатель, 1972. —С. 341.
4. Анастасьев Н. Творчество Эрнеста Хемингуэя: Книга для учащихся. — М.: Просвещение, 1981. — С. 85.
5. Вахитова Т. М. Повествование в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба»: Учеб. пособие для студентов филол. спец. вузов. — М.: Высш. шк., 1988. — С. 42.

*Берляков П. Г.,
инженер-программист МБУК «Чусовская районная центральная библиотека
имени А. С. Пушкина»
(г. Чусовой, Пермский край)*

Создание анимационного фильма по мотивам рассказа В. П. Астафьева «Сибиряк»

Если кратко, то этапы создания анимационного фильма такие:

- идея фильма, изучение материала
- сценарий и раскадровка
- разработка персонажей и фонов, на которых они действуют
- съёмка фильма (создание сцен)
- озвучивание и монтаж фильма (сборка фильма из сцен).

Идея снять анимационный фильм по произведению В. П. Астафьева пришла к нам примерно 3 года тому назад. Высказала её чусовская художница Татьяна Корепанова, ученики которой уже создавали картины по мотивам произведений Виктора Петровича.

Когда наша анимационная студия стала работать в стенах библиотеки, где так чтят имя великого писателя, эта идея получила поддержку. Встал вопрос – что выбрать для экранизации? Нужна тема, которая была бы близка нам и, естественно – будущему зрителю. «Время сейчас такое, военное. Значит, снимать будем о войне.»

Начали читать Астафьева. В голове сразу возникают образы – кадры будущего фильма. Смотрим, соразмеряя силы и изучаемый материал. Как-то довольно быстро находим то, что нужно. «Сибиряк» — первый рассказ В. П. Астафьева. И написан в Чусовом... Значит — так тому и быть!

Как превратить рассказ в сценарий фильма? — Нужно найти то, что сильнее всего трогает душу. Посмотреть, как повествование подводит нас к кульминации. Без чего можно обойтись... Язык кино несколько отличается от литературного, он более визуален. Разные способы выражения чувств диктуют сценаристу и писателю немножко разные решения. Однако, у Астафьева образы очень кинематографичны. Они так и просятся на экран.

Поэтому такой этап, как написание сценария мы, честно говоря, пропустили. Ведь что такое анимационный фильм? — Это последовательность картинок. И распланировать работу можно, просто нарисовав раскадровку (нечто вроде комиксов). Работа же над текстом свелась к тому, что мы определили, с какого места в рассказе начнётся фильм.

На этапе создания раскадровки мы старались почувствовать то, что могли чувствовать герои фильма. Полностью копировать Астафьева мы не пытались, понимая, что это не будет правдой. Но ведь в каждом человеке есть внутреннее понимание правды жизни, и поступать нужно в соответствии с ним. Только так можно сделать что-то хорошее. Отсюда, из этого внутреннего понимания прорастали образы героев. А в фильме появился аудиовизуальный ряд.

Образы солдат Великой Отечественной мы изучали, используя как советское художественное кино, так и кинохронику, а также фото тех лет. Детали обмундирования и снаряжения обсуждали вместе с учеником Т. А. Корепановой — Максимом Шелковниковым, большим знатоком разных компьютерных стратегий.

Параллельно с раскадровкой, мы создавали фоны, на которых должны двигаться герои фильма.

Происходило это так. Побродив по Интернету, нашли фотографии, сделанные на Украине во время войны. Посмотрели, как выглядят леса, поля, реки. Где вообще могла быть эта Михайловка. Набросали карту местности, где мог происходить тот бой. В соответствии с картой нарисовали несколько фонов – местность, окопы, блиндаж, растительность.

Разработка персонажей анимационного фильма – один из самых ответственных этапов. Нужно было показать солдата в разных ракурсах, как он движется, говорит и т. д. Поэтому мы привлекли к съемкам фильма сотрудников библиотеки. Объяснив им задачу, мы сфотографировали их лица в разных ракурсах. Татьяна Корепанова выполнила обрисовку фотографий, после чего картинки были отсканированы.

Наложив рисованные лица на сделанные нами изображения солдат, мы получили образы героев. После компьютерной обработки появились анимационные персонажи.

Нюансов в работе аниматора много. Например – при озвучивании ролей каждый человек по-своему произносит разные звуки – губы двигаются неодинаково. Мы постарались это учесть. И вот, наши сотрудники, чьи лица служили прототипами героев фильма, сидят перед камерой и произносят разные звуки. Всё это фиксируется, просматривается и делаются выводы – как должны выглядеть губы при произнесении тех звуков. Ну а при анимации компьютерная программа распознает звуки и устанавливает именно те губы, которые нам нужны (это называется автоматический липсинг).

По ходу сюжета что-то пришлось додумывать, что-то осмысливать. Например – почему Матвей Савинцев не вернулся назад по той же трубе. Или – как начать фильм, как познакомить зрителя с главным героем. Ведь Матвей Савинцев – это действительно гражданский человек. Человек, для которого главное – Жизнь. Отстаивая эту Жизнь, он идёт до конца и делает это очень просто и естественно.

Поразил образ Матвея, когда он держит в руке провод, как какой-то огненный луч. И мы-таки решили – пусть Савинцев живёт! А после узнали, что Астафьев так и хотел вначале...

В результате коллективной работы появился 9-минутный анимационный фильм под названием «Русский солдат», посмотреть который можно на сайте ЧРЦБ им. А. С. Пушкина (chuslib.ru) в разделе «Видео».

В создании фильма участвовали сотрудники библиотеки: Алексей Ушаков, Виталий Кардапольцев, Павел Фарманов, Татьяна Корепанова, Павел и Людмила Берляковы. А также Николай Поспелов и Максим Шелковников.

Опыт такого коллективного сотворчества очень ценен и помогает нам работать дальше.

*Дубовцева З. А.,
учитель (МБОУ «Верхнегородковская СОШ»,
Чусовской район, Пермский край)*

Война в рассказе В. П. Астафьева «Сибиряк» (конспект урока)

Класс 8-й

Этап обучения по данной теме: начальный

Цели: раскрыть нравственную позицию В. П. Астафьева, выявить способы выражения авторской позиции в рассказе

Задачи: совершенствовать навыка анализа текста, развивать навыки устной речи и творческие способности учащихся, возбудить интерес к творчеству писателя, воспитывать гражданственность

Тип урока: комбинированный

Используемые приёмы: организация работы с художественным текстом, познавательная деятельность учащихся в ходе анализа текста.

Методы: беседа с учащимися и работа с книгой

Технология обучения: проблемное обучение

Используемые формы организации познавательной деятельности учащихся: проблемная беседа и работа в группах.

Оборудование и основные источники информации:

- рассказ В. П. Астафьева «Сибиряк» в распечатке,
- электронная презентация.

В ходе урока у учеников получается книга (титульный лист, аннотация, стихотворение в качестве эпиграфа об Астафьеве, закладка (рекомендация книг для чтения).

Прогнозируемый результат (формирование компетентности): уметь высказать суждение, вступать в диалог, писать творческую работу.

Список используемой литературы:

1. Астафьев В. П. Во глубине России. — Красноярский краеведческий музей, 2008.
2. Астафьев В. П. Нет мне ответа. Эпистолярный дневник. — Иркутск, 2009.
3. Астафьев В. П. Собрание сочинений в шести томах. — М., Молодая гвардия, 1991, т. 1. с. 19
4. Астафьев и Чусовой. Рекомендательный список литературы. — Чусовой, 2007.
5. Последний поклон Виктору Астафьеву. Прощание. — Красноярский краеведческий музей, 2007.
6. Сибирь. — Иркутск: издатель Сапронов 2006.
7. Тихомирова С. А. Литературные традиции русского севера, книжное наследие. — Вологда, 2008.

ХОД УРОКА

Тема: В. П. Астафьев «Сибиряк».

Цель: раскрыть нравственную позицию В. П. Астафьева, выявить способы выражения авторской позиции в рассказе.

Структура урока:

- Мобилизационный этап, создание проблемной ситуации.
- Авторская позиция Астафьева. (Работа с текстом.)
- Зачем изучать Астафьева? (Подведение итогов.)
- Заключительное слово, рефлексия.

Мобилизационный этап.

Я согласна со словами А. М. Горького, что литература – это учебник жизни. А значит, уроки литературы – это уроки жизни, уроки философских размышлений. И именно к такому уроку я приглашаю вас сегодня.

Мне приятно сегодня пообщаться с вами, учениками школы, людьми мыслящими, творческими. (слайд 1)

Сегодня на уроке с нами В. П. Астафьев. Имя этого писателя вам уже знакомо, вы читали его рассказы в 5-х, 6-х классах. Назовите их. В. П. Астафьев – удивительный писатель. Каждая его книга заставляет задуматься о многом: о времени и о себе, о подлинных и мнимых жизненных ценностях, о войне и мире. На ваших столах его рассказ «Сибиряк». (Распечатка.)

А кто такой сибиряк? Дайте определение этого слова (житель, уроженец Сибири).

Именно так трактует его определение «Толковый словарь русского языка». С. Ожегова. (слайд 2)

Неужели об этом рассказ? Очевидно, название рассказа приведено в переносном смысле.

Значит, какую цель поставим? (Мы с вами должны определить, кто такой сибиряк; увидеть, услышать, почувствовать мир его души, определить свои нравственные ориентиры.)

Авторская позиция Астафьева: 9 мая 2015 года мы будем отмечать 70-летие Великой Победы. Ущерб, который нанесла война 1941–1945 годов народам Европы, чудовищный. Она разрушила пол-России, заставила народ ценой невероятных усилий восстанавливать разрушенную страну. В войне погибло целое поколение 1924-1926 годов рождения. Из четырёх человек этого поколения в живых остался только один. Какой след оставила война в судьбе вашей семьи?

Что вы знаете из биографии В. П. Астафьева? (Сообщение ученика.) (слайд 3)

Писать автор начал с 1953 года (рассказ «Гражданский человек» или «Сибиряк»). (Рассказ ученика об истории написания). (слайд 4)

Как вы думаете, мог ли Астафьев не писать о войне? (Не мог, потому что воевал, сам пережил войну.)

Открываем книгу, а там всегда – аннотация. Читаем её (проверка д/з).

Перелистываем страницы этого произведения. Вдумываемся в смысл его. Вы работаете в группах, на столах у вас вопросы.

Каждый выбирает вопрос, обсуждает его в группе, советуется. Время выполнения 5 минут.

Вопросы для групп:

1-я группа: Какой фразой начинается рассказ? Что значит слово «марш»?

Однозначно оно или многозначно. Связано ли оно с концом рассказа?

2-я группа: Проанализируйте портреты героев (раненый солдат, лейтенант, Коля Зверев, Матвей, Савинцев). Какие художественные средства помогают рисовать их?

Какой герой выделяется из всех? Почему? Расскажите о нём.

3-я группа: Речь главного героя близка к народной речи. Докажите это. Объясните, почему герой Астафьева – человек из деревни.

4-я группа: Прочитайте описание природы. Какие черты характера подчеркивают они в герое?

5-я группа: Прочитайте монологи и диалог Коли и Матвея. Что они нам дают для понимания характеристики героев.

6-я группа: Что символизирует цветок жарок? (слайд 5)

Итак, подведем итоги: О чём же рассказ? Выстроим лестницу мыслей. (О человеке на войне. И этот человек должен быть сибиряком, т.е. трудолюбивым, ответственным, полагается только на себя, обладать упорством, иметь чувство собственного достоинства. А самое главное, считает автор, быть человеком равнодушным, ответственным, для которого родина – дом, семья. А за это он готов жизнь отдать).

Сибиряк – это не только толстая кожа, привыкшая к морозам и неудобствам, это упорство в достижении цели, совместимость человеческой души с природным духом.

Творческая группа выразит своё мнение о герое в стихах и рисунках. Дадим им слово.

ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

О чём заставил задуматься рассказ? Талантливый рассказ, по образному выражению Ю. Нагибина, читается «в один глоток», в нём нельзя ничего добавить и убавить. «Сибиряк» именно такой рассказ. На всех произведениях писателя лежит отблеск его судьбы. (слайд 6)

Слово «сибиряк» мне запомнилось из рассказов моего отца, участника войны, родившегося в тот же год, что и В.П. Астафьев. Он говорил, что сибиряков боялись немцы, потому что они сильные и физически, и духовно, в плен не сдаются. Таким мне и представляется сам писатель, и даже его предсмертное произведение «Прощайсь...» напоминает нам, что он сибиряк тоже.

(Чтение отрывка учеником.)

В день Великой Победы я приду на кладбище и поклонюсь своему отцу-фронтовику, у памятника героем Великой Отечественной войны на улице Победы возложу цветы и вспомню о войне Астафьева. Приглашаю и вас отдать дань памяти погибшим в этот день. А пока скажем слова благодарности писателю и подарим ему его любимый цветок жарок. (слайд 7)

Ученики прикрепляют цветок на доску, говоря слова благодарности писателю.

Рекомендация книг для чтения.

Домашнее задание: Написать отзыв или рецензию на рассказ «Сибиряк»

*Каюрина С. А.,
заместитель директора МБУК «Чусовская районная
центральная библиотека имени А. С. Пушкина»
(г. Чусовой, Пермский край)*

Роль рекламно-издательской деятельности библиотек по популяризации творчества В. П. Астафьева

В работе библиотек МБУК «ЧРЦБ имени А.С.Пушкина» особое внимание уделяется популяризации творчества Виктора Петровича Астафьева – известного русского писателя, чей путь в большую литературу начался именно в городе Чусовом., в котором он прожил 17 лет в послевоенные годы. Именно здесь он написал свои первые произведения. Неизвестно, как бы сложилась судьба Виктора Петровича, если бы он не приехал в наш город после войны в 1945 году вместе со своей женой Марией Семеновной Корякиной - коренной чусовлянкой, которая чуть позже тоже стала писательницей.

Дружеские отношения сложились у Астафьевых с нашей Библиотекой имени А.С. Пушкина. Именно Книги из библиотеки им. А.С. Пушкина познакомили в 1945 году на фронте двух солдат – чусовлянку Марию Корякину и сибиряка Виктора Астафьева. В годы войны на имя Марии Корякиной высылались из нашего фонда посылки с книгами для солдат. Одним из постоянных читателей стал веселый солдат Виктор Астафьев. И по приезду в Чусовой Виктор Астафьев оставался читателем Библиотеки все 17 лет.

Сегодня большая работа ведется по рекламно-издательской деятельности, посвященной популяризации жизни и творчества Астафьевых: афиши, программы, буклеты, информационные списки, закладки, листовки.

Особое место в деятельности библиотек в последние годы занимает подготовка, составление и оформление тематических сборников.

«Всё о тебе, мой Чусовой» (авторы А.М. Кардапольцева, И.П. Комендантова и др.-Пермь: ООО «Маматов», 2008) – Альбом детского творчества, посвященный истории развития Чусовских земель и судьбам людей, прославивших свою малую родину. Представлены работы учащихся художественного отделения Чусовской детской школы искусств, а также проза и стихи школьников г. Чусового и Чусовского района. В сборник вошли творческие работы юных чусовлян, пробующих перо в литературной детско-юношеской студии «Капля», которая распахнула свои двери в центральной библиотеке имени А.С. Пушкина в 2006 году. О чем пишут юные поэты? Обо всем, что их волнует. О местах, знакомых и любимых с рождения, о природе своего края, о близких и родных людях, о школе, о дружбе, о первой любви.

«Не умолкает во мне война...» (Виктор Петрович Астафьев о войне) (Отв. за вып. А. М. Кардапольцева. — Чусовой, 2010.) Сборник посвящён великой дате Дню Победы в Великой Отечественной войне. Дать истинную оценку тех событий, рассказать, какой кровью нам досталась Победа, Виктор Петрович Астафьев. В сборник включены интервью, беседы, встречи с В. П. Астафьевым, его письма, где он со всей откровенностью говорит о Великой Отечественной войне, об истинных героях – простых солдатах, чей подвиг невозможно переоценить.

«Когда гремела война» (Сост. А. М. Кардапольцева, М. А. Ухалова, Л. И. Макарова. — Санкт-Петербург: ООО «Маматов», 2010.) В книге приведены воспоминания чусовлян о суровых военных годах, фронтовые письма, рассказы об участниках Великой Отечественной войны, о Героях Советского Союза. Среди героев этой книги — имя Виктора Петровича Астафьева и его жены, писательницы Марии Семеновны Астафьевой-Корякиной, а также фронтовиков, тружеников тыла.

«Чусовой литературный» (Сост. А. М. Кардапольцева, В. Н. Маслянка. — Санкт-Петербург: Маматов, 2013.) Издание этой книги стало событием в культурной жизни района и всего Пермского края. Оно было приурочено к знаменательным событиям — 80-летию юбилею города Чусового и 445-летию освоения Чусовских земель. Книга «Чусовой литературный» рассчитана на широкий круг читателей — учащихся, учителей, библиотекарей, краеведов, работников музеев, всех, кто интересуется историей и культурой родного края, нашей страны. Она задумана как хрестоматия произведений литераторов, ставших членами писательских союзов. Многие из них вышли литературного кружка при редакции газеты «Чусовской рабочий». Все представленные произведения объединяет причастность к Чусовому и Чусовскому району: либо они написаны здесь, либо описываемые события произошли в этом месте. Значительная часть книги посвящена творчеству Виктора Астафьева. Чусовлянам, особенно людям старшего поколения, не надо представлять и многих других земляков — Валентин Курбатов, Михаил Голубков, Олег Селянкин, Юрий Беликов, Маргарита Пермякова, Григорий Данской...Наша районная центральная библиотека им. А.С. Пушкина с книгой «Чусовой литературный» в 2013 г. победила в краевом конкурсе на лучшее печатное издание «Читаем пермское!».

«Астафьевскими метами». Сборники творческих работ победителей Малых Астафьевских чтений в Чусовом издаются ежегодно с 2004 года. Участие в Малых (детских) Астафьевских чтениях дает возможность и взрослым, и детям прикоснуться к удивительному миру личности писателя, приобщиться к его творчеству, познать жизнь, самого себя.Творческое движение объединяет детей и взрослых, учителей и учеников, писателей и читателей, журналистов и библиотекарей, искусствоведов и художников, краеведов и фотографов. Ежегодно сборники творчества участников Малых Астафьевских чтений вручаются победителям Чтений. Издания разлетелись в разные уголки нашей страны: г. Пермь, г. Санкт-Петербург, Красноярский край, Кемеровская, Владимирская, Нижегородская, Ростовская области и другие.

Кроме тематических сборников ежегодно издаются рекомендательные и информационные списки: «Астафьев и Чусовой», «Гордость земли Чусовской», «Ответ нескончаемой жизни», «Душа хранит», «Живое Слово писателя», книжные закладки, листовки.

Мы гордимся тем, что имя Виктора Петровича Астафьева связано именно с нашим городом, нашей библиотекой — Чусовской библиотекой имени А. С. Пушкина.

*Лукина С. Ю.,
учитель русского языка и литературы
(МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 91»,
Чусовской район, Пермский край)*

Учиться у мастера слова. Астафьевские меты. Из опыта работы

Каждый год учителя по всей России открывают для своих учеников удивительный мир произведений В. П. Астафьева. Учителям Чусовского района повезло вдвойне. Ведь Чусовой — это город, в котором прошло становления Астафьева как писателя, в нашем городе много мест, связанных с его жизнью и творчеством. Нашим детям, не нужно ехать за тридевять земель, чтобы прикоснуться к творчеству великого мастера слова, каким был Виктор Петрович. Наш провинциальный город известен всей России тем, что именно у нас проходят Открытые Малые Астафьевские чтения (детские). Каждый учитель-словесник считает своим долгом принять участие в этом большом мероприятии. Наша школа не является исключением. Творческими организаторами и вдохновителями Чтений являются Альмира Михайловна Каргапольцева, директор МБУК «Чусовская районная центральная библиотека имени А. С. Пушкина» и Владимир Николаевич Маслянка, директор ГКБУК «Литературный музей В. П. Астафьева», без этих людей не было бы это СОБЫТИЯ — Открытых Малых Астафьевских чтений (детских). По итогам Чтений каждый год выходит сборник «Астафьевскими метами», он рассчитан на широкий круг читателей: преподавателей, библиотекарей, работников музеев, студентов и школьников — всех, кто интересуется жизнью и творчеством В. П. Астафьева.

«Учиться у мастера слова. Астафьевские меты» так называется педагогический проект, запущенный в нашей школе 5 лет назад и актуальный по сегодняшний день. Цель проекта: повышение читательской компетентности учащихся. Суть проекта состоит в том, что учащиеся, приобщаясь к творчеству Астафьева, выходят на новый, более высокий уровень понимания литературных произведений. А помогают им в этом уроки литературы, подготовка и участие в Астафьевских Чтениях. За годы реализации проекта в нем приняли участие более 30 учащихся школы. Есть у нас победители и призеры в разных номинациях Чтений.

У малышей наиболее востребованными всегда бывает конкурс литературного творчества «Капля». За годы участия в нем вышли 4 литературных сборника стихов собственного сочинения учащихся нашей школы «Проба пера», руководитель и вдохновитель данного направления в школе — воспитатель ГПД Ольга Алексеевна Шляпина. У старшекласников — конкурсы исследовательских работ и рефератов «О времени, о жизни, о себе...», эссе и сочинений «Заветное». С 2009 года учащиеся школы — постоянные победители и лауреаты данных конкурсов.

Но если сказать, что мы специально готовимся к Чтениям, то это будет неправильно. Оба процесса учебный (урочный) и творческий (внеурочный) идут параллельно, взаимно дополняя друг друга. После изучения в 5-м классе рассказа «Васюткино озеро» в качестве совместной аналитической работы создали проект синквейн-зарисовки. До хрипоты спорили, защищая свою страницу в буклете (ведь у синквейна строгая структура, и отобрать нужные слова: прилагательные и глаголы из текста сложно), проявив творческие способности, нарисовали великолепные рисунки. В 6-м

классе по русскому языку изучили тему «Словари», применили имеющиеся знания, родился проект «Толковый иллюстрированный словарь диалектных и просторечных слов по рассказам «Конь с розовой гривой» и «Васюткино озеро». Сейчас этот словарь активно используется в учебной деятельности.

На уроках литературы, а творчество Виктора Петровича Астафьева включено в программу по литературе В. Я. Коровиной практически во всех классах с 5-го по 11-го, изучаются программные произведения. Всегда не хватает уроков, отведённых на изучение произведений этого уникального писателя. Ежегодно, корректируя свою рабочую программу по предмету, стараюсь внести в неё что-то новое и интересное, связанное с изучением произведений В. П. Астафьева. В приложении представлены фрагменты тематического планирования раздела «Русская литература XX» программы по литературе в 5-11-м классах под редакцией В. Я. Коровиной. (Приложений № 1)

Если говорить об урочной составляющей проекта, нельзя не сказать о том, что в произведениях Астафьева поднимается обширный спектр проблем, характерных для современного общества. И тут на первый план выступает мастерство учителя-филолога, который должен на примерах литературных произведений задать нравственные ориентиры для молодого человека, готовящегося выйти в большую жизнь. Герои произведений Виктора Петровича живут своей жизнью, но наша задача не просто проанализировать произведение, а суметь разбудить душу ученика, затронуть его за живое, а это большому мастеру слова Астафьеву всегда удастся на отлично.

Говоря о читательской компетентности, следует отметить, что не у всех выпускников сформировано умение излагать и аргументировать свою точку зрения, последовательно выстраивать доказательства, чего требуют ЕГЭ по русскому языку и литературе. Этот вид работы для них самый сложный, так как иногда в экзаменационных работах просто отсутствуют фрагменты сочинения, в которых должно быть изложено аргументированное мнение по проблеме, поставленной автором. Часто выпускники, пытаясь изложить и доказать свою точку зрения, допускают ошибки. С 2009 года к сочинению предъявляются жесткие требования.

Критерии оценивания сочинения.

Аргументация собственного мнения у экзаменуемых

К 4	Кол-во баллов
Экзаменуемый выразил своё мнение по сформулированной проблеме, поставленной автором текста (согласившись или не согласившись с позицией автора), аргументировал его (привёл не менее 2-х аргументов, один из которых взят из художественной, публицистической или научной литературы)	3
Экзаменуемый выразил своё мнение по сформулированной проблеме, поставленной автором текста (согласившись или не согласившись с позицией автора), аргументировал его (привёл не менее 2-х аргументов, опираясь на знания или жизненный опыт) или привёл только один аргумент из художественной, публицистической или научной литературы.	2
Экзаменуемый выразил своё мнение по сформулированной проблеме, поставленной автором текста (согласившись или не согласившись с позицией автора), аргументировал его (привёл один аргумент), опираясь на знания, жизненный или читательский опыт	1

К 4	Кол-во баллов
Экзаменуемый выразил своё мнение по сформулированной проблеме, поставленной автором текста (согласившись или не согласившись с позицией автора), но не привёл аргументов, или мнение экзаменуемого лишь формально заявлено, или вообще не отражено в работе.	0

Теперь выпускнику, чтобы получить желанные три балла, необходимо как можно больше читать, создавая «банки» аргументов по самым различным проблемам, рассматриваемым авторами художественных произведений. И если учитель — словесник будет относиться к этому не формально и постоянно возвращаться к такому виду работы на уроке и в качестве домашних заданий, тогда ученики привыкнут анализировать процесс чтения и со временем у них сформируются устойчивые навыки в определении проблемы произведения, формулировке авторской позиции в тексте произведения и подборе аргументов. А это будет большим подспорьем при подготовке к экзаменам. Учителям литературы, можно рекомендовать приучать учащихся с 5–6-го класса вести дневники или особые тетради, создавая в них банки аргументов (у моих учеников один из разделов творческого портфолио, в которое они вкладывают листы с записями). (Приложение № 2)

Участие в Малых Астафьевских чтениях дает возможность каждому ребенку проявить свою творческую индивидуальность. За годы реализации школьного проекта собран богатый материал: реализовано 8 творческих проектов, создано 3 виртуальных экскурсий, написано 9 исследовательских работ, но больше всего работ выполнено в номинации эссе и сочинения. Все активно используется на уроках литературы и русского языка. Многие проекты, эссе и исследования, выполненные учащимися, заслужили высокую оценку на районных, краевых и всероссийских Астафьевских чтениях. Творческая работа, которая систематически проводится на уроках, позволяет успешно сдавать выпускные экзамены: в последние годы мне не приходится специально «натаскивать» своих учеников перед экзаменами, так как они готовы к сочинению, у них имеются рабочие материалы, собранные ими за несколько лет обучения, именно они помогают им успешно подготовиться к сочинению и ЕГЭ.

Произведения Виктора Петровича Астафьева оставляют мету в душе каждого, кто познакомился с его литературным наследием. Какая она эта мета? Большая или маленькая, неизглядная или поверхностная решать каждому самостоятельно. Но я уверена, что читая произведения Астафьева, ребенок познает мир, готовится к взрослой жизни.

Каждый литературный сборник «Астафьевскими мета» заканчивается словами: «До будущей весны, нынешние и будущие участники Чтений! Сколько ещё талантов откроют эти Чтения! Звёзд вам ярких и звёздных высот!» Представляете, что чувствует ребёнок, когда читает такие трогательные слова, адресованные ему? После таких слов хочется рисовать, писать, заниматься литературным творчеством, зная, что твоё творчество будет по достоинству оценено.

Заканчиваются Чтения, но творческий процесс продолжается. Именно неподдельный интерес к человеку-писателю и его творчеству движет многими детскими сердцами и выливается в удивительные сочинения, исследования, которые дети представляют на другие конкурсы и занимают призовые места.

**Тематическое планирование раздела «Русская литература XX»
программы по литературе в 5–11-м классах (под редакцией В. Я. Коровиной)**

Класс	Произведение	Кол-во уроков на изучение произведения по программе. Темы уроков	Внеклассное чтение	Уроки по развитию речи	Творческие проекты обучающихся
5-й	«Васюткино озеро»	2 часа 1. Черты характера героя и его поведение в лесу» 2. Составление аналитического комментария Автобиографичность произведения	1 час «Мир-добродетель, война-преступление» по рассказу В. П. Астафьева «Старая лошадь»	2 часа 1. Комментированное чтение пейзажных зарисовок. 2. Оформление и защита обложки к рассказу «Васюткино озеро»	1. Синквей-зарисовки по рассказу В. П. Астафьева «Васюткино озеро» (2011) 2. Исследовательская работа «Выживем» (2010) 3. Презентация «Чусовой Астафьева» (2012) 4. Краевой конкурс эссе-сочинений «Как я читал Астафьева» (2009)
6-й	«Конь с розовой гривой»	2 часа 1. Композиция рассказа «Конь с розовой гривой». Анализ кульминационный момента в рассказе. Сочинение-рассуждение «Если бы я был на месте Вити, как поступил бы я...». 2. Нравственные проблемы в рассказе	1 час «Последний поклон». Образ бабушки Катерины Петровны. Затеся «Всезрящая»	1 час Характеристика героя литературного произведения. Бабушка Катерина Петровна, Витя.	1. Толково-иллюстрированный словарь просторечных и диалектных слов по рассказам В. П. Астафьева «Васюткино озеро» и «Конь с розовой гривой» (2013) 2. Творческий проект Анечки читают произведения В. П. Астафьева и рисуют иллюстрации. (2010)

**Тематическое планирование раздела «Русская литература XX»
программы по литературе в 5–11-м классах (под редакцией В. Я. Коровиной)**

Класс	Произведение	Кол-во уроков на изучение произведения по программе. Темы уроков	Внеклассное чтение	Уроки по развитию речи	Творческие проекты обучающихся
7-й				«Человек в любых ситуациях должен оставаться человеком!» по рассказу Макаронина»	1. Виртуальная экскурсия «Астафьевские ми метами» Всероссийский конкурс презентаций (2009) 2. ресс-конференция «Война, глазами Виктора Петровича Астафьева» (2011) 3. Литературно-музыкальная композиция «Все мы родом из детства» по рассказам (2011) 4. Творческий проект «Детские годы, войной опаленные» (Члены моей семьи — дети войны). (2015) 5. Участие в красном проекте «Дети Прикамья о детях войны» (2015)
8-й	«Фотография, на которой нет твоей меня нет»	2 часа 1. Самая «сокровенная» книга Астафьева. Тема детства в творчестве писателя 2. Тема довоенного детства в рассказе «Фотография, на которой меня нет»		«Последний поклон» -заветная книга писателя. Элементы личного в повести.	1. Исследовательские работы «Быт и нравы сибирской деревни», «Сибирский горы, диалектные слова в речи главных героев повести «Последний поклон» (2012) 2. Творческий проект «Моя любимая бабушка» (2010)

Класс	Прозвание	Кол-во уроков на изучение произведения по программе. Темы уроков	Внеклассное чтение	Уроки по развитию речи	Творческие проекты обучающихся
9-й	«Учитель»		Образ учителя в произведениях Астафьева по рассказам «Учитель», «Фотография, на которой меня нет»		Творческий проект «Учителя моей школы» (2014)
10-й	«Людочка»		1 час «Духовное одиночество». Рассказ «Людочка»	1 час Урок-диспут «Две трагедии» по рассказу В. П. Астафьева «Людочка» и пьесе А. Н. Островского «Проза»	Конкурс-эссе «Что значит смерть для Людочки? Для Катерины?» (2010)
	«Царь-рыба»		1 час Бинарный урок (литература + биология) «Экология природы, экология души»		1. Мини-исследование «Экологические проблемы пос. Комарихинский» (совместный проект кружка «Краевед» и «Юный эколог») (2008) 2. Эссе «В единстве с родной землей» (2009)
11-й	«Пастух и пастушка»	3 часа 1. Современная пастораль 2. Любовь и война – две неравные доли. 3. «Было» и «не было» страшная реальность войны по Астафьеву.	1 час Повесть В. П. Астафьева «Весёлый солдат»	1 час Суровая правда войны в пасторали «Пастух и пастушка»	1. Конкурс-эссе «Любовь и война – две вещи несовместимые?» (2012) 2. Проект «Они повстречались на фронте» (2013) 3. Исследовательская работа «Дорога весёлого солдата» (2015) 4. Урок пресс-конференция «Проза подвига» по произведениям В. П. Астафьева о войне (2015)

Банк аргументов

Проблемы	Автор и произведение	Утверждающие тезисы	Аргументы
Проблемы, связанные с отрицательными качествами личности	В. П. Астафьев «Поскриптум»	Бескультурное общество — угроза человечеству.	Автор со стыдом и возмущением описывает поведение слушателей на концерте симфонического оркестра, которые, несмотря на прекрасное исполнение известных произведений, «начали покидать зал. Да кабы просто так они его покидали, молча, осторожно — нет, с возмущением, бранью покидали, будто обманули их в лучших вождениях и мечтах»
Утрата нравственных ценностей в современном мире	В. П. Астафьев «Людочка»	Безнравственность — это причина многих бед и трагедий	Людочка, выросшая в деревне, видевшая вокруг только нищету и пьянство, жестокость и безнравственность, ищет спасение от всего этого ужаса в городе. Но город, с его безразличием, губит героиню. Став жертвой насилия Людочка принимает решение покончить жизнь самоубийством.

По итогам Чтений каждый год выходит сборник «Астафьевскими метами», он рассчитан на широкий круг читателей: преподавателей, библиотекарей, работников музеев, студентов и школьников. А также всех, кто интересуется жизнью и творчеством В. П. Астафьева.

*Худайбердиева Н. М.,
учитель русского языка и литературы
(МБОУ «Каменская ООШ»)*

Работа с текстами В. П. Астафьева в урочное и во внеурочное время

Перед современной школой стоит ответственная задача — формирование духовно развитой личности, способной легко адаптироваться к изменяющемуся социокультурному пространству. В ряду учебных дисциплин по значимости воспитательной роли литература занимает приоритетное место.

Нравственные, бытийные, социальные проблемы, затрагиваемые литературой, предполагают более глубокое и личное восприятие её учеником.

Литература способна отображать всю многогранность жизни человека и общества. И в этом плане ведущая роль принадлежит прозе. Именно проза раскрывает, с

одной стороны, все глубины и все многообразие человеческой психологии, а с другой — все богатство и сложность связей человека с миром, с обществом, с историей.

Такой богатейший нравственный потенциал содержит в себе проза В. П. Астафьева, которая оказалась востребованной в наши дни. Знакомство с его личностью и творчеством может способствовать формированию духовных качеств школьников, их общекультурного уровня.

Потребность в развивающем характере обучения актуальна в решении проблем по подготовке грамотного читателя, способного общаться с художественными произведениями разных литературных родов и жанров.

Изучение произведений В. П. Астафьева в 5–9-м классах способствует литературному развитию учащихся.

Некоторые его произведения включены в программы по литературе в 5–9-м классах. «Васюткино озеро» в 5-м классе, «Конь с розовой гривой» в 6-м классе, «Фотография, на которой меня нет» в 8-м классе.

Вот некоторые виды работы с текстами В. Астафьева, которые я использую на уроках литературы.

Рассказ В. П. Астафьева «ВАСЮТКИНО ОЗЕРО» (5-й кл.)

Приём «ведение трёхчастного дневника»

Как помогла Васютке «таёжная мудрость» — знание примета, пословиц, поговорок?

Что увидел Васютка?	Какие выводы он сделал?	Комментарии
Почти голая сосна у ели		
Лиственичный лес		
Трава в тайге		
Кровавый закат		
Утку отнесло к берегу в безветренную погоду		
Гудок парохода со стороны озера		

Задание, направленное на умение определить роль художественной детали в тексте

Фрагмент текста	Как данная художественная деталь помогает раскрыть настроение, состояние героя в определенный момент повествования?
Вид беспомощной мухи, попавшей в тенёты паука	
Глядя на маленькую в небе звезду, Васютка вспоминает слова деда: «Погасла звёздочка — значит, чья-то жизнь оборвалась»	

Узнайте по эпитетам, о чём говорится:

(лес) неподвижно-тихий, сплошь хвойный, чужой, унылый, полуголый;
 (тайга) молчаливая, равнодушная, глухая, угрюмая;
 (озеро) небольшое, унылое, подёрнутое ряской;
 (туман) молочный, клейкий, неподвижный;
 (звёзды) далёкие, таинственные, мерцающие;
 (река) раньше обыкновенная, не очень приветливая, но родная, красивая.

Устное сочинение

Докажи, что Васюткино озеро — одно из тех мест, где ещё не ступала нога человека века

Сравнительный анализ

Что общего в приключениях Васютки с историей Робинзона Крузо?

Проба пера

Ты когда-нибудь был Робинзоном? Напиши об этом.

Рассказ В. П. Астафьева «КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ» (6-й кл.)

Работа со словом

Как ведут себя по дороге соседские ребята? Какие глаголы помогают понять отношение автора к их поведению? (*Глаголы действия показывают, что ведут себя эти ребята неразумно, как маленькие зверьки: хватают, сколько могут урвать, при этом ещё и дерутся.*)

Пересказ эпизода с использованием опорных слов-глаголов

(«Левонтьевские орлы бросались друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились»; «заскочили в чей-то огород», «напластали берема луку-батуна», «наелись до зелёной слюны, а недоеденный побросали».)

— Какие слова передают внутреннюю борьбу героя, прежде чем он отказался от того, чему учила бабушка? («Покаялся», «хорохорился я», «гаснущим голосом», «напустил на себя отчаянность», «махнул на все рукой». «Я ещё у бабушки калач украду!»)

Партитура чувств

Задание: найдите описание рыбалки, летнего дня. Прочитайте выразительно. Как меняется взгляд героя на окружающую природу? Изобразите партитуру чувств мальчика.

(*Наслаждается теплом, запахами трав, цветов — герой вглядывается задумчиво вдаль, вспоминает, что скоро должна приплыть бабушка — напряжен, внутренне готовится к встрече и объяснению с ней — его мучит стыд.*)

Словарная работа

Составьте небольшой словарь «сибирских» диалектизмов. Подумайте, почему писатель использует их в своем произведении?

При анализе произведения «ФОТОГРАФИЯ, НА КОТОРОЙ МЕНЯ НЕТ» (8-й кл.) использую такую форму работы как **дискуссия в ходе чтения**. Это один из приёмов технологии развития критического мышления средствами чтения и письма, называемый «чтение с расстановками». Технология отличается от привычного на уроках литературы комментированного чтения тем, что принципиально имеет целью дискуссию по вопросу, не имеющему однозначного ответа, и сравнение изменения собственных представлений о героях и поступках в ходе чтения.

В ходе дискуссии ребята отвечают на следующие вопросы:

- Как относились в деревне к учителям?
- Каков, на ваш взгляд, образ идеального учителя?

Органическим продолжением изучения творчества В. П. Астафьева являются как уроки внеклассного чтения, так и подготовка учащихся к участию в литературных конкурсах разного уровня.

Подготовка учащихся к литературным конкурсам позволяет учителю уделить большее внимание именно развитию личности школьника, литературному воспитанию, и в частности, развитию творческих способностей учащихся.

На школьном уровне ребята участвуют в ежегодной **читательской конференции** для учащихся 2–9-х классов на тему «Моя любимая книга, прочитанная летом», которая проводится в конце сентября. Особая роль отводится произведениям В. Астафьева

Читательская конференция позволяет развивать способность самостоятельно анализировать прочитанное произведение; формировать у детей навыки публичных выступлений; пропагандировать лучшие произведения разных видов и жанров.

Главная особенность читательской конференции — наличие проблемы, четко сформулированной чаще всего в теме.

Успех конференции в немалой степени зависит от её подготовки. Вся подготовительная работа — рекомендательные индивидуальные беседы, обзоры, книжные выставки, отзывы читателей о прочитанных книгах и т. п. — призвана вызвать познавательную активность читателей. Участники хорошо подготовленной конференции выступают заинтересованно, их выступления вызывают эмоциональную реакцию слушателей, желание включиться в обсуждение вопросов.

Большое значение для меня имеет работа над сочинением. Написанию хорошего сочинения способствует кропотливая предварительная работа.

Для осмысления содержания текста использую приём **чтение с остановками** при работе над рассказом «АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ» (7-й кл.).

Чтение текста осуществляется по частям, каждая часть анализируется и делаются прогнозы о дальнейшем содержании. Дети рассказывают о своих ассоциациях, чувствах, ожиданиях, о том, что подтвердилось из предположений, а что нет. Также учащиеся составляют **связный рассказ о бабушке** Катерине Петровне, включив в него цитаты, свои наблюдения, выводы.

1. Портрет бабушки
2. Речевая характеристика
3. Отношение бабушки к людям
4. Отношение односельчан к героине
5. Отношение бабушки к внуку Витьке
6. Как всё это характеризуют героиню

— Какого ангела-хранителя принесла бабушка в дом? (Щенка.)

— Как вы оцениваете поступок Екатерины Петровны? Почему, несмотря на голод, она подобрала щенка и даже накормила последним, то у них было? (*Высокая нравственность, чувство доброты, милосердия и сопереживания — это главные качества, которые отличали бабушку.*)

В результате такой трудоёмкой работы появляется не просто сочинение, а сочинение-размышление учащегося, в котором раскрывается в полной мере характер бабушки:

«Когда бабушка ходила в город, чтобы купить на вырученные от машинки деньги хлеб, то по дороге домой она не отломала ни кусочка от каравайя, а донесла весь каравай в целости. По дороге домой она подобрала голодного, бездомного щенка. Хотя щенка нечем было кормить, она взяла его с собой и оставила жить в доме. Это говорит о её милосердии и доброте. Даже за каравай с начинкой она простила мошенников и не стала их искать. А ведь могла бы обозлиться, но этого с ней не произошло. Это говорит о благородстве её души.

Я думаю, бабушка Вити — очень сильная женщина. Она никогда не сдавалась в трудных ситуациях. Жалко, что в наше время мало таких людей, которые думают о других, а о себе в последнюю очередь. Бабушка учила внука видеть в людях только хорошее. Недаром Витя, будучи взрослым человеком, называет её своим ангелом-хранителем». (Яшманов В., ученик 7-го кл. Эссе по рассказу В. П. Астафьева «Ангел-хранитель»)

При анализе рассказа «Захарка» (5-й кл.) учащиеся составляют интеллектуальную карту героя. Завершающий этап анализа рассказа письмо от имени героя. Весь собранный материал редактируется, и так появляется сочинение, написанное вдумчивым читателем.

Приведу отрывок из него:

«Захарка мне понравился тем, что никого не боялся, оставался верен себе. Случай же с пекарем его только закалил, хотя и оставил горький осадок от и так нелегкого детства мальчика. Взрослый Захар — это добрый, честный, сильный духом, трудолюбивый человек, ответственный работник и заботливый отец. Я уверен, что он никогда не совершит дурных поступков, а твердости духа надо у него учиться» (Полянский И., ученик 5-го кл. Эссе по рассказу В. П. Астафьева «Захарка»).

При анализе рассказа «Далёкая и близкая сказка» проводим с учащимися сопоставительный анализ, который помогает ребятам глубже окунуться в произведение, а также помогает проводить параллели с другими произведениями.

«Из слов, сказанных Васей, мальчик многое понял. В этой жизни всё проходит, без всего можно прожить, но только не без любви к Родине. Любовь к Родине для Васи-поляка — это всё, что осталось у него в жизни. Музыку, которую слышал герой произведения, написал композитор Огинский, земляк Васи. У них есть общее в судьбе — это оторванность от родной земли. Вася и Огинский лишены своей Родины, но любовь к ней никто не может у них отнять. Это настоящие патриоты своей страны.

Умер Вася, и как будто остановилась жизнь в селе без него. Вася — это праведник. Его можно сравнить с Матрёной Васильевной, героиней рассказа А. И. Солженицына «Матрёнин двор». И Матрёна, и Вася при жизни вели праведный образ жизни. Окружающие их не понимали, осуждали, относились к ним с презрением. Вася и Матрёна не ропщут на жизнь, и все трудности принимают как должное. И только после смерти героев люди начинают понимать, кого они лишили. Без таких людей, как Матрёна и Вася, праведников, по мнению Солженицына, «не стоит село» (Яшманов В., ученик 9-го кл.).

Если говорить о результате работы, то это не только участие в Астафьевских чтениях (2012, 2015), но и получение диплома лауреата в 2014 году (Яшманов В.)

Подводя итог всему выше изложенному, хочется ещё раз подчеркнуть, что произведения В. П. Астафьева помогают формировать у учащихся направленность на творчество, воспитывают в детях высокую оценку уроков литературы и литературного творчества, развивают положительную самооценку подростка, способность к рефлексии, воспитывают чувство прекрасного. Использование произведений В. П. Астафьева на уроках литературы, внеклассного чтения помогает воспитывать в детях патриотизм, любовь к природе, человеку, они учат любить и прощать.

*Виноградова Т. В.,
засл. работник культуры,
(ГКБУК «Пермская государственная краевая универсальная
библиотека им. А. М. Горького»)*

Литературный Астафьевский экспресс

С 2009 года в Пермском крае действует акция «Край читает Астафьева», осуществляемая при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций. Организатор — ГКБУК «Пермская государственная ордена «Знак Почета» краевая универсальная библиотека им. А. М. Горького». Постоянными партнерами библиотеки являются ГБУК «Пермская краевая детская библиотека им. Л. И. Кузьмина», Пермское отделение Союза писателей России, муниципальные библиотеки края.

Акция посвящена нашему земляку — русскому писателю Виктору Петровичу Астафьеву, жизнь и литературная судьба которого в 1940–1960-е годы была связана с городами Чусовой и Пермь. Темы нравственности, патриотизма, любви к родной природе поднимаемые в книгах Виктора Петровича, близки и понятны читателям всех возрастов.

Главное мероприятие акции Литературный Астафьевский экспресс. Сочетание слов Литературный экспресс выбрано организаторами неслучайно. Экспресс это, прежде всего движение. А для того, чтобы попасть в самые удаленные от Перми населенные пункты, нужен транспорт. В путь по краю отправляется большой коллектив — организаторов мероприятия на оформленном баннером автобусе. С 2009 года участники экспресса побывали в 18 районных центрах, городах и селах, выбирая для посещения две территории ежегодно. Экспресс это также продвижение книги и чтения, а в данном случае продвижение книг Виктора Петровича Астафьева.

В 2015 году экспресс побывал в Усольском и Большесосновском районах. Программа литературного экспресса рассчитана на школьников самого разного возраста, педагогов, представителей литературных объединений и читателей. Одновременно работали несколько площадок, на одной собрались школьники младшего возраста, на другой подростки, на третьей старшеклассники. Знакомство в территориях с творчеством В. П. Астафьева началось ещё до приезда экспресса. Библиотекари и педагоги организовали литературные чтения произведений писателя, конкурсы чтецов и рисунков, викторины, оформили выставки и просмотры литературы. И их старания не остаются без внимания. Определены 20 знатоков творчества писателя. Победители конкурсов получили награды от оргкомитета экспресса: книги В. П. Астафьева, благодарности для портфолио от краевой библиотеки им. А. М. Горького, сувениры от

краевой детской библиотеки им. Л. И. Кузьмина, и совсем уже — в духе рассказов писателя, то о чем мечтали астафьевские герои — тульские пряники и кедровые шишки. Произведения, подготовленные для конкурса, знакомство с творчеством автора, остаются в памяти надолго, возможно на всю жизнь. А у кого-то пробуждают творческие способности. В этом мы видим значение подобных мероприятий.

Если дети г. Перми достаточно часто общаются с писателями, то во многих населенных пунктах ситуация другая. И когда такие встречи проходят, школьники очень живо на них реагируют. Бессменный участник литературного экспресса за все годы его существования — Виталий Анатольевич Богомолов, член пермского отделения Союза писателей России, лауреат многих российских литературных премий, личная судьба его во многом схожа с судьбой В. П. Астафьева: такое же тяжелое детство, мучительные поиски своего места в жизни, преодоление всех невзгод. В. А. Богомолов входит в десятку самых читаемых пермских авторов по итогам исследования, проведенного в 2014 году краевой библиотекой им. А. М. Горького среди муниципальных библиотек. В. А. Богомолов встречался с Астафьевым, многие темы, поднимаемые в его произведениях созвучны астафьевским.

В программу каждой площадки были включены презентация о жизни и творчестве писателя, фрагменты фильмов о нем. Младших школьников на площадке «Высокая проза доброты» ждала встреча с библиотекарями краевой детской библиотеки им. Л. И. Кузьмина, с ребятами из театральной студии «Подмостки Прикамья» Центра дополнительного образования «Луч», которые под руководством Н. Н. Ваньковой предложили зрителям мини спектакль по произведениям писателя «Заветная проза». Для подростков была выбрана такая форма знакомства с писателем и его произведением, как урок — размышление «Душа становится чище, а сердце добрее» по рассказу В. П. Астафьева «Ангел-хранитель», подготовленном специалистами Центральной межпоселенческой библиотеки им. Ф. Ф. Павленкова Берёзовского муниципального района. Надо отдать должное и усольским, и березниковским ребятам, слова «доброта», «сердечность» для них не пустой звук, эти чувства им также близки и понятны.

Для педагогов, библиотекарей, представителей литературных объединений, читателей был подготовлен семинар, программа которого включала мастер-класс А. М. Кардапольцевой, директора Чусовской районной центральной библиотеки им. А. С. Пушкина, рассказавшей о послевоенных годах жизни фронтовика В. П. Астафьева, проведенных в Чусовом, о начале творческого пути писателя, о туристических объектах, связанных с именем Астафьева, брендовом мероприятии города Чусовой — Малых Астафьевских чтениях. В Чтениях участвуют ребята не только из Пермского края, но и из разных территорий нашей страны. В год празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне было решено патриотическую тему, поднимаемую в произведениях Виктора Петровича, рассмотреть с привлечением книг писателей послевоенного поколения, показать что эта тема близка и также продолжает волновать современных авторов. Собранным на этой площадке был предложен обзор «Современные писатели о войне», подготовленный краевой библиотекой им. А. М. Горького.

Участники мероприятия не только получают яркие впечатления, но и книги, которые можно выбрать благодаря акции «Книга в подарок».

Участниками Литературного Астафьевского экспресса за период его существования стали 5143 человек. Эти данные подтверждают интерес молодого поколения к книге, чтению, а также свидетельствуют о том, что форма мероприятия выбрана верно.

Рязанова И. А.,
директор МБУК «Березовская централизованная библиотечная система»
(Берёзовский район, Пермский край)

Уроки жизни Виктора Петровича Астафьева. Опыт путешествий с «Литературным экспрессом» “Пермский край читает Астафьева”»

Упражнение «Как здороваются в разных странах»

— Я прошу вас вспомнить, как приветствуют друг друга люди в разных странах в повседневной жизни...

(Выслушать ответы, затем подсказать:

- японцы встречают друг друга поклонами
- в Израиле говорят: «Мир вам!»
- в Малайзии принято здороваться вопросом: «Куда ты идёшь?» Отвечать следует: «Погулять...»)

— Ну, а теперь о серьёзном. Разрешите поделиться с вами опытом участия в составе краевой акции «Литературный экспресс «Пермский край читает Виктора Астафьева».

Напомню, что сама акция существует более 7 лет. За это время Литературный экспресс побывал в 14 территориях края.

В начале учебного года, обычно это бывает в октябре, Литературный экспресс совершает два выезда, чтобы встретиться с увлечёнными литературным творчеством читателями.

Мы присоединились к краевой акции в 2013 году, после того как в 2012 году Литературный экспресс побывал у нас в Берёзовке.

В рамках Литературного экспресса мы проводим мероприятия, которые называем «Уроками жизни» или «Уроками доброты» (во время выездных акций мы читаем вслух небольшие произведения: притчи, новеллы, рассказы; обязательно их обсуждаем, беседуем, размышляем, иногда спорим...):

- урок-размышление по рассказу В. П. Астафьева «Бабушка с малиной», который называется у нас «Не опоздайте с добротой»; урок-размышление по рассказу «Ангел-хранитель» — «Душа становится чище, а сердце добрее».

Однаково хорошо воспринимают эту форму и дети, и взрослые.

Начинаем встречу обязательно с эмоционального настроя — чтобы создать ощущение эмоциональной безопасности, доверия, уверенности в себе. Считаем, что такие упражнения дают много опыта. Они часто бывают просто весёлыми. И на этом базируется их эффективность — элемент обучения через эмоции.

Например, упражнение «Как здороваются в разных странах».

Или такое. Говорим аудитории о том, что у нас сегодня очень хорошее настроение, задаём вопрос: «А какое настроение у вас?» Обязательно слушаем все ответы: хорошее, доброе, радостное, весёлое — и подводим итог: «Мы очень рады, ведь от того, какое настроение у человека, зависит его здоровье, а также здоровье и настроение всех его близких...»

Часто приезжаем с подарками (например, привозим корзину с яблоками, когда ведём разговор о «Бабушке с малиной». Угощаем наших читателей и говорим: «Будьте здоровы! Ведь яблоки издревле считаются символом здоровья»... Кроме этого,

каждое яблочко у нас красиво оформлено – нарядный бантик и письмо – высказывания великих о доброте. Потому как добрые мысли, добрые слова и добрые дела – источник здоровья!)

Ираида Тихомирова (известный специалист по детскому творческому чтению) считает: «Художественная литература – тайная психология, которую надо разгадать через мимику, через выражение глаз, движение рук, через молчание...».

Читаем не только глазами, но и сердцем!

Поэтому обязательно – на каждой встрече – мы практикуем чтение вслух (не требуем от наших читателей какой-то предварительной подготовки, работаем по принципу: здесь и сейчас). Отбираем для знакомства и разговора небольшие по объёму произведения, но если случается так, что рассказ по объёму большой – мы немножко его сокращаем.

Вслед за великими считаем, что рассказ – жанр неисчерпаемых возможностей. Поэтому стараемся в рамках недолгой по времени встречи предложить как можно больше видов деятельности (общаемся, читаем, обсуждаем, размышляем, отгадываем, думаем, творим...)

Очень важный этап наших уроков – обсуждение прочитанного – тоже здесь и сейчас. Убеждены, что обсуждение – очень мощный метод, с помощью которого формируется понимание. Главный инструмент здесь – вопросы ведущих (Какой эпизод рассказа является важнейшим? Какой случай лежит в основе рассказа? Случались ли с вами похожие ситуации? Какими мы видим героев рассказа? Какую деталь использует автор, чтобы передать состояние героини? Как вы думаете, о чем рассказал нам автор своим произведением? и т. п.) Именно при ответе на вопросы наши читатели формулируют своё понимание рассказа, события, поступка героя... Стараемся, чтобы в нашем разговоре участвовали все, выслушиваем всех – ведь опыт каждого уникален и может оказаться полезным для всех нас.

Мы – библиотекари – в обсуждении стараемся занять позицию заинтересованного собеседника, не менее читателей озадаченного мотивами поведения героев, их чувствами, взаимоотношениями, смыслом метафоры, подтекста. В итоге в пространстве нашего диалога становятся доступными для осмысления и сознательного прочувствования вечные истины, открывающие источники внутренних сил.

После обсуждения предлагаем небольшие мастер-классы (когда мы вместе с нашими участниками что-то делаем, мастерим, создаем своими руками).

Например, **мастер-класс «Доброе сердце»**, который мы проводим в рамках обсуждения рассказа «Ангел-хранитель». Занимает времени это совсем немного, а в результате получается красивый и добрый сувенир, который ещё долгое время будет напоминать о нашей встрече.

Итоговым моментом наших уроков является обратная связь. Она для нас обязательна – это хороший метод оценки нашей работы читателями (с целью её улучшить). Почти всегда обратную связь мы проводим в форме творческой рефлексии:

Например, **упражнение «Дерево доброты»** (мы наряжаем дерево, уже подготовившееся к зиме, сердцами наших читателей, где они зафиксировали свои мысли по поводу нашей встречи, пожелания близким или участникам мероприятия...)

Или наполняем вместе с героями рассказа, туюсок главной героини из произведения В. П. Астафьева «Бабушка с малиной» и предлагаем закончить предложение:

«На сегодняшней встрече я поняла...»
 «Я поймал себя на мысли...»
 «Меня удивило...»
 «А может быть, в следующий раз...»
 «Мне захотелось...»
 «Услышанное заставило меня...»

В завершении урока обязательно вспоминаем какую-нибудь притчу. Например, «Ведро с яблоками» (если ведём разговор о «Бабушке с малиной») или «Морские звёзды» (если читаем «Ангела-хранителя»). Зачем? Чтобы ещё раз напомнить об основной мысли автора, а для кого-то, может быть, указать правильный путь...

Притча «Ведро яблок»:

Купил Человек себе новый дом – большой, красивый – и сад с фруктовыми деревьями возле дома. А рядом в стареньком домике жил завистливый Сосед, который постоянно пытался испортить ему настроение: то мусор под ворота подбросит, то ещё какую гадость натворит.

Однажды проснулся Человек в хорошем настроении, вышел на крыльцо, а там – ведро с помоями. Человек взял ведро, помои вылил, ведро вычистил до блеска, насобирал в него самых больших, спелых и вкусных яблок и пошёл к соседу. Сосед, услышав стук в дверь, злорадно подумал: «Наконец-то я допёк его!» Открывает дверь в надежде на скандал, а Человек протянул ему ведро с яблоками и сказал:

– Кто чем богат, тот тем и делится!

Притча «Морские звёзды»:

Человек шёл по берегу и увидел мальчика, который поднимал что-то с песка и бросал в море. Человек подошел поближе и увидел, что мальчик поднимает морские звёзды. Они окружали его со всех сторон. Казалось, на песке – миллионы морских звёзд, берег был буквально усеян ими...

– Зачем ты бросаешь их в воду? – спросил человек, подходя ближе.

– Если они останутся на берегу до завтрашнего утра, когда начнется отлив, то погибнут, – ответил мальчик, не прекращая своего занятия.

– Но это просто глупо! – закричал человек. – Оглянись! Здесь миллионы морских звёзд. Твои попытки ничего не изменят!

Мальчик поднял следующую морскую звезду, на мгновение задумался, бросил её в море и сказал:

– Нет, мои попытки изменят очень многое... именно для этой звезды...

И, наконец, необходимо, наверное, сказать ещё вот о чём: уж если мы говорим с другими о добре, душевной теплоте, искренности, заботе, тогда и сами должны быть в этом примером. Поэтому и в издательскую нашу продукцию мы тоже вкладываем частичку нашей души и тепло наших рук.

Подводя итог своего выступления, хочу сказать следующее:

1. Мы по-настоящему увлечены идеей творческого чтения, когда в процессе или после чтения рождается какой-нибудь творческий результат (пусть это будет даже просто интересная мысль...)

2. Каждый наш урок освещён «солнечным лучиком», как своеобразным символом определённого нравственного качества, — милосердия, сострадания, прощения, заботы, внимания, терпимости...

3. Нравственные знания усваиваются нашими читателями посредством игровых приёмов, творческих заданий, творческих рефлексий, мастер-классов, путём включения в проблемную ситуацию...

4. Через чтение, через анализ жизненных ситуаций, человеческих отношений, изображённых в книге, через погружение в мир чувств и мыслей литературных героев происходит развитие личности читателя, его творческих способностей.

5. Происходит возрождение интереса к творчеству нашего замечательного земляка и вообще к классике (после встречи часто слышим: «Жаль, что раньше не были знакомы с этим рассказом...»).

Мы считаем, что главный результат наших нравственных уроков таков: каждый становится чуточку мудрее, добрее, терпимее...

Для заметок

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

Для заметок

This image shows a single sheet of white paper with horizontal ruling lines. The lines are evenly spaced and run across the width of the page. There are no margins, text, or other markings on the paper.

СОДЕРЖАНИЕ

КУРАЕВ М. Н. Астафьев и война	3
КАРДАПОЛЬЦЕВА А. М. Литературное наследие В. П. Астафьева и сохранение региональной идентичности территории	5
ЗЕБЗЕЕВА А. Г. Случайность и судьба. В. П. Астафьев и М. С. Корякина в моей жизни	12
ЛЕБЕДЕВА Н. В., КУДРЯ Е. Е. Освоение школьниками этико-эстетической категории «Семейные ценности» (на примере биографии и творчества В. П. Астафьева)	17
ЕРМОЛАЕВА О. Ю. Школа имени Астафьева	25
ТИНИГИН В. А. «Следами, тропами, дорогами Виктора Астафьева» (презентация фотоальба в 2-х томах)	29
 ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ	
ЯГОДИНЦЕВА Н. А. Литература как инструмент социально культурного проектирования	35
СКИФ В. П. Глеб Пакулов и Виктор Астафьев	41
ЗАГОРОДНЕВА К. В. Исповедальная поэтика и современная литература: Дж. Уинтерсон, Д. Рубина и О. Славникова	58
БЫКОВ Л. П. Астафьев и Решетов: опыт сближения	62
КЕРДАН А. Б. Тенденции развития современной русской словесности: региональный аспект (на примере осуществления культурологического проекта — создания Ассоциации писателей Урала)	69
КОВАЛЁВА А. М., ШЕРЕМЕТЬЕВА О. А. Композиция и сюжет повести В. П. Астафьева «Кража»	74
ГОНЧАРОВ П. А., ГОНЧАРОВ П. П. Проблемы типологии астафьевского героя	77
БЕЛИКОВ Ю. А. Столбовой переселенец. Легенды об Астафьеве. Мифологизация личности и её реальное воплощение	88
КРАСИЛИЧ С. С. Литературная гостиная как форма внеурочной деятельности	91
ДИ САНТО АННАЛИЗА. Животные между мифом и фольклором в повести «Бойе»	92
ГЛАДКИХ Ю. Г., ЧЁРНАЯ С. А. Оценочная лексика, характеризующая ребёнка в повести В. П. Астафьева «Последний поклон»	97
БОГОМЯГКОВА Л. В. Урок литературы в 6–8-м классе «Загадка русской души»	99

ОСТРОУМОВА Н. Г. Есть маленький город в родимом краю (по стихам нытвенских поэтов).....	103
---	-----

ВАСИЛЬЕВА В. Н. Произведения В. П. Астафьева на уроках литературы в средней школе. Из опыта работы учителя.....	105
---	-----

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

ГЛАДКИХ Ю. Г. Астафьевское сложное слово: множественное в едином.....	107
---	-----

МАСЛЯНКА В. Н. Начало музея. Из опыта изучения литературной метрики Виктора Астафьева.....	111
--	-----

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Е. Л. Роль писателя К. В. Рождественской в творческой судьбе В. П. Астафьева.....	117
--	-----

ТИТОВ А. Б. Какой зверь кому по чину.....	119
--	-----

ГЛАДЫШЕВ В. Ф. Он вышел из пучины.....	123
---	-----

ЛУЗИНА И. Н. Отражение этнокультурных традиций в музыкально-художественном цикле «С кистью и пером в ладони славлю Прикамье родное».....	129
---	-----

ИСАЕВА Т. В. Биография и творчество В. П. Астафьева в экспозиции Литературного музея им. В. П. Астафьева.....	131
---	-----

ГРЕБЁНКИН А. А. Долг памяти.....	133
---	-----

ГУРИН А. П. «Не бояться правды». (из повести-эссе «Сокровенное»).....	134
---	-----

БИБЛИОТЕЧНО-ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

ГУДКИНА З. Н. Совместная деятельность музея сибирских писателей и библиотеки гимназии № 10 по изучению и пропаганде творчества В. П. Астафьева на Малых Астафьевских чтениях в городе Перми.....	146
---	-----

ГУБАРЕВА Т. Д. Формирование исследовательской компетенции учащихся на базе школьного литературного музея.....	150
---	-----

ОХОРЗИНА Л. А. «Вспоминая Астафьева»: опыт работы по выпуску сборника воспоминаний.....	154
---	-----

ЭРМАН О. П. Сопоставительный анализ рассказа В. Астафьева «Царь-рыба» и Э. Хемингуэя «Старик и море» на уроке литературы в старших классах.....	158
--	-----

БЕРЛЯКОВ П. Г. Создание анимационного фильма по мотивам рассказа В. П. Астафьева «Сибиряк».....	163
---	-----

ДУБОВЦЕВА З. А. Война в рассказе В. П. Астафьева «Сибиряк» (конспект урока).....	165
--	-----

КАЮРИНА С. А. Роль рекламно-издательской деятельности библиотек по популяризации творчества В. П. Астафьева.....	168
ЛУКИНА С. Ю. Учиться у мастера слова. Астафьевские меты. Из опыта работы.....	170
ХУДАЙБЕРДИЕВА Н. М. Работа с текстами В. П. Астафьева в урочное и во внеурочное время	176
ВИНОГРАДОВА Т. В. Литературный Астафьевский экспресс	181
РЯЗАНОВА И. А. Уроки жизни Виктора Петровича Астафьева. Опыт путешествий с «Литературным экспрессом “Пермский край читает Астафьева”»	183

Научное издание

ПЕРМСКИЕ АСТАФЬЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

сборник материалов
научно-практической конференции
«Родина. Государство. Человек»

Все материалы публикуются в авторской редакции.

Корректор В. Шубина
Вёрстка С. Неведомская

Пермская краевая общественная (профессиональная)
организация Союза писателей России, ПКОО «Пермский писатель»
permsprossii@rambler.ru
г. Пермь, ул. Сибирская, 30

Подписано в печать 20.12.2015.
Формат А5. Бумага ВХИ.
Гарнитура «PeterburgC».
Печать офсетная. Тираж 110 экз.
Заказ № 6895.

Отпечатано в соответствии
с представленным оригинал-макетом
в ООО «Ай кью пресс».
614046, г. Пермь, ул. Барамзиной, 42/3
www.iqpress.ru

